

Д. Свифт

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

Jonathan Swift

Джонатан Свифт

&

Путешествия

некоторые
отдаленные страны света

ЛЕМЮЭЛЯ
ГУЛЛИВЕРА

сначала хирурга,
а потом капитана
нескольких
кораблей

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1938

Перевод с английского под редакцией
А. Франковского

Художник *В. П. Высоцкий*

Часть первая
ПУТЕШЕСТВИЕ
В
лиллипутию

Hogs I.

P. Mintnoug

I. Good Fortune

I Nalsow

SUNDA

Sillabar

Straits of Sunda

Blefuscu

Lilliput

Discovered A D. 1699

Mildendo

Dimene Land

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автор дает сведения о себе и о своем семействе. Что побудило автора отправиться в путешествие. Он претерпевает кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает береги страны лиллипутов. Его берут в плен и увозят в глубь страны.

ой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он послал меня в колледж Эмануила в Кембридже, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям. Хотя я получал весьма скудное содержание, однако и оно ложилось тяжелым бременем на отца, состояние

которого было незначительно; поэтому меня отдали в ученье к мистеру Джемсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я прожил четыре года. Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на приобретение пособий для изучения навигации.

и других отраслей математики, полезных человеку, желающему посвятить себя путешествиям, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Оставив мистера Бетса, я возвратился к отцу, и у него, у дяди Джона и у других родственников мне удалось получить сорок фунтов стерлингов и обещание ежегодно высылать мне в Лейден еще тридцать фунтов. В этом городе, в продолжение двух лет и семи месяцев, я изучал медицину, будучи уверен, что знание ее окажется мне полезным в дальних путешествиях.

Вскоре по возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего доброго учителя, мистера Бетса, поступил хирургом на судно «Ласточка», ходившее под командой капитана Авраама Паннеля. Я проплавал с ним три с половиной года, совершил одно-два путешествия в Левант и в некоторые другие страны. Возвратившись в Англию, я решил поселиться в Лондоне; к этому поощрял меня и мистер Бетс, мой учитель, который порекомендовал меня несколькими своим пациентам. Я нанял квартиру в небольшом доме на Олд-Джюри и, вняв советам родных не оставаться холостяком, женился на мисс Мери Бертон, второй дочери мистера Эдмунда Бертон, чулочного торговца на Ньюгет-стрит, за которой получил четыреста фунтов приданого.

Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись, ибо совесть не позволяла мне подражать шарлатанству многих моих братьев. Вот почему, посоветовавшись с женой и некоторыми знакомыми, я решил снова отправиться в плавание. Я поступил хирургом сперва на одно, а потом на другое судно и в продолжение шести лет совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию, что несколько поправило мои денежные дела. Часы досуга я посвящал чтению лучших авторов, прежних и современных, так как всегда запасался в дорогу книгами; на берегу же наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык, что благодаря хорошей памяти давалось мне очень легко.

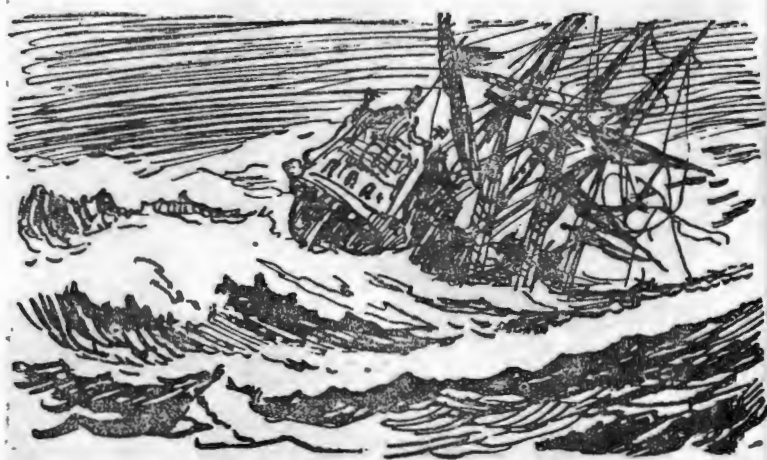
Последнее из этих путешествий было не особенно счастливо, и потому, утомленный морскою жизнью, я решил жить дома с женой и детьми. Я перебрался с Олд-Джюри в Феттер-Лейн, а оттуда в Уоппинг, надеясь

иметь практику среди моряков, но эта надежда не оправдалась. Три года я провел в ожидании, что положение мое улучшится, и, наконец, принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца судна «Антилопа», отправиться с ним в Южный океан. 4 мая 1699 года мы отплыли из Бристоля, и наше путешествие было сначала очень удачно.

Не стоит утомлять внимание читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; достаточно сказать, что при переходе в Ост-Индию мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Ван-Дименовой земли. Согласно наблюдениям, мы находились на $30^{\circ} 2'$ южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были в состоянии полного изнеможения. 5 ноября (начало лета в этих местах) было очень пасмурно, так что матросы только на расстоянии полукабельтова от корабля заметили скалу; между тем страшный ветер гнал корабль прямо на эту скалу, и он мгновенно разбился в щепки. Шестеро из экипажа, в том

числе я, спустили шлюпку на воду и благополучно отъехали от корабля и скалы. По моим расчетам, мы шли на веслах около трех миль, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю ветра и волн, и через пол-

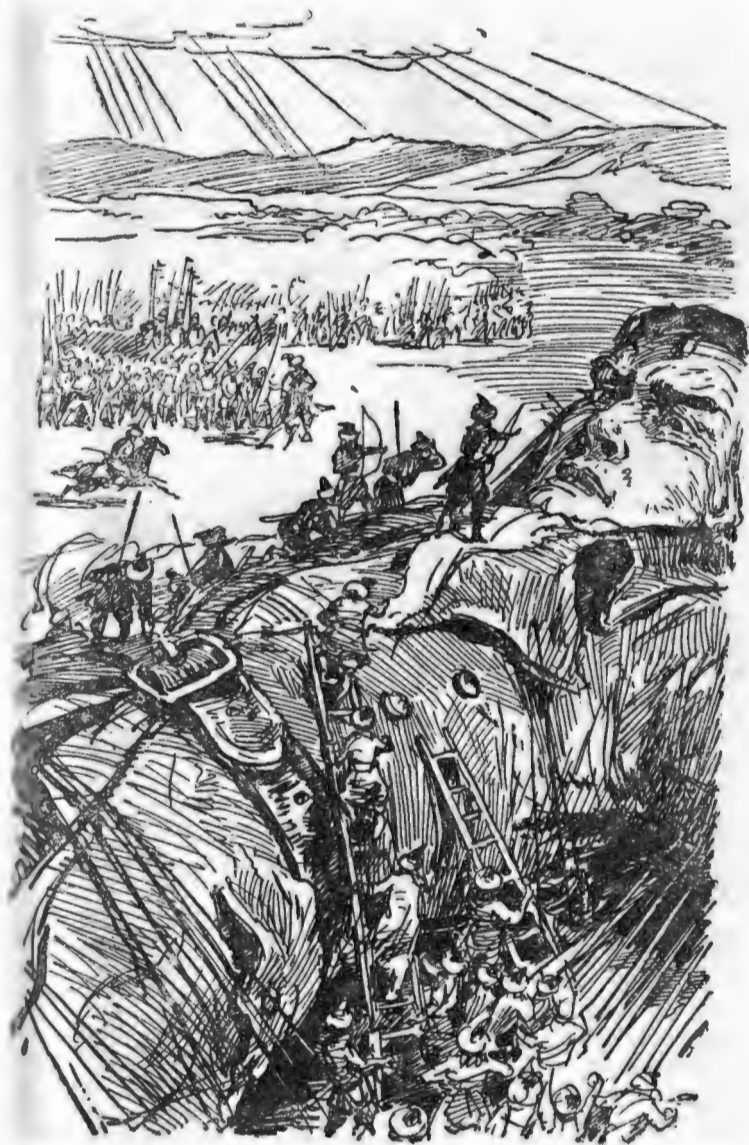
часа шлюпка была опрокинута внезапно налетевшим с севера шквалом. Что случилось с моими товарищами по шлюпке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл наугад, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ногу, но не мог нащупать дно; и вот, в то время когда я совсем уже выбился из сил и не способен был больше бороться с волнами, буря значительно утихла, и я почувствовал под ногами землю. Дно в этом месте было так отлого, что мне пришлось пройти более мили, прежде чем я добрался до берега; было, должно быть, около девяти часов вечера. Я прошел с полмили, но не обнаружил никаких признаков жилья и населения, или по крайней мере был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой мной еще на корабле

пипинты водки меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчету, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем

светло. Я хотел встать, но не мог пошевелиться; я лежал на спине и чувствовал, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы; а все мое тело, от подмышек до бедер, опутано целой сетью тонких бечевки. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но в том положении, в котором я лежал, я не мог видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человека, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается по крайней мере еще около сорока подобных же (как мне

показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе разбежались, причем некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились снова, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно все мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким голосом, но отчетливо прокричал: *Гекина дегуль*; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не понял тогда их значения. Читатель может себе представить, в каком неудобном положении я лежал все это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать веревочки и выдернуть деревянные колышки, к которым была привязана левая рука; поднеся ее к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, сделав страшное усилие, причинившее мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнуры, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыца вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко прокричал: *Только фонак*. В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того, как у нас в Европе стреляют из мортир, причем, я полагаю, много стрел упало на мое тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град стрел прошел, я застонал от злости и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первых двух, причем враги мои пытались колоть меня копиями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволово́й кожи, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное пролежать спокойно до наступления ночи, и тогда левой рукой я легко освобожусь; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь и с большей армией, если только она будет состоять из существ такого же роста, как те, которых я видел перед собою. Однако судьба решила иначе. Когда эти люди заметили,

что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырех ярдов от меня возле правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. По-

вернув голову, насколько позволяли державшие ее веревочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землей на полтора фута, на котором могло уместиться четверо таких человечков, а возле помоста две или три лестницы, чтобы восходить на него. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял.

Но я должен упомянуть, что

перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала: *Лангро дегюль сан* (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и перевели). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезали веревки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть ее направо и таким образом наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человеком средних лет, ростом выше трех других, сопровождавших его; один из них, величиной с мой средний палец, вероятно паж, держал его шлейф, два других стояли по сторонам в качестве почетной стражи. Он произнес речь по всем правилам ораторского искусства, некоторые части ее выражали угрозу, другие — обещание, сожаление и благосклонность. Я отвечал в немногих словах с видом величайшей покорности, подняв солнцу взор и левую руку и как бы призывая свидетелей: и так как я почти умирал от голода — последний раз я поел за несколько часов перед тем, как оставить корабль, — то требования природы были таковы повелительны, что я не мог сдерживать своего нетерпения (быть может, нарушая строгие правила приличия).

несколько раз поднес палец ко рту, желая показать, что хочу есть. *Гурго* (так они называли важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошел с помоста и приказал приставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моем появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филе, с виду напоминавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три блюда вместе с тремя хлебцами, из которых каждый был не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали свое удивление моим ростом и аппетитом. По этому аппетиту они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и потому, когда я знаками попросил пить, они необычайно ловко подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из нее дно; я без труда осушил ее одним духом, потому что она вмещала не более нашей полупинты. Вино по вкусу напоминало бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером и сделал знак, чтобы дали еще, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки, восторженно крича, танцевали у меня на груди и много раз повторяли свое первое восклицание: *Гекина дегуль*. Знаками они попросили меня сбросить обе бочки на землю, но сначала приказали толпившимся внизу посторониться, громко крича: *Бора мевола*, а когда бочки взлетели в воздух, раздались ликующие возгласы: *Гекина дегуль*. Сказать правду, меня сильно искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперед по моему телу, и сбросить их. Но сознание, что они могли причинить мне еще большие неприятности, чем те, что я уже испытал, а равно торжественное обещание, данное мною им, — ибо так толковал я свое изъяснение глубокой покорности — скоро прогнали эти мысли. Кроме того, я считал себя свя-

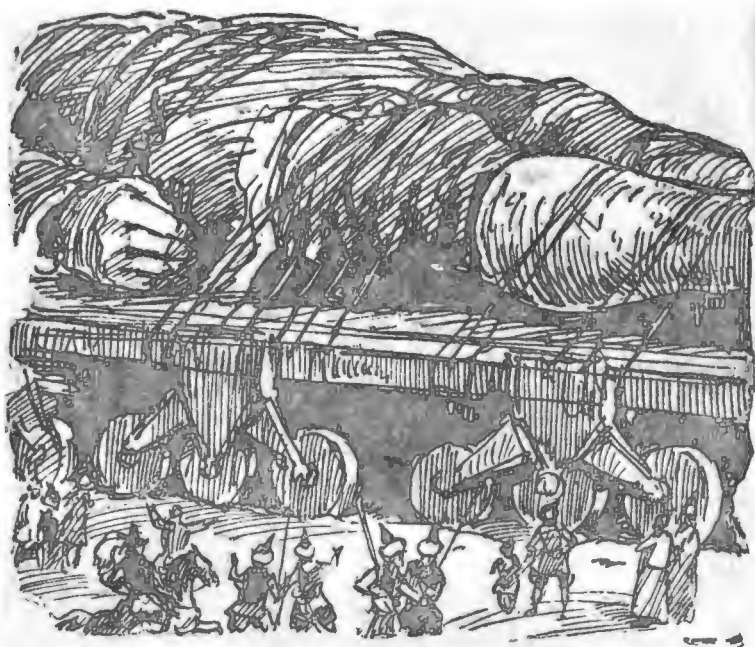
занным законами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отваживавшихся взбираться на мое тело и прогуливаться по нему, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших содрогания при виде такого страшного чудовища, каким я должен был казаться им. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою правую голень, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты, за королевскую печатью, приблизив их к моему глазу, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была сказана без малейших признаков гнева, но с авторитетом и решительностью, причем он часто указывал пальцем вперед, как оказалось потом, по направлению к столице, находившейся от нас в расстоянии полумили, куда, по решению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти. Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятыми, так что мне пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой его превосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили. Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачив отрицательно головой, жестами пояснил, что я должен быть отвезен в столицу как пленник. Наряду с этим он делал и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя еще жгучую боль на лице и руках, покрывшихся волдырями, причем много стрел еще торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей все время возрастает, я дал понять, что они могут делать со мной все, что им угодно. Довольные моим согласием, *Гурго* и его свита любезно раскланялись и удалились с веселыми лицами. Вскоре после этого я заметил общее

ликование и услышал часто повторявшиеся слова: ~~поплам~~ селян, и увидел с левой стороны большую толпу, которая ослабила веревки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону. Мне помазали лицо и руки каким-то приятно пахнущим составом, который в несколько минут успокоил жгучую боль, причиненную их стрелами. Все это, в соединении с сытным завтраком и прекрасным вином, благотворно подействовало на меня и склонило ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов; в этом нет ничего удивительного, так как врачи, по приказанию императора, подмешали сонного питья в бочки с вином.

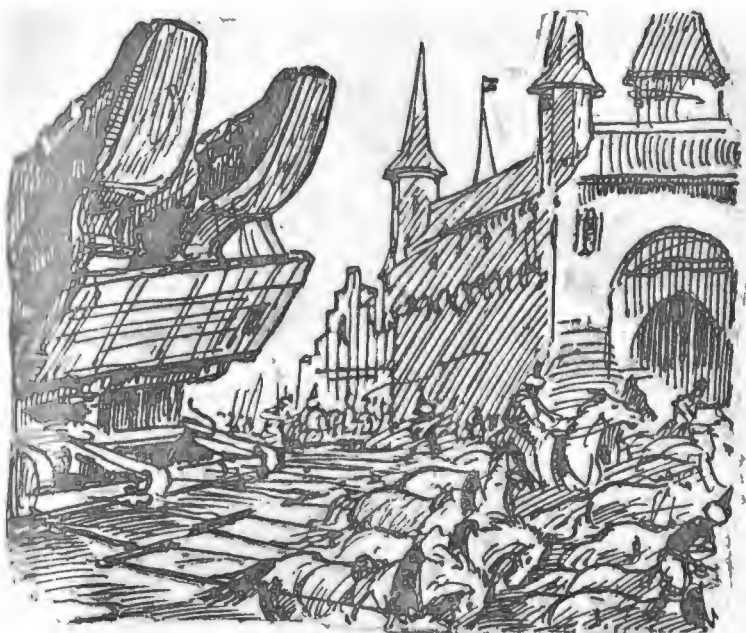
Вероятно, как только туземцы нашли меня спящего на берегу после кораблекрушения, они немедленно послали гонца к императору с известием об этом открытии. Тотчас был собран государственный совет и вынесено постановление связать меня вышеописанным способом (что было исполнено ночью, когда я спал), отправить мне в большом количестве провизию и питье и приготовить машину для перевозки меня в столицу.

Быть может, такое решение покажется слишком смелым и опасным, и я убежден, что в аналогичном случае ни один европейский монарх не поступил бы подобным образом. Однако, по-моему, это решение было столь же благоразумно, как и великодушно. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы, пока я спал, убить меня своими копьями и стрелами. Что же вышло бы? Почувствовав боль, я, наверное, сразу же проснулся бы и в припадке ярости оборвал бы веревки, которыми был связан; после чего они не могли бы сопротивляться и ожидать от меня пощады.

Эти люди — превосходные математики и достигли большого совершенства в механике благодаря поощрениям и поддержке императора, известного покровителя наук. У этого монарха есть много машин на колесах для перевозки бревен и других тяжестей. Он часто строит громадные военные корабли, иногда достигающие девяти футов длины, в местах, где растет строевой лес, и оттуда перевозит их на этих машинах за триста или четыреста ярдов к морю. Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно изготовить самую большую повозку, какую только им приходилось делать. Это была дере-

вянная платформа на двадцати двух колесах, около семи футов в длину и четырех в ширину, возвышавшаяся на три дюйма от земли. Услышанные мною восклицания были приветствием народа по случаю прибытия этой повозки, которая была отправлена за мною, кажется, спустя четыре часа, после того как я вышел на берег. Ее поставили возле меня, параллельно моему туловищу. Главная трудность состояла, однако, в том, чтобы поднять и уложить меня в описанную повозку. С этой целью были вбиты восемьдесят свай вышиной в один фут каждая и приготовлены очень крепкие канаты толщиной в обыкновенную бечевку; канаты эти были прикреплены крючками к многочисленным повязкам, которыми рабочие обвили мою шею, руки, туловище и ноги. Девятьсот отборных силачей стали тащить за канаты при помощи множества блоков, прикрепленных к сваям, и таким образом после трех часов работы меня подняли,

положили в повозку и крепко привязали к ней. Все это рассказали мне потом, так как во время операции я спал глубоким сном, в который я был погружен микстурой, примешанной к вину. Понадобилось полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, вышиной около четырех с половиной дюймов каждая, чтобы привезти меня в столицу, расположенную, как уже было сказано, на расстоянии полумили от берега.

Мы находились в дороге уже часа четыре, когда я проснулся благодаря весьма забавному случаю. Повозка остановилась для какой-то починки; воспользовавшись этим, два или три молодых человека полюбопытствовали, какое у меня выражение, когда я сплю; они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу; тут один из них, гвардейский офицер, засунул мне в левую ноздрю острие своей пики; оно защекотало, как соломинка, и я громко чихнул. Испуганные храбрецы

мгновенно скрылись, и только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения. Весь остаток дня мы провели в дороге; ночью расположились на отдых, и подле меня было поставлено на страже по пяти-сот гвардейцев с обеих сторон, половина с факелами, а другая половина с луками наготове, чтобы стрелять при первой моей попытке пошевелиться. Но с восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню находились в двухстах ярдах от городских ворот. Навстречу вышли император и весь его двор, но высшие сановники решительно воспротивились намерению его величества подняться на мое тело, боясь подвергнуть опасности его особу.

На площади, где остановилась повозка, возвышался древний храм, считавшийся самым обширным во всем королевстве. Несколько лет тому назад храм этот был осквернен зверским убийством, и с тех пор здешнее население, отличающееся большой религиозностью, стало смотреть на него, как на место, не достойное святыни; вследствие этого он был обращен в общественное здание, из него были вынесены все убранства и вся утварь. Это здание и было назначено для моего жительства. Большая дверь, обращенная на север, имела около четырех футов в высоту и почти два фута в ширину, так что я мог довольно свободно проползать через нее. По обеим сторонам двери, на расстоянии каких-нибудь шести дюймов от земли, были расположены два маленьких окна; в левое окно придворные кузнецы провели девятью одну цепочку вроде тех, что носят у часов наши европейские дамы, и почти такой же величины; цепочки эти были закреплены на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками. Против храма, по другую сторону большой дороги, на расстоянии двадцати футов, стояла башня не менее пяти футов вышины. На эту башню взобрал император со множеством придворных, чтобы лучше рассмотреть меня, как мне передавали, потому что сам я не обратил на них внимания. По произведенным подсчетам, около ста тысяч народа с той же целью покинуло город; и я полагаю, что, невзирая на стражу, не менее десяти тысяч любопытных перебивало на мне в разное время, взбираясь на мое тело по лестницам. Скоро, однако, был издан указ, запрещающий это

под страхом смертной казни. Когда кузнецы нашли, что вырваться мне невозможно, они обрезали связывавшие меня веревки, и я поднялся в таком сумрачном настроении, какого у меня не было никогда в жизни. Шум и шумление толпы, увидевшей, как я встал и хожу, не поддаются описанию. Цепи, приковывавшие мою левую ногу, были около двух ярдов длины и не только давали мне возможность гулять взад и вперед, описывая полукруг, но, будучи укреплены на расстоянии четырех дюймов от двери, позволяли также вползать в храм и ложиться в нем, вытянувшись во весь рост.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Император Лиллипутии в сопровождении многочисленных вельмож приходит навестить автора в его заключении. Описание наружности и одежды императора. Автору назначают учителей для обучения языку лиллипутов. Своим кротким поведением автор добывается благосклонности императора. Обыскивают карманы автора и отбирают у него саблю и пистолеты.

спокойно переносил свой плен в такой утомительной позе, но теперь с большим удовольствием снова поднялся на ноги и осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не приходилось видеть более привлекательного пейзажа. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом, а огороженные поля, из которых каждое занимало не более

сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесом вышиной в сажень; в нем самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов. Налево лежал город, похожий на декорации в театре.

Я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище — ведь на нее словно гора двинулась — взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подоспели придворные, которые, схватив коня под уздцы, помогли ему сойти. Его величество с большим восхищением осмотрел меня со всех сторон, держась, однако, на почтительном расстоянии. Он приказал своим поварам и лакеям, стоявшим наготове, подать мне есть и пить, и те подкатывали ко мне провизию и вино в особых тележках на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро

опустошал; в двадцати таких тележках находились кушанья, а в десяти напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальными сосудами. Императрица, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами сидели в креслах на некотором расстоянии, но после приключения с лошастью императора все они встали и окружили его величество, портрет которого я хочу теперь дать читателю. Ростом он на мой ноготь выше всех своих придворных; одного этого совершенно достаточно, чтобы внушать зрителям чувство почтительного страха. Черты лица его сильные и мужественные, губы австрийские, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, руки и ноги пропорциональные, движения грациозные, осанка величественная. Он уже не первой молодости, ему двадцать восемь лет и девять месяцев, и семь из них он царствует, окруженный благополучием, и большей частью победоносно. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так что мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня; кроме того, впоследствии я несколько раз брал его на руки и потому не могу ошибиться при описании его наружности. Одежда императора очень скромная и простая, по фасону — нечто среднее между азиатским и европейским, на голове легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и плюмажем. Он держал в руке обнаженную шпагу для защиты, на случай если бы я разорвал цепь; шпага эта была длиною около трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены бриллиантами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что я, стоя, мог ясно различать произносимые им слова. Дамы и придворные все были великолепно одеты, так что занимаемое ими место было похоже на разостланную юбку, вышитую золотыми и серебряными узорами. Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами, на которые я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорил каждый из нас. Здесь же находились священники и юристы (как я догадался по их костюму), которым было приказано вступать со мною в разговор;

я в свою очередь заговаривал с ними на разных языках, с которыми был хотя немного знаком: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски, но все это не привело ни к чему. Спустя два часа двор удалился, и я был оставлен под сильным караулом для охраны от дерзких и, может быть, даже злобных выходок черни, которая с нетерпением теснилась вокруг меня, стараясь протолкаться как можно ближе; у некоторых достало даже бесстыдства пустить в меня несколько стрел, в то время как я сидел на земле у дверей моего дома; одна из этих стрел едва не угодила мне в левый глаз. Однако полковник приказал арестовать шесть зачинщиков и решил, что для них самое лучшее наказание — это связать их и отдать в мои руки. Солдаты так и сделали, подталкивая ко мне озорников тупыми концами пик; я взял их всех в правую руку и пятерых положил в карман камзола; что же касается шестого, то я сделал вид, будто хочу съесть его живьем. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры пришли в сильное беспокойство, особенно, когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро я успокоил их: ласково смотря на моего пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же я поступил и с остальными, которых поочередно вынимал из кармана. И я увидел, что солдаты и народ остались очень довольны моим милосердием, которое оказало мне также большую услугу при дворе.

С наступлением ночи я не без затруднений вошел в свой дом и лег спать на голой земле. Таким образом я проводил ночи около двух недель, в течение которых по приказанию императора для меня была изготовлена постель. Ко мне были привезены шестьсот матрацев обыкновенной величины; сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и таким образом образовался один матрац, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраца положили один на другой, но, несмотря на это, моя постель была немногим мягче гладкого каменного пола. По такому расчету были сделаны также простыни, одеяла и покрывала, впрочем, достаточно сносные для человека, давно приученного к лишениям.

Едва разнеслась весть о моем прибытии, как ото-

всюду начали стекаться массы богатых, праздных и любопытных людей. Деревни почти опустели, отчего последовал бы большой ущерб для земледелия и домашнего хозяйства, если бы своевременные распоряжения его величества не предупредили бедствия. Император повелел тем, кто меня уже видел, возвратиться домой и не приближаться к моему помещению ближе пятидесяти ярдов без особенного на то разрешения двора, что принесло большой доход министерским чиновникам.

Между тем император держал частые советы, на которых обсуждался вопрос, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного моего близкого

друга, особы весьма знатной и достаточно посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении относительно меня. С одной стороны, боялись, чтобы я не убежал; с другой — возникало опасение, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Иные останавливались на мысли уморить меня или по крайней мере засыпать мое лицо и

руки отравленными стрелами, чтобы скорее отправить на тот свет; но другие высказывали опасение, что разложение такого громадного трупа может вызвать чуму в столице и во всем королевстве. В разгар этих совещаний у дверей большой залы совета собралось несколько офицеров, и двое из них, будучи допущены в собрание, представили подробный доклад о моем поступке с шестью вышеупомянутыми озорниками. Это обстоятельство произвело такое благоприятное впечатление на его величество и государственный совет, что немедленно был издан указ императора, обязывавший все деревни, находящиеся в пределах девяти сот ярдов от столицы, доставлять каждое утро по шести быков, сорока баранов и другую живность для моего стола, вместе с соответствующим количеством хлеба, вина и других напитков, по установленной таксе и на счет сумм, ассигнованных с этой целью из собственной казны его величества. Нужно заметить, что этот монарх живет на доходы со своих личных имений и весьма редко, в самых экстренных случаях, обращается за субсидией к подданным, которые зато обязаны, по его требованию, являться на войну в собственном вооружении. Кроме того, мне назначили в услужение шестьсот человек, которым положили жалованье, достаточное для их пропитания, и построили им по обеим сторонам двери моего замка удобные палатки. Также отдан был приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм по местному фасону, а шесть самых знаменитых придворных ученых стали обучать меня языку этой страны. Наконец тем же приказом предписывалось возможно чаще производить в моем присутствии экзерциции на лошадях, принадлежащих императору, придворным и гвардии, с целью приучить их ко мне. Все эти приказания были должным образом исполнены, и спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лиллипутского языка. В течение этого времени император часто удостоивал меня своими визитами и с удовольствием присутствовал при моих уроках. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил; выражали желание, чтобы его величество милостиво даровал мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что это дело

времени, что он не может освободить меня без согласия государственного совета и что прежде я должен *люмоз кельмин пессо десмар лон Эмпозо*, то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, обхождение со мной будет самое любезное, и император советовал терпением и кротким поведением заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не считать оскорблением, если он отдаст приказание специальным чиновникам обыскать меня, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соответствует огромным размерам моего тела. Я просил его величество быть спокойным на этот счет, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя его чиновниками, и хотя он отлично понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи, однако, будучи высокого мнения о моем великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; все же вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них заплачена назначенная мною цена. Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух жилетных и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нем было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В жилетных карманах лежали: в одном серебряные часы, а в другом — кошелек с несколькими золотыми. Производившие обыск чиновники имели при себе бумагу, перо и чернила. Они составили подробную опись всему, что нашли. Когда опись была кончена, они попросили меня опустить их на землю, чтобы они могли представить ее императору. Позднее я перевел эту опись на английский язык. Вот она слово в слово:

Во-первых. В правом кармане камзола великого Человека-Горы (так я передаю слова *Куинбус Флестрин*), после тщательного осмотра, мы нашли только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца

вашего величества. В левом кармане мы увидели громадный серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы не могли поднять. Когда по нашему требованию сундук был открыт и один из нас влез туда, то он по колени погрузился в какую-то пыль, частично развевая ее, так что мы оба несколько раз громко чихнули. В правом кармане жилета мы нашли громадную кипу тонких белых субстанций, сложенных одна на другую; кипа эта, толщиной в три человеческих обхвата, перевязана прочными канатами и испещрена черными знаками, которые, по скромному нашему предположению, суть не что иное, как письма, каждая буква которых равняется половине нашей ладоши. В левом жилетном кармане мы нашли инструмент, к спинке которого прикреплены двадцать длинных жердей, напоминающих решетку перед дворцом вашего величества; по нашему предположению, этим инструментом Человек-Гора расчесывает свои волосы, но это только предположение: мы не всегда тревожили его расспросами, потому что нам было очень трудно объясняться с ним. В большом кармане с правой стороны среднего чехла (так я перевожу слово *ранфуло*, под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб длиною в рост человека, прикрепленный к крепкому куску дерева, более крупному по размерам, чем сам столб; с одной стороны столба в него вделаны большие выпуклые куски железа,

вещьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена нами и в левом кармане. В меньшем кармане с правой стороны находилось несколько плоских дисков из белого и красного металла, различной величины; некоторые белые диски, по-видимому серебряные, так велики и тяжелы, что мы вдвоем едва могли поднять их. В левом кармане мы нашли две черных колонны неправильной формы; стоя на дне кармана, мы только с большим трудом могли достать их верхушку. Одна из колонн состоит из цельного материала, но на верхнем конце другой есть какое-то круглое белое тело, вдвое больше нашей головы. В каждой колонне заключена огромная стальная пластина. Полагая, что это опасные орудия, мы предъявили Человеку-Горе требование объяснить их употребление. Вынув обе стальные пластины из футляров, он сказал, что в его стране одною из них бреют бороду, а другою режут мясо. Кроме того, на Человеке-Горе мы нашли еще два кармана, куда не могли войти. Эти карманы он называет часовыми, и они помещаются в верхней части среднего чехла, а потому сильно сжаты давлением его брюха. От правого кармана спускается большая серебряная цепь с замечательной машиной, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть все, что было на конце цепи; вынутый предмет оказался похожим на шар, одна половина которого сделана из серебра, а другая — из какого-то прозрачного металла; когда мы, заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, расположенные по окружности, попробовали прикоснуться к ним, то пальцы наши уперлись в это твердое прозрачное вещество. Человек-Гора приблизил эту машину к нашим ушам; тогда мы услышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Но мы более склоняемся на сторону последнего мнения, потому что, по его уверениям (если мы правильно поняли объяснение Человека-Горы, который очень плохо говорит на нашем языке), он редко начинает какое-нибудь дело, не посоветовавшись с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни. Из левого жилетного кармана Человек-Гора вынул сеть почти та-

кой же величины, как рыболовная, но устроенную так, что она может закрываться и открываться наподобие кошелька, чем она и служит ему; в сети мы нашли несколько массивных кусков желтого металла, и если это настоящее золото, то оно должно представлять огромную ценность.

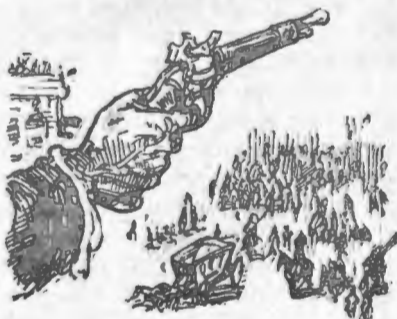
Таким образом, исполняя повеление вашего величества и тщательно осмотрев все карманы Человека-Горы, мы перешли к дальнейшему обследованию и открыли на нем пояс, сделанный из кожи какого-то громадного животного; на этом поясе с левой стороны висит палаш длиною в пять раз более среднего человеческого роста, а с правой — сумка или мешок, разделенный на два отделения, из коих в каждом можно поместить трех подданных вашего величества. Мы нашли в одном отделении сумки множество шаров из крайне тяжелого металла; каждый шар, будучи величиной почти с нашу голову, требует большой силы, чтобы поднять его; в другом отделении лежала куча каких-то черных зерен не очень большого объема и веса; мы могли поместить на ладони до пятидесяти таких зерен.

Такова точная опись найденного нами при обыске Человека-Горы. Во время обыска он держал себя вежливо и с подобающим почтением к исполнителям приказаний вашего величества. Скреплено подписью и приложением печати в четвертый день восемьдесят девятой луны благополучного царствования вашего величества.

*Клефрин Фрелок
Марси Фрелок*

Когда эта опись была прочитана императору, его величество потребовал, хотя и в самой деликатной форме, чтобы я отдал некоторые перечисленные в ней предметы. Прежде всего он предложил вручить ему палаш, который я снял вместе с ножнами и со всем, что было при нем. Тем временем император приказал трем тысячам отборных солдат (охранявших в этот день его величество) окружить меня на известном расстоянии и держать на прицеле луки, чего я, впрочем, не заметил, так как глаза мои были устремлены на его величество. Император пожелал, чтобы я обнажил палаш, который хотя местами и заржавел от морской воды, но все-таки ярко блестел. Я повиновался, и в тот же момент все солдаты испустили крик ужаса и удивления: отражавшиеся на стали лучи солнца ослепляли их, когда я размахивал палашом из стороны в сторону. Его величество, храбрый из монархов, испугался меньше, чем я мог ожидать. Он приказал мне вложить оружие в ножны и возможно осторожнее бросить его на землю футов на шесть от конца моей цепи.

Затем он потребовал показать полый железный столб: дело шло об одном из моих карманных пистолетов. Я вынул пистолет и по просьбе императора растолковал, как мог, его употребление; затем, зарядив его только порохом, который благодаря герметически закрытой пороховнице оказался совершенно сухим (все предусмотрительные моряки принимают на

этот счет особые меры предосторожности), я, предупредив императора, чтобы он не испугался, выстрелил в воздух. На этот раз удивление и ужас были гораздо сильнее, чем при виде моего палаша. Сотни человек попадали в обморок, и даже сам император, хотя и устоял на ногах, некоторое время не мог прийти в себя. Я вручил императору оба пистолета и так же поступил с пулями и порохом, но просил его величество держать последний подальше от огня, так как от малейшей искры он может воспламениться и взорвать на воздух императорский дворец. Равным образом я вручил ему свои часы, которые император осмотрел с большим любопытством и приказал двум самым дюжим гвардейцам унести их, надев на шест и положив шест на плечи, вроде того как носильщики в Англии таскают бочонки с элем. Всего более поразил императора непрерывный шум часового механизма и движение минутной стрелки, которое ему было хорошо видно, потому что лиллипуты обладают более острым зрением, чем мы. Он предложил ученым высказать свое мнение относительно этой машины, но читатель и сам догадается, что ученые не пришли ни к какому единодушному заключению, и все их предположения, которых, впрочем, я хорошенько не понял, были весьма далеки от истины; затем я сдал серебряные и медные деньги, кошелек с девятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку. Палаш, пистолеты и сумка с порохом и пулями были отправлены на телегах в арсенал его величества, а остальные вещи возвращены мне.

Я уже сказал выше, что у меня был секретный карман, которого не обнаружили мои сыщики: в нем лежали очки (благодаря слабому зрению, я иногда пользуюсь ими), карманная подзорная труба и несколько других мелочей. Так как эти вещи не представляли никакого интереса для императора, то я и не считал своей обязанностью заявлять о них, тем более, что боялся, как бы они не были потеряны или попорчены, если бы попали в чужие руки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Автор весьма оригинально забавляет императора, придворных дам и кавалеров. Описание придворных развлечений у лиллипутов. Автору на известных условиях даруется свобода.

оя кротость и доброе поведение до такой степени примирили со мной императора, двор, армию и вообще весь народ, что я начал питать надежду на скорое освобождение. Я всячески старался укрепить это благоприятное для меня настроение. Население постепенно привыкло ко мне и перестало меня бояться. Иногда я ложился на землю и позволял

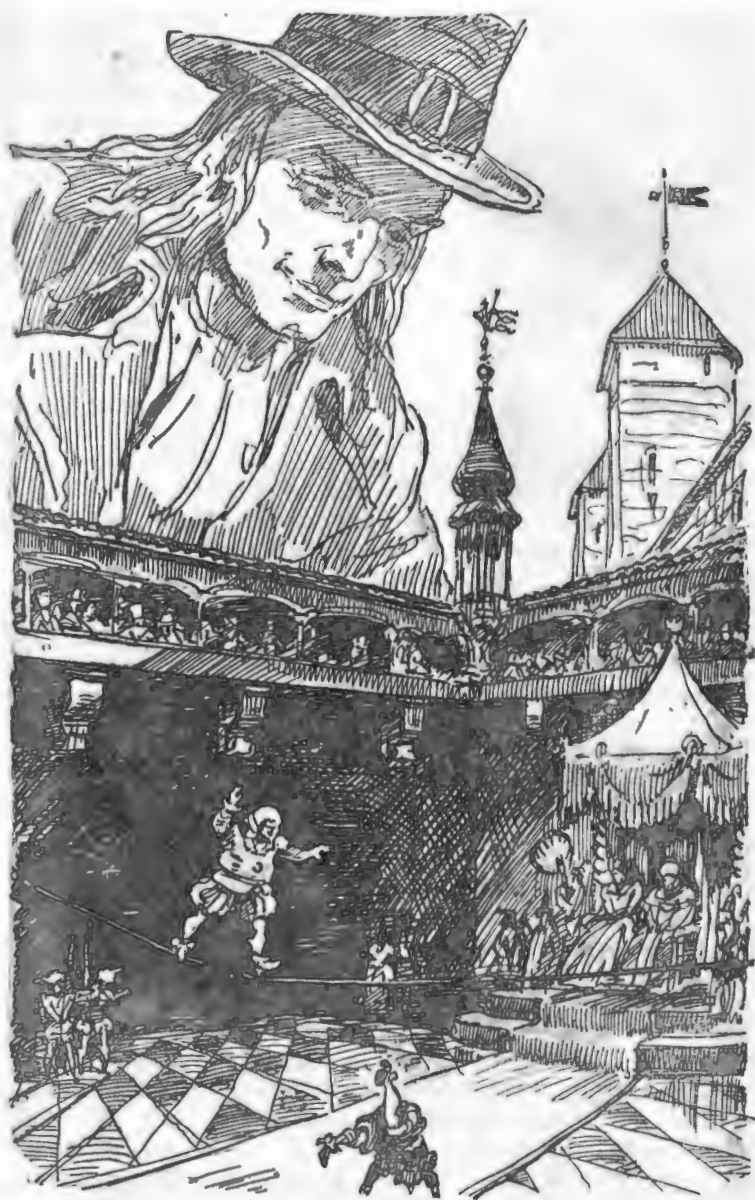
пятерым или шестерым лиллипутам плясать на моей руке. Под конец даже дети отваживались играть в прятки в моих волосах. Я научился довольно сносно понимать и говорить по-лиллипутски. Однажды императору пришла мысль развлечь меня акробатическими представлениями, в которых этот народ своею ловкостью и искусством превосходит все, что я видел до сих пор в подобном роде. Но ничто меня так не позабавило, как упражнения канатных плясунов на тонких белых нитках, длиною в два фута, натянутых на высоте двенадцати дюймов от земли. Я хочу остановиться несколько подробнее на этом предмете и попрошу у читателя терпения на некоторое время.

Упомянутые упражнения исполняются только теми, кто добивается получения высокой должности или стремится снискать благосклонность двора. Для этого не требуется ни благородного происхождения, ни хорошего воспитания, достаточно только с юных лет начать тренировку в акробатическом искусстве. При открытии вакансии на высокую должность, вследствие смерти лица, ее занимавшего, или вследствие опалы (что случается часто), пять или шесть кандидатов подают прошение императору разрешить им развлечь его величество и двор танцами на ка-

нате; и кто прыгнет выше всех, не сорвавшись, получает вакантную должность. Весьма нередко даже первые министры получают приказ показать свою ловкость, чтобы засвидетельствовать перед императором сохранение своих способностей. Флимнап, государственный казначей, пользуется известностью человека, совершившего прыжок на тугο натянутом канате по крайней мере на дюйм выше, чем когда-либо удавалось прыгнуть другому сановнику во всей империи. Мне пришлось видеть его опасные курбеты, которые он проделывал несколько раз подряд на небольшой доске, прикрепленной к канату толщиной не более нашей английской бечевки. Мой друг Рельдресель, главный секретарь тайного совета, по моему мнению, если только моя дружба к нему не ослепляет меня, может занять в этом отношении второе место после государственного казначея. Остальные сановники достигают почти одинаковой степени совершенства в означенном искусстве.

Эти развлечения часто сопровождаются несчастьями, память о которых сохраняет история. Я сам видел, как два или три кандидата причинили себе увечье. Но опасность увеличивается еще более, когда сами министры получают повеление показать свою ловкость. Ибо в этом случае, стремясь превзойти самих себя и своих соперников, они проявляют такое усердие, что редко кто из них не срывается и не падает, иногда даже раза по два и по три. Меня уверяли, что за год или за два до моего прибытия Флимнап непременно сломал бы себе шею, если бы королевская подушка, случайно лежавшая на полу, не смягчила удара от его падения.

Кроме того, в особых случаях здесь устраивается еще одно развлечение, которое дается в присутствии только императора, императрицы и первого министра. Император кладет на стол три тонких шелковых нити: синюю, красную и зеленую *, в шесть дюймов длины каждая. Эти нити предназначены в награду тому, кого император пожелает отличить особым знаком своей благосклонности. Церемония происходит в большой тронной зале его величества, где конкуренты подвергаются испытанию в ловкости, весьма отличному от предыдущего и не имеющему ни малейшего сходства с тем, что мне доводилось наблюдать в странах Старого и Нового Света. Импера-

тор держит в руках палку в горизонтальном положении, а конкуренты подходят один за другим и то перепрыгивают через палку, то ползают под ней взад и вперед несколько раз, смотря по тому, поднята палка или опущена. Иногда один конец палки держит император, а другой — первый министр; иногда же палку держит только последний. Кто исполнит все описанные упражнения с наибольшей легкостью и проворством и наиболее отличится в прыганье и ползанье, тот получает синюю нить; красная дается второму по ловкости, а зеленая — третьему. Пожалованную нить носят в виде пояса, обматывая ее дважды вокруг талии. При дворе редко можно встретить значительную особу, которую не украшал бы такой пояс.

Каждый день мимо меня проводили лошадей из полковых и королевских конюшен, так что они скоро перестали пугаться меня и подходили к самым моим ногам, не кидаясь в сторону. Наездники заставляли лошадей перескакивать через мою руку, которую я положил на землю, а раз императорский егерь на рослом коне перепрыгнул даже через мою ногу, обутую в башмак; это был поистине удивительный прыжок. Однажды я имел счастье позабавить императора самым необыкновенным образом. Я попросил достать несколько палок длиною в два фута и толщиною в обыкновенную трость; его величество приказал главному лесничему сделать соответствующие распоряжения, и на следующее утро семь лесников привезли требуемое на семи телегах, из которых каждая была запряжена восемью лошадьми. Я взял девять палок и крепко вбил их в землю в виде квадрата, каждая сторона которого была длиною в два с половиной фута; на высоте около двух футов я привязал к четырем углам этого квадрата другие четыре палки параллельно земле; затем на девяти кольях я натянул носовой платок, туго, как барабан; четыре горизонтальные палки, возвышаясь над платком приблизительно на пять дюймов, образовывали с каждой его стороны нечто вроде перил. Окончив эти приготовления, я попросил императора отрядить двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на устроенной мною площадке. Его величество одобрил мое предложение, и когда кавалеристы прибыли, я поднял поочередно лошадей вместе со всадниками в

полном вооружении и поставил их на ипподром. Построившись в боевой порядок, всадники разделились на два отряда и начали военные действия; пускали друг друга тупые стрелы, бросались друг на друга с обнаженными саблями, то обращаясь в бегство, то преследуя, то ведя атаку, то отступая, — словом, показывая лучшую военную дисциплину, какую мне когда-либо доводилось видеть. Горизонтальные палки не позволяли всадникам и их лошадям падать с площадки на землю. Император пришел в такой восторг, что заставил меня повторить это развлечение несколько дней сряду, и однажды пожелал сам подняться на ипподром и лично командовать маневрами. Хотя и с большим трудом, ему удалось убедить императрицу разрешить мне поддержать ее в кресле на расстоянии двух ярдов от площадки, так что она могла хорошо видеть все представление. К счастью для меня, все эти упражнения прошли благополучно; раз только горячая лошадь одного из офицеров пробила копытом дыру в платке и, споткнувшись, опрокинула своего седока, но я немедленно поднял обоих и, прикрыв одной рукой дыру, спустил другой рукой всю кавалерию на землю тем же способом, каким подиал ее. Упавшая лошадь вывихнула ногу, но всадник не пострадал. Я тщательно починил платок, но с тех пор перестал доверять его прочности и не решился пользоваться им для подобных опасных упражнений.

За два или за три дня до моего освобождения, как раз в то время, когда я развлекал двор своими выдумками, к его величеству прибыл гонец с известием, что несколько его подданных, проезжая возле того места, где я был найден, увидели на земле какое-то громадное черное тело, весьма странной формы, с широкими плоскими краями, занимающими пространство, равное спальне его величества, середина его была приподнята над землей на высоту человеческого роста; открывшие тело сначала думали, что это какое-нибудь невиданное животное, но, обойдя его несколько раз, убедились в ошибочности своего предположения, так как тело лежало на траве совершенно неподвижно. Став на плечи друг другу, они взобрались на вершину загадочного тела, которая оказалась плоской гладкой поверхностью, а само тело внутри полым, в чем они убедились, топая по нему

ногами. Нашедшие предмет решаются высказать предположение, что он принадлежит Человеку-Горе, и если будет угодно его величеству, то они берутся доставить его всего только на пяти лошадях. Я тотчас догадался, о чем шла речь, и сердечно обрадовался этому известию. По-видимому, добравшись после кораблекрушения до берега, я был так расстроен, что не заметил, как по дороге к месту моего ночлега у меня слетела шляпа, которую я привязал к подбородку шнурком, когда я греб в лодке, и плотно надвинул на уши, когда плыл по морю. Вероятно, я не обратил внимания, как разорвался шнурок, и решил, что потерял шляпу в море. Описав свойства и назначение этого предмета, я умолял его величество сделать распоряжение немедленно доставить мне его. На другой день шляпа была привезена мне, но в неблестящем состоянии. Возчики пробили в полях две дыры на расстоянии полутора дюйма от края, продели в дыры крючки, крючки привязали длинной веревкой к упряжи и волокли таким образом мой головной убор добрых полмили. Но благодаря тому, что почва в этой стране совершенно ровная и гладкая, шляпа получила меньше повреждений, чем я ожидал.

Спустя два дня после описанного происшествия, император отдал приказ по армии, расположенной в столице и окрестностях, привести себя в боевую готовность. Его величеству пришла фантазия доставить себе довольно странное развлечение. Он пожелал, чтобы я стал в позу Колосса Родосского*, раздвинув ноги насколько возможно шире. Потом он приказал главнокомандующему (старому опытному военачальнику и моему большому покровителю) построить войска сомкнутыми рядами и провести их церемониальным маршем между моими ногами, пехоту по двадцать четыре человека в ряд, а кавалерию по шестнадцати, с барабанным боем, развернутыми знаменами и поднятыми пиками. Весь корпус состоял из трех тысяч пехоты и тысячи кавалерии. Его величество отдал приказ, чтобы солдаты, под страхом смертной казни, вели себя вполне прилично по отношению к моей особе во время церемониального марша, что, однако, не мешало некоторым молодым офицерам, проходя подо мною, поднимать глаза вверх; и, сказать правду, мои панталоны находились в то время в таком пло-

хом состоянии, что давали некоторый повод и подивиться и посмеяться.

Я подал императору столько прошений и докладных записок о своем освобождении, что, наконец, его величество поставил этот вопрос на обсуждение сперва своего кабинета, а потом государственного совета. Все отнеслись ко мне благожелательно, кроме Скайреш Болголама, который, без всякого повода с моей стороны, стал моим смертельным врагом. Но, несмотря на его противодействие, большинством голосов дело было решено и

утверждено императором в мою пользу. Болголам занимал пост *гальбета*, то есть адмирала королевского флота, и был любимцем императора. Человек весьма сведущий в своем деле, но угрюмый и резкий, он с трудом согласился на мое освобождение, но настоял при этом, чтобы ему было поручено составление условий, на которых я получу свободу, после того как мной будет дана торжественная клятва свято соблюдать их. Скайреш Болголам, в сопровождении секретарей и нескольких знатных особ, сам доставил мне документы, в которых излагались эти условия. Когда они были оглашены, с меня взяли присягу в том, что я не нарушу их, причем обряд присяги был совершен сперва по обычаям моей родины, а затем согласно предписаниям местных законов. Церемония заключалась в том, что я должен был держать правую ногу в левой руке, положив в то же время средний палец правой руки на темя, а большой на верхушку правого уха. Но, быть может, читателю будет любопытно составить себе некоторое представление о стиле и характерных выражениях этого народа, а также познакомиться с условиями, на которых я получил свободу; поэтому я приведу здесь полный буквальный перевод означенного документа, сделанный мною самым тщательным образом.

Гольбасто момарен эвлем гердайло шесфин молли олли го́й, могущественнейший император Лиллипутии, отрада и ужас вселенной, коего владения, занимая пять тысяч блестрегов (около двенадцати миль в окружности), распространяются до крайних пределов земного шара; монарх над монархами, величайший из всех сынов человеческих, который своею стопой упирается в центр земли, а главою касается солнца; одно мановение которого приводит в трепет земных царей; приятный, как весна, благодетельный, как лето, обильный, как осень, и суровый, как зима. Его императорское величество высочайше повелеть соизволил предложить вновь прибывшему в его небесные владения Человеку-Горе следующие пункты, которые тот под торжественною присягой обязуется принять и свято исполнять:

Во-первых, Человек-Гора не имеет права оставить наше государство без нашего письменного на то соизволения, скрепленного нашей большой печатью.

Во-вторых, он не имеет права входить в нашу столицу без особенного на то разрешения, причем жители должны быть предупреждены за два часа, чтобы успеть укрыться в домах.

В-третьих, вышеназванный Человек-Гора должен ограничить свои прогулки большими дорогами и не смеет гулять или ложиться на лугах и полях.

В-четвертых, во время прогулок по означенным дорогам он должен внимательно смотреть под ноги, чтобы не растоптать кого-нибудь из наших любезных подданных или их лошадей и телег; он не должен брать в руки упомянутых подданных без их на то согласия.

В-пятых, если потребуется быстро доставить гонца к месту его назначения, то Человек-Гора обязуется раз в луну относить в своем кармане гонца вместе с лошадьёю на расстояние шести дней пути и (если потребуется) доставлять означенного гонца в целости и сохранности обратно к нашему императорскому величеству.

В-шестых, он обязуется быть нашим союзником против враждебного нам острова Блефуску и употребить все усилия для уничтожения неприятельского флота, который теперь снаряжается для нападения на нашу империю.

В-седьмых, упомянутый Человек-Гора в часы досуга обязуется оказывать помощь нашим рабочим, поднимая особенно тяжелые камни при сооружении стены нашего главного парка, а также при постройке других наших зданий.

В-восьмых, упомянутый Человек-Гора в течение двух лун должен точно измерить окружность наших владений, обойдя все побережье и сосчитав число пройденных шагов.

Наконец, под торжественной присягой вышеназванный Человек-Гора обязуется в точности соблюдать означенные пункты, и тогда он, Человек-Гора, будет получать ежедневно еду и питье в количестве, достаточном для прокормления 1 724 наших подданных. Вместе с этим Человек-Гора будет пользоваться свободным доступом для лицезрения нашей особы и другими знаками нашего благоволения. Дано в Бельфабораке, нашем дворце, в двенадцатый день девяносто первой луны нашего царствования.

Я с большой радостью и удовлетворением дал присягу и подписал эти пункты, хотя некоторые из них не были так почетны, как я желал бы; но я утешал себя мыслью, что они продиктованы злобой верховного адмирала Скайреш Болголама. Мои цепи были немедленно сняты, и я стал совершенно свободен; сам император оказал мне честь своим присутствием на церемонии моего освобождения. В знак благодарности я пал ниц к ногам его величества, но император велел встать и после нескольких ласковых слов, которых я — во избежание упреков в тщеславии — не стану повторять, заявил, что надеется найти во мне полезного слугу и человека, вполне достойного тех милостей, которые он уже оказал мне и собирается оказать в будущем.

Пусть читатель благоволит обратить внимание на то, что в последнем пункте условий моего освобождения император постановляет выдавать мне еду и питье в количестве, достаточном для прокормления 1 724 лиллипутов. Спустя некоторое время я спросил у одного моего придворного друга, каким образом была установлена такая точная цифра. На это он ответил, что математики его величества, определив высоту моего роста при помощи квадранта и найдя, что эта высота находится в таком отношении к высоте лиллипута, как двенадцать к единице, пришли к заключению, что объем моего тела равен по крайней мере объему 11 724 тел лиллипутов, а следовательно, оно требует во столько же раз больше пищи. Из этого читатель может составить понятие как о смысленности этого народа, так и о мудрой расчетливости его императора.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Описание Мильдендо, столицы Лиллипутии и императорского дворца. Беседа автора с первым секретарем о государственных делах. Автор предлагает свои услуги императору в его войнах.

олучив свободу, я прежде всего попросил разрешения осмотреть Мильдендо, столицу государства. Император охотно согласился выдать мне такое разрешение, но взял с меня обещание не причинять ни малейшего вреда ни жителям, ни постройкам. О моем намерении посетить город население было извещено особой прокламацией. Столица окружена стеной,

вышиною в два с половиною футов и толщиною не менее одиннадцати дюймов, так что по ней совершенно безопасно может проехать карета, запряженная парой лошадей; по углам стены возвышаются крепкие башни, на расстоянии десяти футов одна от другой. Перешагнув через большие Западные Ворота, я очень медленно, боком прошел по двум главным улицам в одном жилете, из боязни повредить крыши и карнизы домов полами своего кафтана. Подвигался я крайне осмотрительно, чтобы не растоптать беспечных прохожих, оставшихся на улице, вопреки отданному жителям столицы строгому приказу не выходить для безопасности из дому. Окна верхних этажей и крыши домов были покрыты таким множеством зрителей, что, мне кажется, ни в одно из моих путешествий мне не приходилось видеть более людного места. Город имеет форму правильного четырехугольника, и каждая сторона городской стены равна пятистам футам. Две главные улицы, шириною в пять футов каждая, пересекаются под прямым углом и делят город на четыре квартала. Боковые улицы и переулки, куда я не мог войти и только видел их, имеют в ширину от двенадцати до восемнадцати дюймов. Город может

вместить до пятисот тысяч душ. Дома трех- и пятиэтажные. Лавки и рынки полны товаров.

Императорский дворец находится в центре города, на пересечении двух главных улиц. Он окружен стеною в два фута вышины, отстоящей от построек на двадцать футов. Я получил разрешение его величества перешагнуть через стену, и так как расстояние, отделявшее ее от дворца, было достаточно велико, то легко мог осмотреть последний со всех сторон. Внешний двор представляет собою квадрат со стороною в сорок футов и вмещает два других двора, из которых во внутреннем расположены императорские покои. Мне очень хотелось их осмотреть, но осуществить это желание было трудно, потому что главные ворота, соединяющие один двор с другим, имеют только восемнадцать дюймов в высоту и семь дюймов в ширину. С другой стороны здания внешнего двора достигают вышины не менее пяти футов, и потому я не мог перешагнуть через них, не нанеся значительных повреждений постройкам, несмотря на то, что стены у них прочные, из тесаного камня, и имеют четыре дюйма толщины. Между тем император тоже сильно желал показать мне все великолепие своего дворца. Однако мне удалось осуществить наше общее желание только спустя три дня, которые я употребил на подготовительные работы. В императорском парке, отстоявшем от города почти на сто ярдов, я срезал своим перочинным ножом несколько самых крупных деревьев и сделал из них два табурета вышиною около трех футов каждый и достаточно прочные, чтобы выдержать мою тяжесть. Затем после второго объявления, предостерегающего жителей, я снова прошел ко дворцу через город с двумя табуретами в руках. Подойдя со стороны внешнего двора, я стал на один табурет, поднял другой над крышей и осторожно поставил его на площадку шириною в восемь футов, отделявшую первый двор от второго. Затем я свободно перешагнул через здания с одного табурета на другой и поднял к себе первый длинной палкой с крючком. При помощи таких ухищрений я достиг самого внутреннего двора. Там я лег на землю и приблизил лицо к окнам среднего этажа, которые нарочно были оставлены открытыми. Таким образом я получил возможность осмотреть роскошнейшие палаты, какие только можно себе пред-

ставить. Я увидел императрицу и молодых принцев в их палатках, окруженных свитой. Ее императорское величество милостиво улыбнулась мне и грациозно протянула через окно свою ручку, которую я поцеловал.

Однако я не буду останавливаться на дальнейших подробностях, потому что приберегаю их для почти готового уже к печати бо-

лее обширного труда, заключающего в себе общее описание этой империи со времени ее основания; историю ее монархов в течение длинного ряда веков; наблюдения относительно их войн и политики, законов, науки и религии этой страны; ее растений и животных; нравов и привычек ее обитателей и других весьма любопытных и поучительных материй. В настоящее же время моя главная цель заключается в изложении событий, происшедших в этом государстве, во время почти девятимесячного моего пребывания в нем.

Однажды утром, спустя две недели после моего освобождения, ко мне приехал, в сопровождении только

одного лакея, Рельдрессель, главный секретарь по тайным делам (как его титулуют здесь). Приказав кучеру ожидать, он попросил меня уделить ему один час и выслушать его. Я охотно согласился на это, потому что мне были известны как его личные высокие качества, так и услуги, оказанные им мне при дворе. Я хотел лечь на землю, чтобы его слова могли легче достигать моего уха, но он предпочел находиться во время нашего разговора у меня на руке. Прежде всего он поздравил меня с освобождением, заметив, что в этом деле и ему принадлежит некоторая заслуга; хотя надо сказать правду, добавил он, вы получили так скоро свободу только благодаря настоящему положению наших государственных дел. Каким бы блестящим ни казалось иностранцу это положение, сказал секретарь, однако наш государственный организм разъедают две страшные язвы: внутренние раздоры партий и угроза нашествия внешнего могущественного врага. Что касается первого зла, то надо вам сказать, что около семидесяти лун тому назад в империи образовались две враждующие партии, известные под названием *тремексенов* и *слемериксенов*, от высоких и низких каблуков на башмаках, при помощи которых они отличаются друг от друга. Дело в том, что многие доказывают, будто высокие каблуки всего более согласуются с нашими древними государственными установлениями; но, как бы то ни было, его величество находит, что вся администрация, а равно и все должности, раздаваемые короной, должны находиться только в руках сторонников низких каблуков, на что вы, наверное, обратили внимание. Вы, должно быть, заметили также, что каблуки на башмаках его величества на один *дрерр* ниже, чем у всех придворных (*дрерр* равняется четырнадцатой части дюйма). Ненависть между партиями доходит до того, что члены одной не станут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой. Мы считаем, что *тремексены*, или партия высоких каблуков, превосходят нас числом, но власть всецело принадлежит нам. С другой стороны, у нас есть основание опасаться, что его императорское высочество, наследник престола, имеет некоторое расположение к высоким каблукам; по крайней мере не трудно заметить, что один каблук у него выше другого, вследствие чего походка его высочества прихрамывающая. И вот, среди этих внутрен-

них несогласий, в настоящее время нам грозит нашествие со стороны соседнего острова Блефуску, другой великой империи во вселенной, почти такой же обширной и могущественной, как империя его величества. И хотя вы утверждаете, что на свете существуют другие королевства и государства, населенные такими же громадными людьми, как вы, однако наши философы сильно сомневаются в этом: они скорее готовы допустить, что вы упали с луны или с какой-нибудь звезды, так как несомненно, что сто смертных вашего роста в самое короткое время могли бы истребить все плоды и весь скот обширных владений его величества. С другой стороны, наши летописи за шесть тысяч лун не упоминают ни о каких других государствах, кроме двух великих империй: Лиллипутии и Блефуску. Итак, эти две могущественные державы ведут между собой ожесточеннейшую войну в продолжение тридцати шести лун. Поводом к войне послужили следующие обстоятельства. Все держится того мнения, что вареное яйцо, при употреблении его в пищу, следует разбивать с тупого конца и что этот способ практикуется искони веков; но дед нынешнего императора, будучи ребенком, порезал себе палец за завтраком, разбивая яйцо означенным способом. Тогда император, отец его, обнародовал указ, предписывавший всем его подданным, под страхом строгого наказания, разбивать яйца с острого конца *. Этот закон до такой степени раздражил население, что, по словам наших летописей, был причиной шести восстаний, во время которых один император потерял жизнь, а другой—корону *. Описываемые гражданские смуты постоянно разжигались монархами Блефуску. При подавлении восстания изгнанные вожди всегда находили приют в этой империи. Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые в течение этого времени пошли на казнь, лишь бы только не подчиниться повелению разбивать яйца с острого конца. Были напечатаны сотни томов, трактующих об этом вопросе, но книги, поддерживающие теорию тупого конца, давно запре-

щены, и вся партия лишена законом права занимать государственные должности. В течение этих смут императоры Блефуску часто через своих посланников делали нам предостережения, обвиняя нас в церковном расколе путем нарушения основного догмата нашего великого

пророка Люстрога, изложенного в пятьдесят четвертой главе Блундекраля (являющегося их Алькораном). Между тем мы видим здесь только различное толкование одного и того же текста, подлинные слова которого гласят: *Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее*. Решение же вопроса: какой конец признать более удобным, по моему скромному суждению, должен быть предоставлен совести каждого или по крайней мере решению верховного судьи империи. Изгнанные *тупоконечники* возымели такую силу при дворе императора Блефуску и нашли такую поддержку и поощрение со стороны своих единомышленников внутри нашей империи, что в течение тридцати шести лун оба императора ведут кровавую войну с переменным успехом. В течение этого периода мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов с тридцатью тысячами наших лучших моряков и солдат; полагают, что потери неприятеля еще значительнее. Но, несмотря на это, неприятель снарядил новый флот и готовится высадить десант на нашу территорию. Вот почему его императорское величество, вполне доверяясь вашей силе

и храбрости, повелел мне передать вам настоящее изложение наших государственных дел.

Я просил секретаря засвидетельствовать императору мое нижайшее почтение и довести до его сведения, что хотя мне как иностранцу не следовало бы вмешиваться в дела различных партий, тем не менее я готов, не щадя своей жизни, защищать его особу и государство от всякого иноземного вторжения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Автор благодаря чрезвычайно остроумной выдумке предупреждает нашествие неприятеля. Его жалуют высоким титулом. Являются послы императора Блефуску и просят мира. Пожар в покоях императрицы благодаря несчастному случаю. Энергичные усилия автора спасают остальные части дворца.

мперия Блефуску находится на острове, расположенном на северо-восток от Лиллипутии и отделенном от нее проливом шириною в восемьсот ярдов. Я еще не видел острова; узнав же о предполагаемом нашествии, старался не показываться на этой стороне берега из опасения быть замеченным с кораблей неприятеля, который не имел никаких сведений о моем

присутствии, так как во время войны всякое сношение между двумя империями было запрещено под страхом смертной казни и наш император наложил эмбарго на выход какого бы то ни было судна из гаваней. Я сообщил его величеству составленный мною план захвата всего неприятельского флота, который, как мы узнали от наших разведчиков, стоял на рейде, готовый сняться с якоря при первом попутном ветре. Я осведомился у самых опытных моряков относительно глубины пролива, часто ими измерявшейся, и они сообщили мне, что при самой высокой воде эта глубина в средней части пролива равняется семидесяти *глюмглефам*, что составляет около шести европейских футов, во всех же остальных местах она не превышает пятидесяти *глюмглеффов*. Я отправился на северо-восточный берег, откуда видна империя Блефуску, спрятался за бугорком и направил свою подзорную трубку на стоявший на якоре неприятельский флот, в котором насчитал до пятидесяти боевых кораблей и большое число транспортов. Возвратившись домой, я приказал (получив на то полномочие) доставить мне канат покрепче и известное количество возможно толстых железных брусьев. Мне привезли канат толщиной в

обыкновенную бечевку и брусья величиной в нашу вальную спицу. Чтобы придать этому канату большую прочность, я сплел его втрое и с тою же целью скрутил вместе по три железных бруска, загнув их концы в виде крючков. Прикрепив пятьдесят таких крючков к такому же числу веревок, я возвратился на северо-восточный берег и, сняв с себя кафтан, башмаки и чулки, в кожаной куртке вошел в воду, за полчаса до прилива. Сначала я быстро пошел вброд, а у середины проплыл около тридцати ярдов, пока снова не почувствовал под собою дно. Таким образом, меньше чем через полчаса я достиг флота. Увидя меня, неприятели пришли в такой ужас, что, как лягушки, попрыгали с кораблей и поплыли к берегу, где их собралось не менее тридцати тысяч. Тогда, вынув свои снасти и зацепив нос каждого корабля крючком, я связал все веревки в один узел. Во время этой работы неприятель осыпал меня тучей стрел, и многие из них вошли мне в руки и лицо. Помимо ужасной боли они сильно мешали работе. Более всего я боялся за свои глаза и, наверно, лишился бы их, если бы не придумал тотчас же средства для защиты. Среди других необходимых мне мелочей у меня сохранились очки, которые я держал в секретном кармане, не замеченном, как я уже говорил выше, императорскими сыщиками. Я надел очки и крепко привязал их. Вооружась таким образом, я смело продолжал работу, несмотря на стрелы неприятеля, которые хотя и попадали в стекла очков, но не причиняли им особого вреда. Приладив все крючки и взяв узел в руку, я начал тащить; однако ни один корабль не тронулся с места, потому что все они крепко держались на якорях. Таким образом, мне оставалось совершить самую опасную часть моего предприятия. Я выпустил веревки и, оставя крючки в кораблях, смело обрезал ножом якорные канаты, причем более двухсот стрел угодило мне в лицо и руки. После этого я схватил связанные в узел веревки, к которым были прикреплены мои крючки, и легко потащил за собою пятьдесят самых крупных неприятельских военных кораблей.

Блефускуанцы, не имевшие ни малейшего представления о моих намерениях, сначала от изумления растерялись. Увидев, как я обрезаю якорные канаты, они подумали, что я собираюсь пустить корабли на волю ветра

и волн или столкнуть их друг с другом; но когда весь флот двинулся в порядке, увлекаемый моими веревками, они пришли в неопишное отчаяние и стали оглашать воздух горестными воплями. Оказавшись вне опасности, я остановился, чтобы вынуть из рук и лица стрелы и патереть пораненные места ранее упомянутой мной мазью, которую лиллипуты дали мне при моем прибытии в страну. Потом я снял очки и, обождав около часа, пока спадет вода, перешел вброд середину пролива и благополучно прибыл с моим грузом в императорский порт Лиллипутии.

Император и весь его двор стояли на берегу в ожидании исхода этого великого предприятия. Они видели корабли, приближавшиеся широким полумесяцем, но меня не замечали, так как я по грудь был в воде. Когда я проходил середину пролива, их беспокойство еще более увеличилось, потому что я погрузился в воду по шею. Император решил, что я утонул и что неприятельский флот приближается с враждебными намерениями. Но скоро его опасения исчезли. С каждым шагом пролив становился мельче, и меня можно было даже слышать с берега. Тогда, подняв вверх конец веревок, к которым был привязан флот, я громко закричал: *Да здравствует могущественнейший император Лиллипутии!* Когда я ступил на берег, великий монарх осыпал меня всяческими похвалами и тут же пожаловал мне титул *нардака*, самый высокий в государстве.

Его величество выразил желание, чтобы я нашел случай захватить и привести в его гавани все остальные морские силы неприятеля. Честолюбие монархов так безмерно, что император задумал, по-видимому, ни больше ни меньше, как обратить всю империю Блефуску в собственную провинцию и управлять ею через своего вице-короля, истребив укрывающихся там *тупоконечников* и принудив всех блефускуанцев разбивать яйца с острого конца, а посему он стал бы единственным властелином вселенной. Но я всячески старался отклонить императора от этого намерения, приводя многочисленные доводы, подсказанные мне как политическими соображениями, так и чувством справедливости; в заключение я чисто-сердечно заявил, что никогда не соглашусь быть орудием обращения в рабство храброго и свободного народа.

Когда этот вопрос поступил на обсуждение государственного совета, то самые мудрые министры оказались на моей стороне.

Мое смелое и откровенное заявление до такой степени противоречило политическим планам его императорского величества, что он никогда не мог простить мне его. Его величество очень искусно дал понять это в совете, где, как говорили мне потом, мое мнение разделяли самые благоразумные члены, хотя и выражали свое согласие только молчанием; другие же, мои тайные враги, не могли удержаться от некоторых выражений, косвенным образом направленных против меня. С этого времени со стороны его величества и злобствующей против меня части министров началась интрига, которая менее чем через два месяца разразилась с такой силой, что едва не погубила меня окончательно. Таким образом, величайшие услуги, оказываемые монархам, не могут перетянуть на свою сторону чашу весов, если на другую бывает положен отказ в потворстве их страстям.

Спустя три недели после описанного подвига от императора Блефуску прибыло торжественное посольство с покорным предложением мира, каковой вскоре был заключен на условиях, в высшей степени выгодных для нашего императора, но я не буду утомлять ими внимание читателя. Посольство состояло из шести посланников, коих сопровождало около пятисот человек свиты; corteж отличался большим великолепием и вполне соответствовал величию монарха и важности миссии. По окончании мирных переговоров, в которых я, благодаря своему тогдашнему действительному или по крайней мере кажущемуся влиянию при дворе, оказал не мало услуг посольству, их превосходительства, частным образом осведомленные о моих дружественных чувствах, удостоили меня официальным визитом. Они начали с любезностей по поводу моей храбрости и великодушия, затем от имени императора пригласили посетить их страну и, наконец, попросили показать им несколько примеров моей удивительной силы, о которой они наслышались столько чудесного. Я с готовностью согласился исполнить их желание, но не стану утомлять читателя описанием подробностей.

Позабавив в течение некоторого времени их прево-

сходительства, к большому их удовольствию и удивлению, я попросил послов засвидетельствовать мое глубокое почтение его величеству, их повелителю, слава о доблестях которого по справедливости наполняла весь мир шхищением, и передать мое твердое решение лично посетить его перед возвращением в мое отечество. Поэтому и первой же аудиенции у нашего императора я попросил его соизволения на посещение блефускуанского монарха; император хотя и дал свое согласие, но выказал при этом явную ко мне холодность, причину которой я не мог понять до тех пор, пока мне не сказали по секрету, что Флимнап и Болголам изобразили перед императором мои сношения с посольством как акт недоверия, хотя я могу поручиться, что моя совесть в этом отношении была совершенно чиста. Тут впервые у меня начало складываться представление о том, что такое министры и дворы.

Необходимо заметить, что я объяснялся с посольством при помощи переводчика. Язык блефускуанцев настолько же отличается от языка лиллипутов, насколько разнятся между собою языки двух европейских народов. При этом каждая нация гордится древностью, красотой и образностью своего языка, отнющаясь с явным презрением к языку соседа. И наш император, пользуясь преимуществами настоящего положения, созданного пленением неприятельского флота, обязал посольство представить верительные грамоты и вести переговоры на лиллипутском языке. Однако надо заметить, что оживленные торговые сношения между двумя государствами, гостеприимство, оказываемое изгнанникам соседнего государства как Лиллипутией, так и Блефуску, а также обычай посылать молодых людей из знати и богатых дворян к соседям с целью отшлифоваться, посмотрев свет и ознакомившись с жизнью и нравами людей, приводят к тому, что здесь редко можно встретить образованного дворянина, моряка или купца из приморского города, который бы не говорил на обоих языках. В этом я убедился через несколько недель, когда отправился засвидетельствовать свое почтение императору Блефуску. Среди великих несчастий, постигших меня благодаря злобе моих врагов, это посещение оказалось для меня очень благотворным, о чем я расскажу в своем месте.

Читатель, может быть, помнит, что в числе условий, на которых мне была дарована свобода, были очень для меня унижительные и неприятные, и только крайняя необходимость заставила меня принять их. Но теперь, когда я носил титул *нардака*, самый высокий в империи, взятые мной на себя обязательства роняли бы мое достоинство, и надо отдать справедливость императору, он ни разу не напомнил мне о них. Однако незадолго перед тем мне представился случай оказать его величеству за-

мечательную услугу, как по крайней мере мне тогда казалось. Раз в полночь у дверей моего замка раздались крики тысячной толпы; я в испуге проснулся и услышал непрестанно повторяемое слово *борглюм*. Несколько придворных, пробившись сквозь толпу, умоляли меня явиться немедленно во дворец, так как покои императрицы были объаты пламенем, по небрежности одной фрейлины, которая заснула за чтением романа, не погасив свечи. В одну минуту я кое-как оделся; был отдан приказ очи-

стить для меня дорогу; кроме того, ночь была лунная, так что мне удалось добраться до дворца, никого не растоптав по пути. К стенам дворца уже были приставлены лестницы, было собрано много ведер, но вода была далеко. Каждое ведро равнялось нашему большому наперстку, и бедняги с большим усердием подавали их мне, однако пламя было так сильно, что это усердие приносило мало пользы. Я мог бы легко затушить пожар, накрыв дворец своим кафтаном, но второпях я успел надеть только кожаную куртку. Казалось, дело находилось в самом плачевном и безнадежном положении, и этот великолепный дворец, несомненно, сгорел бы до тла, если бы, благодаря необычному для меня присутствию духа, я внезапно не придумал средство спасти его. Накануне вечером я выпил много превосходнейшего вина, известного под названием *глимигрим* (блефускуанцы называют его *флюнек*, но наши сорта выше), которое отличается сильным мочегонным действием. По счастливой случайности, я еще ни разу не облегчился от выпитого. Между тем жар от пламени и усиленная работа по его тушению подействовали на меня и быстро обратили вино в мочу; я выпустил ее в таком изобилии и так метко, что в какие-нибудь три минуты огонь был потушен, и остальные части величественного здания, воздвигавшегося трудом нескольких поколений, были спасены.

Между тем стало совсем светло, и я возвратился домой, не ожидая благодарности от императора, потому что хотя я и оказал ему услугу великой важности, но не знал, как его величество отнесется к способу, каким она была оказана, особенно, если принять во внимание основные законы государства, по которым никто, в том числе и самые высокопоставленные особы, не имели права мочиться в ограде дворца, под страхом тяжкого наказания. Однако меня немного успокоило письмо императора с обещанием дать повеление великому судилищу вынести мне формальное прощение, которого, впрочем, я никогда не добился. С другой стороны, меня конфиденциально уведомили, что императрица была страшно возмущена моим поступком и переселилась в самую отдаленную часть дворца, твердо решив не реставрировать прежнего своего помещения; при этом она в присутствии своих приближенных поклялась отомстить мне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О жителях Лиллипутии: их наука, законы и обычаи; система воспитания детей. Образ жизни автора в этой стране.

Автор восстанавливает репутацию знатной дамы.

отя подробному описанию этой империи я намерен посвятить особое исследование, тем не менее для удовлетворения любознательного читателя я уже теперь выскажу о ней несколько общих замечаний. Средний рост туземцев немного меньше шести дюймов, и ему точно соответствует рост как животных, так и растений: например, лошади и быки не бывают там

выше четырех или пяти дюймов, а овцы выше полутора дюймов; гуси равняются нашему воробью, и так далее вплоть до самых крохотных созданий, которые для меня были почти невидимы. Но природа приспособила зрение лиллипутов к окружающим их предметам: они хорошо видят, но на небольшом расстоянии. Вот представление об остроте их зрения для близких предметов: большое удовольствие доставило мне наблюдать повара, ошпылавшего жаворонка, величиною не более нашей мухи, и девушку, вдевавшую шелковинку в ушко невидимой иглолки. Самые высокие деревья в Лиллипутии не больше семи футов; я имею в виду деревья в большом королевском парке, верхушки которых я мог едва достать, протянув руку. Вся остальная растительность имеет соответственные размеры; но я предоставляю все это воображению самого читателя.

Сейчас я ограничусь лишь самыми беглыми замечаниями относительно науки лиллипутов, которая в течение веков процветает у этого народа во всех отраслях. Обращу только внимание на весьма оригинальную манеру их письма: лиллипуты пишут не так, как европейцы, слева направо, не так, как арабы, — справа налево, не так, как китайцы, — сверху вниз, но как английские дамы — наискось от одного угла страницы к другому.

Лиллипуты хоронят умерших, кладя тело головой вниз. Такой обычай вызывается верованием, что через одиннадцать тысяч лун мертвые воскреснут; и так как в это время земля (которую лиллипуты считают плоской) перевернется вверх дном, то мертвые при своем воскресении станут прямо на ноги. Ученые признают нелепость этого верования; тем не менее, в простонародье такой обычай сохраняется и до сих пор.

В этой империи существуют весьма своеобразные законы и обычаи, и, не будь они полной противоположностью законам и обычаям моего любезного отечества, я попытался бы выступить их защитником. Желательно только, чтобы они строго применялись на деле. Прежде всего укажу на закон о доносчиках. Все государственные преступления караются здесь чрезвычайно строго; но если обвиняемый докажет во время процесса свою невиновность, то обвинитель немедленно подвергается позорной казни, и с его движимого и недвижимого имущества взыскивается вознаграждение в четырехкратном размере в пользу оправданного: за потерю времени, за опасность, которой он подвергался, за лишения, испытанные им во время тюремного заключения, и за все расходы, которых ему стоила защита. Если имущества обвинителя окажется недостаточно, потерпевший вознаграждается за счет короны. Кроме того, император жалует освобожденного каким-нибудь публичным знаком своего благоволения, и по всему государству объявляется о его невиновности.

Лиллипуты считают мошенничество более тяжким преступлением, чем воровство, и потому только в редких случаях оно не наказывается смертью. При известной осторожности, бдительности и небольшой дозе здравого смысла, рассуждают они, всегда можно уберечь имущество от вора, но у честного человека нет защиты от ловкого мошенника; и так как при купле и продаже постоянно необходимы торговые сделки, основанные на кредите и доверии, то в условиях, когда существует попустительство обману и он не наказывается законом, честный коммерсант всегда пострадает, а плут окажется в выигрыше. Я вспоминаю, что однажды я ходатайствовал перед монархом за одного преступника, который обвинялся в похищении большой суммы денег, полученной им

по поручению хозяина, и в побеге с этими деньгами; я выставил перед его величеством как смягчающее вину обстоятельство то соображение, что в данном случае было только злоупотребление доверием; император нашел чудовищным, что я привожу в защиту обвиняемого довод, как раз отягчающий его преступление; на это, говоря правду, мне нечего было возразить, и я ограничился шаблонным замечанием, что у различных народов различные обычаи; надо признаться, я был сильно сконфужен.

Хотя мы и называем обыкновенно награду и наказание двумя рычагами, приводящими в движение всю правительственную машину, но нигде, кроме Лиллипутии, я не встречал применения этого принципа на практике. Всякий, представивший достаточное доказательство того, что он в точности соблюдает законы страны в течение семидесяти трех лун, получает там право на известные привилегии, соответствующие его званию и общественному положению, и ему определяется соразмерная денежная сумма из фондов, специально на этот предмет назначенных; вместе с тем такое лицо получает титул *сниль-пела*, то есть блюстителя законов; этот титул прибавляется к его фамилии, но не переходит в потомство. И когда я рассказал лиллипутам, что исполнение наших законов гарантируется только страхом наказания и нигде не упоминается о награде за их соблюдение, лиллипуты сочли это огромным недостатком нашего государственного строя. Вот почему в здешних судебных учреждениях богиня справедливости изображается в виде женщины с шестью глазами — два спереди, два сзади и по одному с боков, что означает ее необычайную бдительность; в правой руке она держит открытый мешок золота, а в левой — меч в ножнах в знак того, что она готова скорее награждать, чем наказывать.

При выборе кандидатов на государственные и общественные должности больше внимания обращается на нравственные качества, чем на способности и таланты. Лиллипуты думают, что раз уж человечеству необходимы правительства, то все люди, обладающие средним умственным развитием, способны выполнять ту или другую должность, и что провидение никогда не имело в виду создать из управления общественными делами тайны, в

которую способны проникнуть только весьма немногие великие гении, рождающиеся не более трех в столетие. Напротив, они полагают, что правдивость, справедливость, воздержание и подобные качества доступны всем и что совершенствование в этих добродетелях вместе с опытностью и добрыми намерениями делают каждого человека пригодным для служения своему отечеству в той или другой должности, за исключением тех, которые требуют специальных знаний. По их мнению, самые высокие умственные дарования не могут заменить нравственных достоинств, и нет ничего опаснее поручения должностей таким даровитым лицам, ибо ошибка, совершенная по невежеству лицом, исполненным добрых намерений, не может иметь таких роковых последствий для общественного блага, как деятельность человека с порочными наклонностями, одаренного талантом скрывать свои пороки, умножать их и безнаказанно предаваться им.

Точно так же неверие в божественное провидение делает человека непригодным к занятию общественной должности. И в самом деле, лиллипуты думают, что раз монархи называют себя посланниками провидения, то было бы в высшей степени нелепо назначать на правительственные места людей, отрицающих авторитет, на основании которого действует монарх.

Описывая как эти, так и другие законы империи, о которых будет речь дальше, я хочу предупредить читателя, что мое описание касается только исконных установлений страны, не имеющих ничего общего с современной испорченностью нравов, являющейся результатом глубокого вырождения самой человеческой природы. Так, например, известный уже читателю позорный обычай назначать на высшие государственные должности людей, искусно танцующих на канате, и давать знаки отличия тем, кто перепрыгнет через палку или проползет под нею, впервые был введен дедом ныне царствующего императора и теперешнего своего развития достиг благодаря непрестанному росту партий и группировок.

Неслагодарность считается у них уголовным преступлением (из истории мы знаем, что такой взгляд существовал и у других народов), и лиллипуты по этому поводу рассуждают так: раз человек способен платить влом

своему благодетелю, то он неизбежно является врагом всех других людей, которым он ничем не обязан, и потому он достоин смерти.

Лиллипуты полагают, что воспитание детей менее всего может быть вверено их родителям, вследствие чего в каждом городе существуют общественные воспитательные заведения, куда обязаны отдавать своих детей обоюго пола все, кроме крестьян и рабочих, и где они воспитываются и обучаются с двадцатилунного возраста, то есть с того времени, когда, по предположению лиллипутов, у ребенка проявляются первые зачатки понятийности. Школы эти нескольких типов, соответственно общественному положению и полу детей. Воспитание и образование ведется опытными педагогами, которые готовят детей к такому образу жизни, который соответствует положению их родителей и их собственным наклонностям и способностям. Сначала я скажу несколько слов о воспитательных заведениях для мальчиков, а потом о воспитательных заведениях для девочек.

Воспитательные заведения для мальчиков благородного или знатного происхождения находятся под руководством видных и опытных педагогов и их многочисленных помощников. Одежда и пища детей отличаются скромностью и простотой. Они воспитываются в правилах чести, справедливости, храбрости; в них развивают скромность, кротость, религиозные чувства и любовь к отечеству. Они всегда за делом, кроме того времени, очень непродолжительного, которое потребно на еду и сон, и двух рекреационных часов, которые посвящаются телесным упражнениям. До четырех лет детей одевает и раздевает прислуга, но, начиная с этого возраста, то и другое они делают сами, как бы ни было знатно их происхождение. Служанки, которых не берут моложе пятидесяти лет, переводя на наши годы, исполняют только самые черные работы. Детям никогда не позволяют разговаривать с прислугой, и во время отдыха они играют все вместе, разделившись на небольшие группы, всегда в присутствии воспитателя или его помощника. Таким образом, они с самого раннего возраста ограждены от влияния беспутства и порока, которому всецело предоставлены наши дети. Родители имеют право на свидание со своими детьми два раза в год; каждое свидание продолжается

не более часа. Им позволено целовать ребенка только при встрече и при прощанье; воспитатель, неотлучно присутствующий во время свидания, не позволяет им шептаться на ухо, говорить ласковые слова и приносить в подарок игрушки, лакомства и тому подобное.

Если родители не вносят своевременно платы за содержание и воспитание своих детей, то эта плата взыскивается с них правительственными чиновниками.

Воспитательные заведения для детей среднего дворянства, купцов и ремесленников ведутся по тому же образцу, причем дети, предназначенные быть ремесленниками, с одиннадцати лет обучаются мастерству, между тем как дети дворян и купцов продолжают общее образование до пятнадцати лет, что соответствует нашему двадцати одному году. Однако строгости школьной жизни постепенно ослабевают в последние три года.

В женских воспитательных заведениях девочки знатного происхождения воспитываются почти так же, как и мальчики, только вместо слуг их одевают и раздевают благонравные бонны, но всегда в присутствии воспитательницы или ее помощницы; по достижении пяти лет девочки одеваются сами. Если бывает замечено, что бонна позволила себе рассказать девочкам какую-нибудь страшную и нелепую сказку или позабавить их какой-нибудь глупой выходкой, которые так обыкновенны у наших горничных, то виновная троекратно подвергается публичной порке кнутом и затем годовому тюремному заключению, после которого она ссылается в самые отдаленные места государства. Благодаря такой системе воспитания молодые дамы так же стыдятся там трусости и глупости, как и мужчины, и относятся с презрением ко всяким украшениям, за исключением благопристойности и опрятности. Я не заметил никакой разницы в их воспитании, обусловленной различием пола: только физические упражнения для девочек более легкие да курс наук для них менее обширен, но зато им преподаются правила ведения домашнего хозяйства. Ибо лиллипуты убеждены, что жена должна быть разумной и милой по другой мужа, так как ее молодость и красота не вечны. Когда девице исполняется двенадцать лет, то есть наступает по тамошнему пора замужества, в школу являются ее родители или опекуны и, принеся глубокую благо-

дарность воспитателям, берут ее домой, причем прощание молодой девушки с подругами редко обходится без слез.

В воспитательных заведениях для девочек, происходящих из низших классов, детей обучают всякого рода работам, подобающим их полу и общественному положению. Девочки, предназначенные для занятий ремеслами, остаются в воспитательном заведении до семи лет, остальные до одиннадцати.

Семьи низших классов, имеющие детей в этих заведениях, обязаны вносить казначею заведения, кроме годовой платы, ограниченной минимальными размерами, небольшую часть своего месячного заработка; из этих взносов образуется приданое для дочери. Что же касается знатных лиц, то они дают обязательство положить на каждого ребенка известный капитал, соответственно своему общественному положению; этот капитал умело пускается в оборот руководителями заведения, проявляющими при этом большую добросовестность.

Крестьяне и рабочие держат своих детей дома; так как они предназначены судьбой возделывать и обрабатывать землю, то их образование не имеет особенного значения для общества. Но больные и старики содержатся в богадельнях, ибо нищенство есть занятие, неизвестное в империи.

Но, быть может, любознательному читателю будут интересны некоторые подробности относительно моих занятий и образа жизни в этой стране, где я пробыл девять месяцев и тринадцать дней. Принужденный обстоятельствами, я нашел применение своей склонности к механике и сделал себе довольно удобные стол и стул из самых больших деревьев королевского парка. Двум сотням швей было поручено изготовить для меня рубахи, постельное и столовое белье из самого прочного и грубого полотна, какое только они могли достать; но и его им пришлось стегать, сложив в несколько раз, потому что самое толстое тамошнее полотно было тоньше нашей кисеи. Куски этого полотна бывают обыкновенно в три дюйма ширины и три фута длины. Белошвейки сняли с меня мерку, когда я лежал в постели: одна из них стала мне на шею, другая на колено, и они протянули между

собою веревку, взяв каждая за ее конец, третья же смерила длину веревки линейкой в один дюйм. Затем они смерили большой палец правой руки, и этим ограничились; посредством математического расчета, основанного на том, что окружность кисти вдвое больше длины пальца, окружность шеи вдвое больше окружности кисти, а окружность талии вдвое больше окружности шеи, и при помощи моей старой рубахи, которую я разостлал на земле перед ними, как образец, они сшили мне белье вполне по росту. Точно так же тремстам портным было поручено сшить мне костюм, но для снятия мерки они прибегли к другому приему. Я стал на колени, и они приставили к моему туловищу лестницу; по этой лестнице один из них взобрался до моей шеи и опустил отвес от воротника до полу, что и составило длину моего кафтана; рукава и талию я смерил сам. Когда костюм был готов (а шили его в моем камке, так как он не поместился бы в самом большом их доме), то своим видом он очень напоминал одеяла, изготовляемые английскими дамами из кусочков материй, с той только разницей, что не пестрел разными цветами.

Стряпали мне триста поваров в маленьких удобных бараках, построенных вокруг моего замка, где они и жили со своими семьями; они обязаны были готовить мне по два блюда на завтрак, обед и ужин. Я брал в руку двадцать лакеев и ставил их себе на стол; сотня их товарищей прислуживала на полу; одни носили кушанья, другие подкатывали бочонки с вином и всевозможными напитками. Лакеи, стоявшие на столе, по мере надобности очень искусно поднимали все это на особых блоках, вроде того как у нас в Европе поднимают ведро

воды из колодца. Каждое их блюдо я проглатывал в один прием, каждый бочонок вина осушал одним глотком. Их баранина по вкусу уступает нашей, но зато говядина превосходна. Раз мне достался такой огромный кусок филе, что пришлось разрезать его на три части, но это исключительный случай. Слуги бывали очень изумлены, видя, что я ем говядину с костями, как у нас едят ножки жаворонков. Здешних гусей и индеек я обыкновенно проглатывал в один прием, и, надо отдать справедливость, птицы эти гораздо вкуснее наших. Мелкой птицы я брал на кончик ножа по двадцати или тридцати штук зараз.

Его величество, наслышавшись о моем образе жизни, заявил однажды, что он будет счастлив (так было угодно ему выразиться) отобедать со мною, в сопровождении августейшей супруги и молодых принцев и принцесс. Когда они прибыли, я поместил их на столе против себя в парадных креслах, со свитой по сторонам. В числе присутствующих был также лорд-канцлер казначейства Флимнап, с белым жезлом в руке; я часто ловил его недоброжелательные взгляды, но делал вид, что не замечаю их, и ел более обыкновенного, во славу моей дорогой родины и на удивление двора. У меня есть некоторое основание думать, что это посещение его величества дало повод Флимнапу уронить меня в глазах своего государя. Означенный министр всегда был моим тайным врагом, хотя с виду обходился со мной гораздо любезнее, чем того можно было ожидать от его угрюмого нрава. Он доложил императору о плохом состоянии государственного казначейства, вынудившем его прибегнуть к займу за большие проценты. Он сказал, что курс банковых билетов упал на девять процентов ниже альпари*, что мое содержание обошлось уже его величеству более полутора миллионов *спругов* (самая крупная золотая монета у лиллипутов, величиною в маленькую блестящую) и, наконец, что император поступил бы весьма благоразумно, если бы воспользовался первым благоприятным случаем для высылки меня за пределы империи.

На мне лежит обязанность защитить невинно пострадавшую из-за меня честь одной почтенной дамы. Канцлеру казначейства пришла в голову фантазия приревновать ко мне свою супругу, на основании сплетен, пущен-

ных в ход злыми языками: канцлеру наговорили, будто ее светлость воспылала безумной страстью к моей особе; много скандального шума наделал при дворе слух, будто раз она тайно приезжала ко мне. Я торжественно заявляю, что все это самая бесчестная клевета, единственным поводом к которой послужило невинное изъяснение дружеских чувств со стороны ее светлости. Она действительно часто подъезжала к моему дому, но это делалось всегда открыто, причем с ней в карете сидели еще три особы: сестра, дочь и подруга; таким же образом ко мне приезжали и другие придворные дамы. В качестве свидетелей призываю моих многочисленных слуг; пусть кто-нибудь из них скажет, видел ли он у моих дверей карету, не зная, кто находится в ней. Обыкновенно в подобных случаях я немедленно выходил к двери после доклада моего слуги; засвидетельствовав свое почтение прибывшим, я осторожно брал в руки карету с парой лошадей (если она была запряжена шестеркой, фореитор всегда отпрягал четырех) и ставил ее на стол, который я окружил передвижными перилами, вышиной в пять дюймов, для предупреждения от несчастных случайностей. Часто на моем столе стояли разом четыре запряженные кареты, наполненные элегантными дамами. Сам я садился в свое кресло и наклонялся к ним; в то время как я разговаривал таким образом с особами, сидевшими в одной карете, другие кареты тихонько кружились по моему столу. Много послеобеденных часов провел я очень приятно в таких разговорах. Однако ни канцлеру казначейства, ни двум его соглядатаям Клестрилю и Дренло (пусть они делают, что угодно, а я назову их имена) никогда не удастся доказать, чтобы ко мне являлся кто-нибудь инкогнито, кроме государственного секретаря Рельдреселя, посетившего раз меня по специальному повелению его императорского величества, как рассказано об этом выше. Я бы не останавливался так долго на этих подробностях, если бы вопрос не касался так близко репутации почтенной дамы, не говоря уже о моей собственной, хотя я и имел тогда честь носить титул *нардака*, которого не имеет сам канцлер казначейства, ибо всем известно, что он только *глюмглюм*, а этот титул в такой же степени ниже моего, в какой титул маркиза в Англии ниже титула герцога; впрочем, я со-

гласен признать, что занимаемый им пост ставит его выше меня.

Эти наветы, о которых я узнал впоследствии по одному не стоящему упоминания случаю, на некоторое время озлобили канцлера казначейства Флимнапа против его жены и еще пуще против меня. Хотя он вскоре и примирился с женой, удостоверившись в своем заблуждении, однако я навсегда потерял его доверие и скоро увидел, что мое положение пошатнулось также в глазах самого императора, который находился под сильным влиянием своего фаворита.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Автор, будучи осведомлен о намерении обвинить его в государственной измене, предпринимает побег в Блефуску. Прием, оказанный ему там.

реже чем рассказать, каким образом я оставил это государство, пожалуй, уместно посвятить читателя в подробности тайной интриги, которая в течение двух месяцев плелась против меня.

Благодаря своему низкому происхождению я жил до сих пор вдали от королевских дворов. Правда, я много слышал и читал о нравах великих мо-

нархов и их министров, но никогда не предполагал, какие ужасные последствия может вызвать гнев власть имущих в столь отдаленной стране, управляемой, как я думал, в духе принципов, совсем не похожих на те, какие господствуют в Европе.

Когда я готовился отправиться к императору Блефуску, одна значительная при дворе особа (которой я оказал очень существенную услугу в то время, когда она была в большой немилости у его императорского величества) тайно прибыла ко мне поздно вечером в закрытом портшезе и, не называя себя, просила принять ее. Носильщики были отосланы, и я спрятал портшез вместе с его превосходительством в карман своего кафтана, после чего, приказав своему верному слуге говорить каждому, что мне нездоровится и что я пошел спать, я запер за собою дверь, поставил портшез по обыкновению на стол и сел на стул против него. Когда мы обменялись взаимными приветствиями, я заметил большую озабоченность на лице его превосходительства и пожелал узнать о причине. Тогда он просил выслушать его терпеливо, так как дело касалось моей чести и жизни, и обратился ко мне со следующей речью, которую тотчас же по его уходе я в точности записал.

— Надо вам сказать, — начал он, — что в последнее

время относительно вас происходило в страшной тайне несколько совещаний особых комитетов, и два дня тому назад его величество принял окончательное решение.

Вы прекрасно знаете, что почти со дня вашего прибытия сюда Скайреш Болголам (*гельбет*, или верховный адмирал) стал вашим смертельным врагом. Мне неизвестна первоначальная причина этой вражды, но его ненависть особенно усилилась после великой победы, одержанной вами над Блефуску, которая сильно помрачила его славу адмирала. Этот сановник, в сообществе с Флимнапом, канцлером казначейства, неприязнь которого к вам из-за жены всем известна, генералом Лимтоком, камергером Лелькеном и верховным судьей Бельмафом, составил акт, обвиняющий вас в государственной измене и других тяжких преступлениях.

Это сообщение сильно взволновало меня, так как я ясно сознавал свою невиновность и свои заслуги, и от нетерпения я чуть было не прервал оратора, но он умолял меня сохранить молчание и продолжал так:

— Руководствуясь чувством глубокой благодарности за оказанные вами услуги, я познакомился со всеми подробностями дела и достал копию обвинительного акта, рискуя поплатиться за это своей головой. Вот этот акт.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Против

КУИНБУС ФЛЕСТРИНА

Человека-Горы

Принимая во внимание, что законом, изданным в царствование его императорского величества Келина Дефара Плюне, запрещено под страхом наказания, как за оскорбление величества, мочиться в ограде королевского дворца; что, несмотря на это, упомянутый Куинбус Флестрин, в явное нарушение упомянутого закона, под предлогом тушения пожара, охватившего покои любезной супруги его императорского величества, злобно, предательски и дьявольски выпустив мочу, погасил упомянутый пожар в упомянутых покоях, находясь в ограде упомянутого королевского дворца, вопреки существующе-

му на этот предмет закону, в нарушение долга и пр. и пр.

Что упомянутый Куинбус Флестрин, приведя в императорский порт флот императора Блефуску и получив повеление от его императорского величества захватить все остальные суда упомянутой империи Блефуску, с тем чтобы обратить эту империю в нашу провинцию под управлением нашего вице-короля, уничтожить и казнить не только укрывающихся там тупоконечников, но и всех подданных этой империи, которые не отступятся немедленно от тупоконечной ереси, — упомянутый Флестрин, как вероломный изменник, предъявил просьбу его благосклоннейшему и светлейшему императорскому величеству избавить его, Флестрина, от исполнения упомянутого поручения под предлогом отвращения к насилию в делах совести и нежелания уничтожать вольности и жизнь невинного народа.

Что, когда прибыло известное посольство от двора Блефуску ко двору его величества просить мира, он, упомянутый Флестрин, как вероломный изменник, помогал, подстрекал, ободрял и увеселял упомянутых послов, хорошо зная, что они слуги монарха, который так недавно был открытым врагом его императорского величества и вел открытую войну с упомянутым величеством.

Что упомянутый Куинбус Флестрин, в противность долгу верноподданного, собирается теперь совершить путешествие ко двору и в империю Блефуску, на которое получил только лишь словесное соизволение его императорского величества, и что, под предлогом упомянутого соизволения, он имеет намерение вероломно и изменнически совершить упомянутое путешествие с целью оказать помощь, ободрить и поддержать императора Блефуску, так недавно бывшего врагом упомянутого его императорского величества и находившегося с ним в открытой войне.

В обвинительном акте есть еще пункты, но прочтенные мною наиболее существенны.

Надо признаться, что во время долгих прений по поводу этого обвинения его величество проявил большую к вам снисходительность, весьма часто ссылаясь на ваши заслуги перед ним и стараясь смягчить ваши пре-

ступления. Канцлер казначейства и адмирал настаивали на том, чтобы предать вас самой мучительной и позорной смерти. Они предложили поджечь ночью ваш дом, окружив его двадцатитысячной армией, вооруженной отравленными стрелами, предназначенными для вашего лица и рук. Возникла также мысль дать тайное повеление некоторым вашим слугам напитать ваши рубахи и простыни ядовитым соком, который скоро заставил бы вас разодрать ваше тело и причинил бы вам самую мучительную смерть. Генерал присоединился к этому мнению, так что в течение долгого времени большинство было против вас; но его величество, решив по возможности щадить вашу жизнь, в заключение привлек на свою сторону обер-гофмейстера.

В разгар этих прений Рельдресель, главный секретарь по тайным делам, который всегда являлся вашим истинным другом, получил повеление его величества высказать свое мнение, что он и сделал, вполне оправдав ваше доброе о нем мнение. Он согласился, что ваши преступления велики, но они все же оставляют место для милосердия, этой величайшей добродетели, которая так справедливо украшает его величество. Он сказал, что существующая между ним и вами дружба известна всякому, и потому высокопочтенное собрание, может быть, найдет его мнение пристрастным; однако, повинаясь полученному приказанию его величества, он изложит его совершенно свободно; что, если его величеству будет благоугодно, во внимание к вашим заслугам и в соответствии с добротой своего сердца, пощадить вашу жизнь и удовольствоваться повелением выколоть вам оба глаза, то он осмеливается думать, что такая мера, удовлетворив в некоторой степени правосудие, в то же время приведет в восхищение весь мир, который будет приветствовать столько же снисходительность монарха, сколько честность и великодушные лиц, имеющих честь быть его советниками; что потеря глаз не нанесет никакого ущерба вашей физической силе, благодаря которой вы еще можете быть полезны его величеству; что слепота, скрывая от вас опасность, только увеличит вашу храбрость; что боязнь потерять зрение служила вам главным препятствием при захвате неприятельского флота и что для вас достаточно будет смотреть на все глазами

министров, раз даже величайшие монархи вполне довольствуются этим.

Это предложение было встречено высоким собранием с крайним неодобрением. Адмирал Болголам не в силах был сохранить хладнокровие; в бешенстве вскочив с места, он сказал, что удивляется, как осмелился секретарь подать голос за сохранение жизни изменника; что оказанные вами услуги, по соображениям государственной безопасности, еще более отягчают ваши преступления; что раз вы были способны простым моченспусканием (о чем он не может вспомнить без отвращения) потушить пожар в покоях ее величества императрицы, то в другое время вы будете способны таким же образом вызвать наводнение и затопить весь дворец; что та самая сила, которая позволила вам отнять у неприятеля флот, при первом вашем неудовольствии послужит на то, что вы отведете этот флот обратно; наконец, у него есть полное основание думать, что в глубине души вы тупоконечник; и так как измена зарождается в сердце прежде, чем проявляет себя в действии, то он обвинил вас на этом основании в измене и настаивал, чтобы вы были немедленно казнены.

Канцлер казначейства был того же мнения; он показал, в какое затруднительное положение были приведены финансы его величества благодаря тяжелому бременю, которым лежит на них ваше содержание; финансовое напряжение скоро станет невыносимым, и предложение секретаря выколоть вам глаза не только не выльчит от этого зла, но, по всей вероятности, усугубит его, ибо после этой операции животные едят больше и скорее жиреют; и если его священное величество и члены совета, ваши судьи, обращаясь к своей совести, пришли к твердому убеждению в вашей виновности, то это является достаточным основанием приговорить вас к смерти, не затрудняясь подысканием формальных доказательств, требуемых буквой закона.

Но его императорское величество решительно высказался против смертной казни, милостиво изволив заметить, что, если совет находит лишение вас зрения наказанием слишком легким, то всегда будет время применить другое, более тяжелое. Тогда ваш друг секретарь, испросив позволение выслушать его возражения на за-

мечания канцлера казначейства по поводу значительных расходов на ваше содержание, сильно обременяющих кизну его величества, сказал: так как распоряжение доходами его величества всецело принадлежит его превосходительству, то ему не трудно будет предотвратить угрожающую опасность путем постепенного уменьшения расходов на ваше содержание; таким образом, вследствие недостаточного количества пищи, вы станете слабеть, худеть, потеряете аппетит и зачахнете в несколько месяцев; такая мера будет иметь еще и то преимущество, что разложение вашего трупa станет менее опасным, так как тело ваше уменьшится в объеме по крайней мере в два раза; и немедленно после вашей смерти пять или шесть тысяч подданных его величества смогут в два или три дня отделить мясо от костей, сложить его в телеги, свезти и закопать далеко за городом во избежание заразы, а скелет сохранить как памятник, на удивление потомству.

Таким образом, благодаря дружескому расположению к вам секретаря, удалось прийти к удовлетворительному решению вашего дела. Было строго предписано сохранить втайне намерение постепенно уморить вас голодом; приговор же о вашем ослеплении занесен в протокол по единогласному решению членов совета, за исключением адмирала Болголама, креатуры императрицы, который, благодаря непрерывным подстрекательствам ее величества, настаивал на вашей смерти; императрица же затаила на вас злобу из-за неблагоприятного и незаконного способа, каким вы потушили пожар в ее апартаментах.

Через три дня ваш друг секретарь получит повеление явиться к вам и прочесть все пункты обвинительного акта; при этом он объяснит вам, насколько велики снисходительность и благосклонность его величества и государственного совета, благодаря которым вы приговорены только к ослеплению. Его величество не сомневается, что вы покорно и с благодарностью подчинитесь этому приговору; двадцать хирургов его величества назначены наблюдать за надлежащим совершением операции при помощи очень тонко заостренных стрел, которые будут пущены в ваши глазные яблоки в то время, когда вы будете лежать на земле.

Засим, предоставляя вашему благоразумию позаботиться о принятии соответствующих мер, я должен, во избежание подозрений, немедленно удалиться так же тайно, как прибыл сюда.

С этими словами его превосходительство покинул меня, и я остался один, подавленный только что полученным сообщением.

У лиллипутов существует обычай, введенный нынешним императором и его министрами, очень непохожий, как меня уверяли, на то, что практиковалось в прежние времена. Если, в угоду мстительности монарха или злобе фаворита, суд приговаривает кого-либо к жестокому наказанию, то император произносит в пленуме государственного совета речь, изображающую его великое милосердие и доброту, как качества, всем известные и всеми признанные. Речь немедленно публикуется по всей империи; и ничто так не устрашает народ, как эти панегирики императорскому милосердию, ибо замечено, что чем они пространнее и велеречивее, тем бесчеловечнее наказание и невиннее жертва. Однако должен признаться, что, не предназначенный ни рождением, ни воспитанием к роли придворного, я был плохой судья в подобных вещах и никак не мог найти признаков кротости и милосердия в приговоре, касающемся меня, а, напротив (хотя, быть может, и несправедливо), считал его скорее суровым, чем мягким. Иногда мне приходило на мысль явиться лично в совет и защищаться, ибо если я и не мог оспаривать фактов, изложенных в обвинительном акте, то все-таки надеялся, что они допускают некоторое смягчение приговора. Но, с другой стороны, судя по описаниям многочисленных политических процессов, о которых приходилось мне читать, все они оканчивались в смысле, желательном для судей, и я не решался вверить свою участь, в таких критических обстоятельствах, столь могущественным врагам. Меня очень соблазняла мысль оказать сопротивление; я отлично понимал, что, покуда я пользовался свободой, все силы этой империи не могли бы одолеть меня, и я легко мог бы забросать камнями и обратить в развалины всю столицу; но, вспомнив присягу, данную мною императору, все его милости ко мне и высокий титул *нардака*, которым он меня пожаловал, я тотчас с отвращением отверг этот проект. Я с трудом

усваивал придворные взгляды на благодарность, и никак не мог убедить себя, что теперешняя суровость его величества освобождает меня от всяких обязательств по отношению к нему.

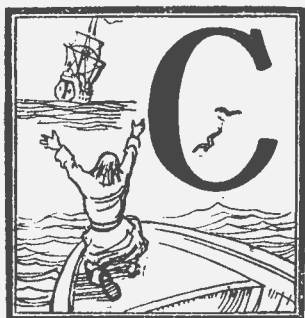
Наконец я остановился на решении, за которое, быть может, многие не без основания меня осудят. Ведь, надо признаться, я обязан сохранением зрения, а стало быть и свободы, своему чрезвычайному безрассудству и неопытности. В самом деле, если бы в то время я знал так же хорошо нравы монархов и министров и их обращение с преступниками, гораздо менее виновными, чем был я, как я узнал это потом, наблюдая придворную жизнь в других государствах, я бы с величайшей радостью и поспешностью подчинился столь легкому наказанию. Но я был молод и горяч; воспользовавшись разрешением его величества посетить императора Блефуску, я еще до окончания трехдневного срока послал моему другу секретарю письмо, в котором уведомлял его о своем решении отправиться в то же утро в Блефуску согласно полученному мной разрешению. Не дожидаясь ответа, я направился к морскому берегу, где стоял на якоре наш флот. Захватив большой военный корабль, я привязал к его носу веревку, поднял якоря, разделся и положил свое платье в корабль (вместе с одеялом, которое принес на руке); затем, ведя корабль за собою, частью вброд, частью вплавь, я добрался до королевского порта Блефуску, где уже давно меня ожидала толпа народа. Мне дали двух проводников, чтобы показать дорогу в столицу Блефуску, носящую то же название, что и государство. Я нес их в руках, пока не подошел на сто сажений к городским воротам; тут я попросил их известить о моем прибытии одного из государственных секретарей и передать ему, что я ожидаю приказаний его величества. Через час я получил ответ, что его величество в сопровождении августейшей семьи и высших придворных чинов выехал встретить меня. Я приблизился на сто ярдов. Император и его свита соскочили с лошадей, императрица и придворные дамы вышли из карет, и я не заметил у них ни малейшего страха или беспокойства. Я лег на землю, чтобы поцеловать руку императора и императрицы. Я объявил его величеству, что прибыл сюда согласно моему обещанию и с соизволения

императора, моего повелителя, чтобы иметь честь лицезреть могущественнейшего монарха и предложить ему нависящие от меня услуги, если они не будут противоречить долгу верноподданного перед моим государем; я ни слова не упомянул о постигшей меня немилости, потому что, не получив еще официального уведомления, и вполне мог и не знать о намерениях своего императора. С другой стороны, у меня было полное основание предполагать, что император не пожелает предать огласке мою опалу, если узнает, что я нахожусь вне его власти; однако скоро выяснилось, что я сильно ошибся в своих предположениях.

Не буду утомлять внимание читателя подробным описанием приема, оказанного мне при дворе императора Блефуску; замечу только, что он вполне соответствовал великодушию столь могущественного монарха. Не буду также говорить о неудобствах, которые я испытывал благодаря отсутствию подходящего помещения и постели: мне пришлось спать на голой земле, укрывшись своим одеялом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Автор благодаря счастливому случаю находит возможность оставить империю Блефуску и после некоторых затруднений возвращается благополучно в свое отечество.

пусть три дня после моего прибытия в Блефуску я из любопытства отправился на северо-восточный берег острова и тут заметил на расстоянии полулиги, в открытом море, что-то похожее на опрокинутую лодку. Сняв башмаки и чулки и пройдя вброд около двухсот или трехсот ярдов, я увидел, что благодаря приливу предмет приближается, и

тут уже не оставалось никаких сомнений, что это настоящий бот, вероятно оторванный бурей от какого-нибудь корабля. Я тотчас возвратился в город и попросил его величество дать в мое распоряжение двадцать самых больших кораблей, оставшихся у него после потери флота, и три тысячи матросов под командой вице-адмирала. Флот пошел кругом острова, а я кратчайшим путем возвратился к тому месту берега, где обнаружил бот; за это время прилив еще ближе пригнал его. Все матросы были снабжены веревками, которые я предварительно ссучил для большей прочности. Когда прибыли корабли, я разделся и отправился к боту, сначала вброд, а, не доходя ста ярдов, вплавь. Матросы бросили мне веревку, один конец которой я привязал к отверстию в передней части бота, а другой к одному из военных кораблей, но от всего этого было мало пользы, потому что, не доставая ногами дна, я не мог работать как следует. Ввиду этого мне пришлось подплыть к боту сзади и по мере сил подталкивать его вперед одной рукой. Так как мне помогал прилив, то я достиг такого места, где мог стать на ноги, погрузившись в воду до подбородка. Я отдохнул две или три минуты и затем продолжал подталкивать бот до тех пор, пока вода не дошла у меня до подмышек. Когда таким образом самая трудная часть

предприятия была исполнена, я взял остальные веревки, сложенные на одном из кораблей, и привязал их сначала к боту, а потом к девяти сопровождавшим меня судам. Ветер был попутный, матросы тянули бот на буксире, и подталкивал его, и мы скоро подошли на сорок ярдов к берегу. Подождав отлива, когда бот оказался на суше, и при помощи двух тысяч человек, снабженных веревками и машинами, перевернул бот и нашел, что повреждения его незначительны.

Не буду докучать читателю описанием затруднений, которые пришлось преодолеть, чтобы на веслах (работа над которыми отняла у меня десять дней) привести бот в императорский порт Блефуску, куда при моем прибытии стеклась несметная толпа народа, пораженная видом такого чудовищного судна. Я сказал императору, что этот бот привела ко мне моя счастливая звезда, чтобы я добрался на нем до места, откуда мне можно будет вернуться на родину; и я попросил его величество повелеть снабдить меня необходимыми материалами для оснастки судна, а также дать дозволение на отъезд. После некоторых попыток убедить меня остаться император сообразовалил дать свое согласие.

Меня очень удивило, что за это время, насколько мне было известно, ко двору Блефуску не поступало никаких запросов обо мне от нашего императора. Однако позднее мне частным образом сообщили, что его императорское величество, ни минуты не подозревая, что мне известны его намерения, усмотрел в моем отъезде в Блефуску простое исполнение обещания, согласно данному им на то дозволению, о котором было хорошо известно всему двору; он был уверен, что я возвращусь через несколько дней, когда все формальности визита будут выполнены. Но через некоторое время мое долгое отсутствие начало его беспокоить. Посовещавшись с канцлером казначейства и другими министрами, он послал ко двору Блефуску одну знатную особу с копией моего обвинительного акта. Этот посланец имел инструкции поставить на вид монарху Блефуску великое милосердие своего повелителя, удовольствовавшегося наложением на меня такого легкого наказания, как ослепление, и объявить, что я бежал от правосудия; и если в течение двух часов не возвращусь назад, то буду лишен титула *нардака* и

объявлен изменником. Посланный прибавил, что в видах сохранения мира и дружбы между двумя империями его повелитель питает надежду, что его брат, император Блефуску, даст повеление отправить меня в Лиллипутию, связанного по рукам и ногам, чтобы подвергнуть меня наказанию за измену.

Император Блефуску, после трехдневного размышления, послал весьма любезный ответ со множеством извинений. Он писал, что брат его прекрасно понимает полную невозможность отправить меня в Лиллипутию, связанного по рукам и ногам; что хотя я лишил его флота, однако же он считает себя обязанным мне за множество добрых услуг, оказанных мною во время мирных переговоров; что, впрочем, оба монарха скоро вздохнут свободнее, так как я нашел на берегу огромный корабль, на котором могу отправиться в море; что он отдал приказ снарядить этот корабль по моим указаниям и надеется, что через несколько недель обе империи избавятся, наконец, от столь невыносимого бремени.

С этим ответом посланный возвратился в Лиллипутию, и монарх Блефуску сообщил мне все, что произошло, предлагая в то же время, но под условием хранить это в строгой тайне, свое милостивое покровительство, если мне угодно будет остаться у него на службе. Хотя я считал предложение императора вполне искренним, однако решил не доверяться больше монархам и министрам, если есть возможность обойтись без их помощи, и потому, выразив императору свою глубокую благодарность за его милостивое внимание, я почтительнейше просил его величество извинить меня и сказал, что хотя неизвестно, к счастью или невзгодам судьба посылает мне это судно, но я решил лучше отдать себя на волю океана, чем служить яблоком раздора между двумя столь могущественными монархами. У меня не было впечатления, что императору не понравился этот ответ, напротив, я узнал даже, что он остался очень доволен моим решением, как и большинство его министров.

Эти обстоятельства заставили меня поспешить и уехать скорее, чем я предполагал. Двор, в нетерпеливом ожидании моего отъезда, оказывал мне всяческое содействие. Пятьсот человек сделали под моим руководством два паруса для моего бота, простегав для этого сложен-

ное в тринадцать раз самое толстое тамошнее полотно. Изготовление снастей и канатов я взял на себя, скручивая вместе по десяти, двадцати и тридцати самых толстых и прочных тамошних веревок. Большой камень, случайно найденный на берегу после долгих поисков, заменил мне якорь. Мне дали жир трехсот коров для смазки бота и других надобностей. С невероятными усилиями я срезал несколько самых высоких строевых деревьев на весла и мачты; в изготовлении их мне оказали, однако, большую помощь корабельные плотники его величества, которые выравнивали и обчищали то, что мною было сделано вчера.

По прошествии месяца, когда все было готово, я отправился в столицу получить приказания его величества и попрощаться с ним. Император с августейшей семьей вышли из дворца: я лег на землю, чтобы поцеловать его руку, которую он очень благосклонно протянул мне; то же сделали императрица и все принцы крови. Его величество подарил мне пятьдесят кошельков с двумястами *спругов* в каждом, свой портрет во весь рост, который я тотчас спрятал себе в перчатку для большей сохранности. Но весь церемониал моего отъезда был так сложен, что сейчас я не буду утомлять читателя его описанием.

Я погрузил в бот сто воловьих и триста бараньих туш, соответствующее количество хлеба и напитков и столько жареного мяса, сколько могли мне приготовить четыреста поваров. Кроме того, я взял с собою шесть живых коров и два быка и столько же овец с баранами, чтобы привезти их к себе на родину и заняться их разведением. Для прокормления этого скота в пути я захватил с собою большую вязанку сена и мешок зерна. Мне очень хотелось увезти с собою с десятков туземцев, но император ни за что не согласился на это; не довольствуясь самым тщательным осмотром моих карманов, его величество обязал меня честным словом не брать с собою никого из его подданных даже с их согласия и по их желанию.

Приготовясь таким образом как можно лучше к путешествию, я поставил паруса 24 сентября 1701 года в шесть часов утра. Пройдя при юго-восточном ветре около четырех лиг по направлению к северу, в шесть часов

вечера я заметил на северо-западе, на расстоянии полулиги, небольшой островок. Я подъехал к нему и бросил якорь с подветренной стороны острова, который был, по видимому, необитаем. Немного подкрепившись, я лег отдохнуть. Спал я хорошо и, по моему предположению, не меньше шести часов, потому что проснулся часа за два до наступления дня. Ночь была светлая. Позавтракав до восхода солнца, я поднял якорь и при попутном ветре взял с помощью карманного компаса тот же курс, что и накануне. Я намеревался добраться по возможности до одного из островов, лежащих, по моим соображениям, на северо-восток от Вандименовой Земли. В этот день я ничего не открыл, но около трех часов пополудни следующего дня, находясь, согласно моим вычислениям, в двадцати четырех лигах от Блефуску, я заметил парус, двигавшийся на юго-восток; сам же я направлялся прямо на восток. Я стал кричать, но ответа не добился. Однако скоро ветер ослабел, и я получил возможность догнать судно. Я поставил все паруса, и через полчаса корабль заметил меня, выбросил флаг и выстрелил из пушки. Трудно описать охватившее меня чувство радости, когда неожиданно явилась надежда вновь увидеть любезное отечество и покинутых там дорогих моему сердцу людей. Корабль убавил паруса, и я пристал к нему в шестом часу вечера 26 сентября. Мое сердце затрепетало от восторга, когда я увидел английский флаг. Рассовав коров и овец по карманам, я взошел на борт корабля со всем своим небольшим грузом. Это было английское купеческое судно, возвращавшееся из Японии северными и южными морями; капитан его, мистер Джон Бидль из Дептфорда, был человек в высшей степени любезный и превосходный моряк. Мы находились в это время под 30° южной широты. Экипаж корабля состоял из пятидесяти человек, и между ними я встретил одного моего старого товарища, Питера Вильямса, который дал капитану самые благоприятные обо мне сведения. Капитан оказал мне любезный прием и попросил сообщить, откуда я еду и куда направляюсь. Когда я вкратце сказал ему это, он подумал, что я заговариваюсь и что перенесенные несчастья лишили меня рассудка. Тогда я вынул из кармана коров и овец; это привело его в крайнее изумление и убедило в моей правдивости. Затем я пока-

дал ему золото, полученное от императора Блефуску, портрет его величества и другие диковинки. Я отдал капитану два кошелька с двумястами *спругов* в каждом и обещал ему подарить, по прибытии в Англию, стельную корову и овцу.

Но я не буду докучать читателю подробным описанием этого путешествия, которое оказалось очень благополучным. Мы прибыли в Даунс 13 апреля 1702 года. В пути у меня была неприятность: корабельные крысы утащили одну мою овечку, и я нашел в щели ее совершенно обглоданные кости. Весь остальной скот я благополучно доставил на берег и в Гринвиче пустил его на лужок; тонкая и нежная трава, сверх моего ожидания, послужила им прекрасным кормом. Я бы не мог сохранить этих животных в течение столь долгого путешествия, если бы капитан не давал мне своих лучших сухарей, которые я растирал в порошок, размачивал водою и в таком виде давал им. В продолжение моего недолгого пребывания в Англии я собрал значительную сумму денег, показывая этих животных многим знатым лицам и простому народу, а перед началом второго путешествия продал их за шестьсот фунтов. Возвратившись в Англию из последнего путешествия, я нашел уже довольно большое стадо; особенно расплодилось овец; и я надеюсь, что они принесут значительную пользу шерстопрядильной промышленности благодаря необыкновенно тонкой шерсти.

Я оставался с женой и детьми не больше двух месяцев, потому что мое ненасытное желание видеть чужие страны не давало мне покоя и я не мог усидеть дома. Я оставил жене полторы тысячи фунтов и водворил ее в хорошем доме в Редриффе. Остальное свое имущество, частью в деньгах, частью в движимости, я увез с собою в надежде приумножить его. Старший мой дядя Джон завещал мне поместье недалеко от Эппинга, приносящее в год до тридцати фунтов дохода, столько же дохода я получал от бывшей у меня в долгосрочной аренде харчевни *Черный Бык* в Феттер-Лэйне. Таким образом, я не боялся, что оставляю семью на попечение прихода. Мой сын Джонни, названный так в честь своего дяди, посещал среднюю классическую школу и был хорошим учеником. Моя дочь Бетти (которая теперь замужем и имеет

детей) училась швейному мастерству. Я попрощался с женой, дочерью и сыном, причем дело не обошлось без слез с обеих сторон, и сел на купеческий корабль *Адвенчер* вместимостью в триста тонн; назначение его было Сюрат, капитан — Джон Николас. Но отчет об этом путешествии составит вторую часть моих странствований.

Часть вторая
ПУТЕШЕСТВИЕ
В
Бродингнел

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Описание сильной бури. Посылка баркаса за пресной водой. Автор отправляется на нем для исследования страны. Он оставлен на берегу, его подбирает один туземец и относит к фермеру. Прием автора на ферме и различные происшествия, случившиеся там. Описание жителей.

Н адо думать, что сама природа и судьба предназначили меня к деятельной и беспокойной жизни, потому что через два месяца после возвращения домой, 20 июня 1702 года, я снова оставил отечество и сел в Даунсе на корабль *Адвенчер*, отправлявшийся в Сюрат под командой капитана Джона Николаса из Корнуэльса. Ветер был попутный до мыса Доброй Надежды, где мы бросили якорь, чтобы запастись свежей водой. Но на корабле открылась течь, мы выгрузили товары и зазимовали, потому что капитан заболел перемежающейся лихорадкой, и мы не могли по-

кинуть мыс до конца марта; тогда мы, наконец, поставили паруса и благополучно совершили переход до Мадагаскарского пролива. Но когда мы вышли к северу от Мадагаскара и находились приблизительно на 5° южной широты, то умеренные северные и западные ветры, по наблюдениям моряков постоянно дующие в этом поясе с начала декабря и до начала мая, 19 апреля вдруг сменились гораздо более сильным ветром, налетевшим прямо с запада и продолжавшимся двадцать дней подряд *. Нас занесло за это время восточнее Молукских островов, на 3° к северу от экватора, как выходило по вычислениям капитана, сделанным 2 мая, когда ветер прекратился и наступил полный штиль, немало меня обрадовавший. Но капитан, человек опытный в плавании по этим морям, приказал всем нам приготовиться к буре, которая действительно и разразилась на следующий же день, когда поднялся южный ветер, известный под именем муссона.

Видя, что ветер сильно крепчает *, мы убрали блинд и приготовились убавить фок-зейл. Но погода становилась хуже; осмотрев, прочно ли привязаны пушки, мы убавили бизань. Корабль находился в открытом море, и было решено лучше идти по ветру, чем лечь в дрейф. Мы взяли рифы от фок-зейля и поставили его, затем натянули шкот. Румпель лежал на полном ветре. Корабль бодро держался. Мы закрепили спереди нирал, но парус разорвался. Тогда мы спустили рею, сняли с нее парус и весь такелаж. Буря была ужасная, море сильно бушевало. Мы натянули тали у ручки румпеля и пришли на помощь рулевому. Мы не думали спускать брам-стенги, потому что корабль шел по ветру, а известно, что брам-стенги помогают управлению кораблем и увеличивают его ход, тем более что перед нами было открытое море. Когда буря стихла, поставили грот и фок и легли в дрейф. Затем подняли бизань, большой и малый марсели. Мы шли на северо-восток, при юго-западном ветре. Мы укрепили швартовы к штирборту, ослабили брасы у рей за ветром, сбросили под ветер и крепко притянули булина, закрепив их. Мы маневрировали бизанью, стараясь сохранить ветер и поставить столько парусов, сколько могли выдержать корабельные мачты.

Во время этой бури, сопровождавшейся сильным за-

падным-юго-западным ветром, нас отнесло, по моим вычислениям, по крайней мере на пятьсот лиг к востоку, так что самые старые и опытные моряки не могли сказать, в какой части света мы находимся. Провианта у нас было вдоволь, корабль в хорошем состоянии, экипаж совершенно здоров, и только ограниченность запасов пресной воды внушала нам сильное беспокойство. Мы сочли, что лучше держаться прежнего направления, нежели отклоняться более к северу, так как при этом нас могло унести в северо-западные области Великой Татарии или к Ледовитому морю.

16 июня 1703 года стоявший на брам-стенге юнга увидел землю. 17-го мы подошли к острову или континенту (мы не знали), на южной стороне которого выдавалась в море коса и виднелась бухта, но не такой глубины, чтобы в нее мог войти корабль более ста тонн водоизмещения. Мы бросили якорь на расстоянии лиги от этой бухты, и капитан послал баркас с десятком хорошо вооруженных людей, снабдив их сосудами для воды, если таковая будет ими найдена. Я попросил у капитана позволения присоединиться к ним, чтобы осмотреть страну и сделать открытия, какие будут в моих силах. Прибыв к берегу, мы не нашли ни реки, ни источника и ни малейших признаков населения. Поэтому матросы разбрелись по побережью в поисках пресной воды, а я отправился один в противоположную сторону, но на расстоянии мили кругом тянулись все те же бесплодные и скалистые места. Почувствовав усталость и не находя ничего любопытного, я стал медленно возвращаться к бухте; море широко открывалось передо мною, и, к немалому удивлению, я увидел, что наши матросы уже сели в баркас и гребут что есть мочи по направлению к кораблю. Я уже собирался окликнуть их, хотя это было и бесполезно, как вдруг заметил, что их энергично преследует в море человек исполинского роста; вода едва доходила ему до колен, и он делал огромные шаги, но так как наши успели отъехать не меньше чем на поллиги от него и море кругом было покрыто острыми скалами, то чудовище не могло догнать лодку. Все это мне рассказали потом, а в тот момент у меня не хватило мужества наблюдать за исходом погони, и я со всех ног бросился удирать; запыхавшись, я взобрался на крутой

холм, откуда мог обозреть окрестности. Земля кругом была хорошо возделана, но меня поразила высота травы на лугах, достигавшая двадцати футов.

Я вышел на большую дорогу, так по крайней мере мне казалось, хотя для туземцев эта дорога была только тропинкой, пересекавшей ячменное поле. В течение некоторого времени я почти ничего не мог видеть, потому что приближалось время жатвы и ячмень был высотой футов в сорок. Только через час я достиг конца этого поля, обнесенного изгородью в сто двадцать футов вышины. Что касается деревьев, то они были так велики, что я совсем не мог определить их высоту. Чтобы попасть с этого поля на соседнее, нужно было подняться на четыре ступени да еще перешагнуть через огромный камень. Мне не по силам было взобраться на эту лестницу, потому что каждая ступень имела шесть футов вышины, а верхний камень — больше двадцати. Поэтому я старался найти какую-нибудь щель в изгороди, как вдруг увидел, что с соседнего поля к лестнице подходит исполн, такой же огромный, как и тот, который гнался за нашим баркасом. Ростом он был с колокольню, а каждый его шаг, насколько я мог прикинуть, равнялся десяти ярдам. Объятый ужасом и изумлением, я поспешно убежал и спрятался в ячмене, откуда я увидел, что великан, взобравшись на ступеньки, оглядел соседнее поле справа и позвал кого-то голосом, звучавшим во много раз громче, чем наш голос в рупор; он раздавался с такой высоты, что сначала я принял его за раскаты грома. На зов к нему тотчас подошли семь таких же чудовищ с серпами в руках, каждый серп величиной с шесть наших кос. Эти люди были одеты беднее и являлись, по видимому, его слугами или работниками, потому что после нескольких его слов отправились жать на то поле, где я спрятался. Я старался держаться от них подальше, но мог двигаться лишь с большим трудом, так как в некоторых местах расстояние между стеблями было не больше фута и я едва продирался между ними. Тем не менее я кое-как добрался до той части поля, где ячмень был повален дождем и ветром. Здесь я не в силах был сделать ни шагу дальше: стебли так переплелись, что не было никакой возможности ползти между ними, а усики поваленных колосьев были так крепки и

остры, что прокалывали платье и вонзались в тело. Между тем я чувствовал, что жнецы находятся от меня не дальше ста ярдов. Разбитый усталостью и уничтоженный горем и отчаянием, я лег в борозду и от всего сердца пожелал смерти. Я оплакивал покинутую жену и сирот детей. Я горько сетовал на свои безрассудство и упрямство, побудившие меня предпринять второе путешествие вопреки советам родных и друзей. Подавленный и встревоженный, я невольно вспомнил Лиллипутию, жители которой смотрели на меня, как на величайшее чудо в свете, там я был способен тащить одной рукой весь императорский флот и совершить много других подвигов, которые увековечены в летописях этой империи и покажутся невероятными потомству, хотя они и засвидетельствованы миллионами очевидцев. Я представил себе унижение, ожидающее меня у этого народа, здесь я буду казаться таким же ничтожным существом, каким казался бы среди нас любой лиллипут. Но без сомнения это было еще не самое худшее из несчастий, ожидавших меня; ведь если человеческая дикость и жестокость, как свидетельствует наблюдение, увеличиваются пропорционально росту, то чего мне было ожидать теперь, кроме печальной участи быть съеденным первым же огромным варваром, которому случится поймать меня? Несомненно, философы правы, утверждая, что понятия великого и малого суть понятия относительные. Быть может, судьбе угодно будет устроить так, что и лиллипуты встретят людей, столь же малых сравнительно с ними, как они были малы по сравнению со мной. И кто знает, быть может, в какой-нибудь отдаленной и неизвестной нам части света существует порода смертных, превосходящих своим ростом даже этих гигантов?

Таким философским размышлениям предавался я, не смотря на овладевшие мной ужас и смятение. В это время один из жнецов подошел на десять ярдов к борозде, в которой я лежал; испугавшись, что при следующем его шаге я буду растоптан или разрезан пополам серпом, я завопил что было мочи. Великан остановился, внимательно осмотрелся кругом и наконец заметил меня на земле. Некоторое время он с опаской наблюдал за мной, подобно тому, как мы следим за каким-нибудь зверьком, когда хотим схватить его так, чтобы он не оцарапал или

он укусил нас; я сам хватал иногда таким образом
зверьков в Англии. Наконец он отважился, взял меня
за талию большим и указательным пальцами и поднес
глазам на расстояние трех ярдов, чтобы лучше рас-
смотреть. Я угадал его намерение, и у меня хватило
на столько присутствия духа, что я решил не оказывать
ни малейшего сопротивления, когда он держал меня так
на высоте шестидесяти футов от земли, хотя он страшно
сдавил мне ребра, боясь, чтобы я не выскользнул из его
пальцев. Я позволил себе только поднять глаза к солн-
цу, умоляюще сложить руки и сказать несколько слов
смирненным, печальным тоном, подобающим положению,
в котором я находился. Я всё время был в страхе, что
великан швырнет меня на землю, как мы швыряем про-
тивное насекомое, собираясь раздавить его. Но, благо-
дарение моей счастливой звезде, мой голос и жесты, по-
видимому, понравились ему, и он начал рассматривать
меня, как диковину, изумляясь моей членораздельной
речи, смысл которой был ему непонятен. Однако я не
мог больше удержаться от стона и слез и, повернув го-
лову, старался выразительнее объяснить ему, что свои-
ми пальцами он причиняет мне нестерпимую боль. По-
видимому, он понял мою мимику, так как, подняв полу
своего камзола, осторожно положил меня туда и бегом
постылся со мной к своему хозяину, тому самому зажи-
точному фермеру, которого я прежде других увидел на
поле.

Фермер, получив от своего работника (как я заклю-
чил из разговора) все сведения обо мне, какие тот мог
дать ему, взял содоминку, толщиною в трость, и стал
поднимать ею полы моего кафтана: очевидно, он пола-
гал, что природа одарила меня чем-то вроде обалочки.
Затем он дунул на мои волосы, чтобы лучше рассмот-
реть лицо. Созвав работников, он спросил их (как я по-
том узнал), не случалось ли им находить когда-нибудь
на полях других зверьков, похожих на меня. Затем он
осторожно опустил меня на землю и поставил на четве-
реньки; но я тотчас поднялся на ноги и стал расхажи-
вать взад и вперед, желая показать этим людям, что у
меня нет ни малейшего намерения бежать. Они сели
в кружок, чтобы лучше наблюдать за моими движения-
ми. Я снял шляпу и сделал глубокий поклон фермеру.

Затем, став на колени, я поднял к небу глаза и руки и как можно громче произнес несколько слов; я вынул из кармана кошелек с золотом и с видом полной покорности вручил его хозяину. Тот принял кошелек и поднес его к самым глазам, чтобы разглядеть, что это такое, затем несколько раз потыкал его кончиком булавки, которую вынул из своего рукава, но так и не понял его назначения. Тогда я сделал знак, чтобы он положил руку на землю; затем, взяв кошелек и открыв его, высыпал к нему на ладонь все золото. Там было шесть испанских золотых, в четыре пистоля каждый, и двадцать или тридцать монет помельче. Послунив кончик мизинца, он поднял им сперва одну большую монету, потом другую; но видно было, что он остался в полном неведении, что это за вещицы. Он сделал мне знак положить монеты обратно в кошелек и спрятать кошелек в карман, что я в конце концов и сделал после неоднократных бесплодных попыток предложить ему кошелек в подарок от меня.

Мало-помалу фермер убедился, что имеет дело с разумным существом. Он часто заговаривал со мною, но шум его голоса отдавался у меня в ушах подобно шуму водяной мельницы, хотя слова произносились им достаточно внятно. Я отвечал на разных языках как можно громче, и он часто приближал свое ухо на два ярда ко мне, но все было напрасно, потому что мы совершенно не понимали друг друга. Наконец, фермер отправил слуг на работу, вынул из кармана носовой платок, сложил его вдвое, покрыл им левую руку, которую положил на землю ладонью вверх, и сделал мне знак взойти на нее, что было не трудно исполнить, так как его рука была толщиной не более фута. Я счел благоразумным повиноваться и, чтобы не упасть, лег на платок; для большей безопасности фермер закутал меня в него, как в одеяло, и в таком виде понес к себе в дом. Придя туда, он кликнул свою жену и показал меня ей; но та завизжала и попятилась, точь-в-точь как английские дамы при виде жабы или паука. Однако, видя мое примерное поведение и полное повиновение всем знакам ее мужа, она скоро привыкла ко мне и стала обходиться со мной очень ласково.

Был полдень, и слуга подал обед, который состоял

(в соответствии со скромной обстановкой земледельца) только из одного большого куска говядины на блюде около двадцати четырех футов в диаметре. За стол сели фермер, его жена, трое детей и старуха бабушка. Фермер посадил меня около себя на столе, возвышавшемся на тридцать футов от пола. Воясь свалиться с такой высоты, я отодвинулся подальше от края. Фермерша отрезала ломтик говядины, отломил кусочек хлеба и положила все это передо мною. Сделав ей глубокий поклон, я вынул свою вилку и нож и начал есть, что доставило всем большое удовольствие. Хозяйка велела служанке подать ликерную рюмочку, вместимостью около двух галлонов, и налила в нее какого-то питья. С большим трудом я взял рюмку обеими руками и самым почтительным образом выпил за здоровье хозяйки, громко произнеся тост по-английски; это заставило от души рассмеяться всех присутствующих, и своим хохотом они едва не оглушили меня. Напиток, напоминавший слабый сидр, был довольно приятен на вкус. Затем хозяин знаками пригласил меня подойти к нему. Проходя по столу, я споткнулся о корку хлеба и грохнулся носом, но не ушибся; благосклонный читатель легко поймет и извинит мою неловкость, если примет во внимание, как я был изумлен всем происходящим. Немедленно вскочив на ноги и увидя, что мое падение сильно встревожило этих добрых людей, я взял шляпу (которую, как подобает благовоспитанному человеку, я держал под мышкой), помахал ею над головой и трижды прокричал «ура» в знак того, что все обошлось благополучно. Но когда я подошел к моему хозяину (так я буду называть впредь фермера), то сидевший подле него младший сын, десятилетний шалун, быстро схватил меня за ноги и поднял так высоко, что у меня захватило дух. К счастью, отец выхватил меня из рук сына и дал ему такую оплеуху, которая, наверное, сбросила бы с лошадей целый эскадрон европейской кавалерии; он приказал также мальчику выйти из-за стола. Но, не желая оставлять в ребенке злобное к себе чувство и вспомнив, как обыкновенно бывают жестоки наши дети к воробьям, котяткам и щенкам, я упал на колени и, указывая пальцем на мальчика, изо всех сил старался дать понять моему хозяину, что прошу его простить сына. Отец смягчился, и мальчишка снова занял свое

место. Тогда я подошел к нему и поцеловал его руку, которую хозяин мой взял и нежно погладил ею меня.

Во время обеда к хозяйке вскочила на колени ее любимая кошка. Я услышал позади себя сильный шум, точно десяток ткачей работали на станках. Овернувшись, я увидел, что это мурлычет кошка, которую кормила и ласкала хозяйка; судя по голове и лапе, она была, по-видимому, в три раза больше нашего быка. Свирепый вид этого животного совсем расстроил меня, несмотря на то, что я находился на другом конце стола, на расстоянии пятидесяти футов от него, и хозяйка крепко держала кошку, боясь, как бы она не прыгнула и не схватила меня своими когтями. Однако мои опасения оказались неосновательными: хозяин поднес меня к кошке на расстоянии трех ярдов, и она не обратила на меня ни малейшего внимания. Мне часто приходилось слышать и во время путешествий убедиться на опыте, что бежать или выказывать страх перед хищным животным есть верный способ подвергнуться его преследованию или нападению, и потому в данном опасном положении я решил не проявлять ни малейшего беспокойства. Пять или шесть раз я бесстрашно подходил к самой морде кошки на расстояние полуярда, и она пятилась назад, словно была больше испугана, чем я. Во время того же обеда, как это обыкновенно бывает в деревенских домах, в комнату вбежали три или четыре собаки, но они мало испугали меня. Одна из них была дворовая, величиной с четырех слонов, другая — борзая, выше дворовой, но тоньше ее.

В самом конце обеда вошла кормилица с годовалым ребенком на руках, который немедленно заметил меня и, согласно ораторскому искусству детей, поднял такой вопль, что его, наверное, услышали бы с Лондонского моста, если бы он находился в Челси: он принял меня за игрушку. Хозяйка, руководясь чувством материнской нежности, взяла меня и поставила перед ребенком, и тот тотчас же схватил меня за талию и стал засовывать к себе в рот мою голову; тогда я завопил таким диким голосом, что ребенок в испуге выронил меня, и я непременно сломал бы себе шею, если бы мать не подставила свой передник. Чтобы успокоить младенца, кормилица стала забавлять его погремушкой, представляв-

шей собой пустой сосуд, наполненный камнями и привязанный канатом к поясу ребенка. Но все было напрасно, так что оставалось последнее средство унять его — дать ему грудь.

Я наблюдал младенца совсем вблизи, потому что кормилица, давая грудь, села поудобней, как раз около меня. Описанное зрелище навело меня на некоторые размышления по поводу нежности и белизны кожи наших английских дам. Я полагаю, что эти дамы кажутся нам такими красивыми только потому, что они одинакового роста с нами и их изъяны можно видеть не иначе как в микроскоп, который ясно показывает, как груба, толста и скверно окрашена самая нежная и белая кожа.

Вспоминаю, что, когда я был в Лиллипутии, мне казалось, что нет в мире людей с таким прекрасным цветом лица, каким природа одарила эти крошечные создания. Когда я беседовал на эту тему с одним ученым лиллипутом, моим близким другом, то он сказал мне, что мое лицо производит на него более приятное впечатление издалека, когда он смотрит на меня с земли, чем с близкого расстояния, и откровенно признался мне, что, когда я в первый раз взял его на руки и поднес к лицу, то своим видом оно ужаснуло его. По его словам, у меня на коже можно заметить большие отверстия, цвет ее представляет очень неприятное сочетание разных красок, а волосы на бороде кажутся в десять раз толще щетины кабана; между тем, позволю себе заметить, что я ничуть не безобразнее большинства моих соотечественников и, несмотря на долгие путешествия, загорел очень мало. С другой стороны, беседуя со мной о тамошних придворных дамах, ученый этот говорил мне, что у одной лицо покрыто веснушками, у другой слишком велик рот, у третьей большой нос; а я ничего этого не замечал. Конечно, эти рассуждения в достаточной мере банальны, но я не мог удержаться от них, чтобы читатель не подумал, будто великаны, к которым я попал, действительно очень безобразны. Напротив, я должен отдать им справедливость и сказать, что это красивая раса; и, в частности, черты лица моего хозяина, несмотря на то, что он простой фермер, казались мне очень правильными, когда я смотрел на него снизу, а он возвышался надо мной на шестьдесят футов.

После обеда хозяин отправился к рабочим, наказав жене, насколько можно было судить по его голосу и жестам, обращаться со мной позаботливее. Я очень устал и хотел спать; заметя это, хозяйка положила меня на постель и укрыла чистым носовым платком, который, однако, был больше и толще паруса военного корабля.

Я проспал около двух часов, и мне снилось, что я дома в кругу семьи. Это еще больше омрачило мое печальное настроение, когда я проснулся и увидел, что нахожусь один в обширной комнате шириною в двести или триста футов, а вышиною более двухсот, и лежу на кровати в двадцать ярдов ширины. Моя хозяйка отправилась по делам и оставила меня одного. Кровать возвышалась над полом на восемь ярдов; между тем некоторые естественные потребности побуждали меня сойти с кровати. Позвать на помощь я не решился, да это было и бесполезно, потому что мой слабый голос не мог быть услышан на громадном расстоянии, отделявшем мою комнату от кухни, где находилась семья. Когда я пребывал в этом затруднительном положении, две крысы взобрались по пологу на постель и стали бегать по ней взад и вперед. Одна подбежала к самому моему лицу, я в ужасе вскочил и вынул для защиты тесак. Эти гнусные животные имели дерзость атаковать меня с обеих сторон, и одна крыса даже уперлась передними лапами в мой воротник; к счастью, мне удалось распороть ей брюхо, прежде чем она успела нанести мне какой-нибудь вред. Она упала к моим ногам, а другая, видя печальную участь товарки, обратилась в бегство, получив в спину рану, которую я успел угостить ее, так что и она оставила за собою кровавый след. После этого подвига я стал прохаживаться взад и вперед по кровати, чтобы перевести дух и прийти в себя. Крысы эти были величинной с большую дворнягу, но отличались гораздо большим проворством и лютостью, так что, если бы, ложась спать, я снял свой тесак, они, несомненно, растерзали бы меня на куски и сожрали. Я измерил хвост мертвой крысы и нашел, что он равен двум ярдам без одного дюйма. Однако у меня не достало присутствия духа сбросить крысу с постели, где кровь все еще шла из нее; заметив в ней некоторые признаки жизни, я сильным ударом разрубил ей шею и доконал ее.

Вскоре после этого в комнату вошла хозяйка. Увидя, что я весь окровавлен, она поспешно бросилась ко мне и взяла меня на руки. Я указал на убитую крысу, ушибкой и другими знаками давая ей понять, что сам я не ранен, чему она сильно обрадовалась. Позвав служанку, она велела ей взять крысу щипцами и выбросить за окно, а сама поставила меня на стол; тогда я показал ей окровавленный тесак, вытер его полый кафтана и вложил в ножны. Но я чувствовал настоятельную потребность сделать то, чего никто не мог сделать вместо меня, и поэтому всячески старался дать понять хозяйке, что хочу спуститься на пол. Когда это желание было исполнено, стыдливость помешала мне изъясниться более наглядно, и я ограничился тем, что, указывая пальцем на дверь, поклонился несколько раз. С большим трудом добрая женщина поняла, наконец, в чем дело; взяв меня в руку, она отнесла в сад и там поставила на землю.

Надеюсь, благосклонный читатель извинит меня за то, что я останавливаю его внимание на такого рода подробностях; однако, сколь ни незначительными могут показаться эти подробности умам пошлым и низменным, они, несомненно, помогут философу обогатиться новыми мыслями и применить их на благо общественное и личное, попечение о коем является моей единственной целью при опубликовании описания как настоящего, так и других моих путешествий; больше всего забочусь я в них о правде, нисколько не стараясь блеснуть ни эрудицией, ни слогом. Все, что случилось со мной во время этого путешествия, произвело такое глубокое впечатление на мой ум и так отчетливо удержалось в моей памяти, что, поверяя эти события бумаге, я не могу опустить ни одного существенного обстоятельства. Тем не менее после внимательного просмотра своей рукописи я вычеркнул много мелочей, содержащихся в первоначальной редакции, из боязни показаться скучным и мелочным, в чем так часто, может быть не без основания, обвиняют путешественников.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Портрет дочери фермера. Автора отвозят в соседний город, а потом в столицу. Подробности его путешествия.

моей хозяйки была девятилетняя дочь, девочка очень развитая для своего возраста; искусно владевшая иглой и с большим вкусом одевавшая куклу. Вместе с матерью она смастерила мне на ночь постель в колыбельке куклы; колыбелька эта была положена в небольшой ящик из комода, а ящик поставлен на подвешенную к потолку полку, что-

бы уберечь меня от крыс. Такова была моя постель все время, пока я жил с этими людьми, но в нее вносились некоторые улучшения, по мере того как я, начав усваивать их язык, мог объяснять свои нужды. Девочка была настолько сообразительна, что, увидя раз или два, как я одеваюсь и раздеваюсь, могла и сама одевать и раздевать меня, но я никогда не злоупотреблял ее услугами и предпочитал, чтобы она позволяла мне делать то и другое самому. Она сшила мне семь рубашек и другое белье из самого тонкого полотна, какое только можно было найти, но, говоря без преувеличения, это полотно было гораздо толще нашей дерюги; она же постоянно собственноручно стирала его для меня. Она была также моей учительницей и обучала меня своему языку: когда я пальцем указывал на какой-нибудь предмет, она называла его, так что через несколько дней я мог попросить все, что мне было нужно. У нее был прекрасный характер, но зато для своего возраста она была мала — всего около 40 футов. Она дала мне имя *Гриль-дриг*, которое утвердилось за мной сперва в семье, а потом и во всем королевстве. Это слово означает то же, что латинское *homunculus*, итальянское — *homuncelino* и английское *manikin* *. Сохранением своей жизни в этой стране я был обязан главным образом ей. Мы не разлучались никогда во все время моего пребывания

там. Я назвал ее *моей Глюмдалыклич*, то есть нянюшкой. Я заслужил бы упрек в глубокой неблагодарности, если бы не упомянул здесь о заботах и теплой ко мне признанности Глюмдалыклич, и мне от души хотелось бы отблагодарить ее по заслугам, вместо того чтобы стать невольным, но пагубным орудием постигшей ее немилости, как я имею большие основания опасаться.

Вскоре после моего прибытия между соседями хозяина начали распространяться слухи, что он нашел в поле странного зверька величиной почти со *сплекнока*, но по виду своему совершенно похожего на человека; утверждали, что этот зверек подражает всем действиям человека, что он как будто даже говорит на каком-то собственном языке и уже выучился произносить несколько слов на местном наречии; что он ходит, держась прямо, на двух ногах, что он ручной, покорный, идет на зов и делает все, что ему приказывают; что сложение его очень нежное, а лицо блее, чем у дворянской трехлетней девочки. Другой фермер, близкий сосед и большой приятель моего хозяина, пришел к нему разведать, насколько справедливы все эти слухи. Меня немедленно вынесли и поставили на стол, где я рассказывал по команде, вынимал из ножен мой тесак и вкладывал его обратно, делал реверанс гостю моего хозяина, спрашивал на его языке, как он поживает, говорил, что рад его видеть, — словом, в точности исполнял все, чему научила меня моя нянюшка. Чтобы лучше рассмотреть меня, фермер этот, человек старый и слабый глазами, надел очки; взглянув на него, я не мог удержаться от смеха, ибо глаза его казались похожими на полную луну, когда она светит в комнату в два окошка. Домашние, поняв причину моей веселости, стали тоже смеяться, и старикан оказался настолько глуп, что рассердился и затаил на меня обиду. Он был известен как большой скряга, и, на мое несчастье, эта репутация оказалась вполне заслуженной, потому что он тут же дал моему хозяину проклятый совет показывать меня как диковину на ярмарке в ближайшем городе, до которого было от нашего дома полчаса езды, то есть около двадцати двух миль. Я догадался, что затевается какое-то дурное дело, когда увидел, как старик долго перешептывается с хозяином, указывая по временам на меня; в страхе мне

показалось даже, что я уловил и понял несколько слов. На другой день утром моя нянюшка Глюмдальклич рассказала мне, в чем дело, она все выведала у матери. Прижав меня к груди, бедная девочка заплакала от стыда и горя. Она боялась, как бы мне не вышло какого-нибудь худа от этих грубых, неотесанных людей, которые, беря меня на руки, могли задушить меня или причинить мне увечье. С другой стороны, зная мою природную скромность и чувствительность в делах чести, она предвидела, в каком я буду негодовании, если меня станут показывать за деньги на потеху толпы. Она сказала, что ее папа и мама обещали подарить ей Грильд-рига, но она видит теперь, что они хотят поступить с ней так же, как в прошлом году, когда подарили ей ягненка, а едва она откормила его, ягненок продал мяснику. Признаюсь откровенно, сам я был меньше огорчен этими известиями, чем моя нянюшка. Я твердо надеялся — и эта надежда никогда не покидала меня, — что в один прекрасный день я верну себе свободу; что же касается позора быть выставленным напоказ как чудище, то я чувствовал себя совершенно чужим в этой стране и полагал, что в моем несчастье никто не вправе будет упрекнуть меня, если мне случится возвратиться в Англию, так как даже сам король Великобритании, оказавшись на моем месте, принужден был бы подвергнуться такому же унижению.

Послушавшись совета своего друга, мой хозяин в ближайший базарный день повез меня в ящике в соседний город, взяв с собой и маленькую дочь, мою нянюшку, которую он посадил на седло позади себя. Ящик был закрыт со всех сторон; в нем была только небольшая дверца, чтобы я мог входить и выходить, и несколько отверстий для доступа воздуха. Девочка была настолько заботлива, что положила в ящик стеганое одеяло с кровати своей куклы, на которое я мог лечь. Все же эта поездка страшно растрясла и утомила меня, хотя продолжалась всего полчаса. Каждый шаг лошади был равен сорока футам, и бежала она такой крупной рысью, что ее движения напоминали мне движения корабля во время бури, который то поднимается волной в гору, то низвергается в бездну, с той только разницей, что они совершались с большей скоростью. Проделанный нами

путь приблизительно равнялся пути между Лондоном и Сент-Альбансом. Хозяин сошел с коня у гостиницы, где он обычно останавливался; посоветовавшись с содержателем гостиницы и сделав некоторые приготовления, он нанял *прультруда*, т. е. глашатая, чтобы объявить по городу о прибытии необыкновенного существа, которое можно будет видеть в гостинице под вывескою Зеленого Орла; существо это не больше *сплекнока* (местного очень изящного зверька в шесть футов длины), всей своей внешностью похоже на человека, умеет произносить несколько слов и проделывает разные забавные штуки.

Меня поставили на стол в самой большой комнате гостиницы, величиной, вероятно, в триста квадратных футов. Моя нянюшка стояла на табурете возле самого стола, чтобы охранять меня и указывать, что я должен делать. Во избежание толкотни хозяин впускал в комнату не более тридцати человек сразу. По команде девок я ходил взад и вперед по столу; она задавала мне вопросы, которые, как ей было известно, были мне понятны, и я громко отвечал на них. Несколько раз я обращался к присутствующим, то свидетельствуя им свое почтение, то выражая желание снова их видеть у себя, то произнося еще и другие фразы, которые я выучил. Я брал наперсток, наполненный вином, который Глюм-дальклич дала мне вместо рюмки, и выпивал за здоровье публики. Я вынимал тесак и размахивал им, как показывают учителя фехтования в Англии. Моя нянюшка дала мне соломинку, и я проделывал ею упражнения, как пикой, искусству владеть которой меня обучали в юности. В этот день было двенадцать групп зрителей, и каждый раз мне приходилось сызнова повторять те же штуки, так что они страшно надоели мне и утомили до полусмерти. Видевшие представление передавали обо мне такие чудеса, что народ буквально ломился в гостиницу. Оберегая свои интересы, мой хозяин не позволял никому, кроме дочери, прикасаться ко мне, и из предосторожности скамьи были отставлены далеко от стола. Несмотря на это, какой-то школьник запустил мне в голову орех с такой силой, что, не промахнись он, орех этот, наверное, раскроил бы мне череп, так как величиной он был с нашу тыкву. Я с удовлетворением увидел, что озорника отколотили и выгнали вон из залы.

Мой хозяин объявил по городу, что снова будет показывать меня в ближайший базарный день. Тем временем он изготовил для меня более удобную повозку, в которой я очень нуждался, так как первое путешествие и непрерывное восьмичасовое представление до того

изнурили меня, что я насилу стоял на ногах и едва мог выговорить слово. Мне понадобилось целых три дня, чтобы прийти в себя и восстановить свои силы, тем более, что и дома я не знал покоя, так как все соседние дворяне, на сто миль в окружности, наслышавшись обо мне, приезжали к хозяину посмотреть на диковину. Каждый день у меня бывало не менее тридцати человек с женами и детьми (так как страна эта густо населена); и мой хозяин, показывая меня дома, всегда требовал плату за полную залу, хотя бы в ней находилось только одно семейство. Таким образом, в течение некоторого

времени я почти не имел отдыха (кроме среды — их воскресенья), несмотря на то, что меня не возили в город.

Видя, что я могу принести ему большие барыши, хозяин решил объехать со мною все крупные города королевства. Собрав все необходимое для долгого путе-

шествия и сделав распоряжения по хозяйству, он простился с женой, и 17 августа 1703 года, т. е. через два месяца после моего прибытия, мы отправились в столицу, расположенную почти в центре этого государства, на расстоянии трех тысяч миль от нашего дома. Хозяин поместил позади себя свою дочь Глюмдабльич. Она держала меня на коленях в ящике, привязанном к ее талии. Девочка обила стенки ящика самой мягкой материей, какую только можно было найти, а пол устлала матрацами, поставила мне кроватку куклы, снабдила меня бельем и всем необходимым и вообще постаралась

устроить меня как можно удобнее. Нас сопровождал один работник, ехавший за нами с багажом.

Мой хозяин собирался показывать меня во всех городах, лежавших на нашем пути; кроме того, он удалялся иногда на пятьдесят и даже на сто миль в сторону от дороги, в какую-нибудь деревню или к какому-нибудь знатному лицу, если рассчитывал заработать деньги. Мы делали в день не больше ста сорока или ста шестидесяти миль, потому что Глюмдальклич, заботясь обо мне, жаловалась, что она устает от верховой езды. По моему желанию она часто вынимала меня из ящика, чтобы дать подышать свежим воздухом и показать окрестности, но всегда крепко держала меня за помочи. Мы переправились через пять или шесть рек в несколько раз шире и глубже Нила или Ганга, и едва ли нам встретился хоть один такой маленький ручеек, как Темза у Лондонского моста. Мы были в пути десять недель, и в течение этого времени меня показывали в восемнадцати больших городах, не считая деревень и частных домов.

26 октября мы прибыли в столицу, называемую на тамошнем языке *Лорбрульгруд*, или *Гордость Вселенной*. Мой хозяин остановился на главной улице, недалеко от королевского дворца, и выпустил афиши с точным описанием моей особы и моих талантов. Он нанял большую залу, шириною в триста или четыреста футов, и поставил в ней стол футов шестьдесят в диаметре, на котором я должен был проделывать свои упражнения; стол этот обнесен был решеткой вышиной в три фута, чтобы предохранить меня от падений. К общему удовлетворению и восхищению, меня показывали по десяти раз в день. В это время я уже довольно сносно говорил на местном языке и превосходно понимал все задаваемые мне вопросы. Мало того, я выучил азбуку и мог читать, чем я обязан моей Глюмдальклич, которая занималась со мной дома, а также в часы досуга во время путешествия. При ней была в кармане книжечка немного побольше атласа Сансона*, заключающая в себе краткий катехизис для девочек. По этой книге она выучила меня азбуке и чтению.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Автора требуют ко двору. Королева покупает его у фермера и представляет королю. Автор вступает в диспут с великими учеными его величества. Ему устраивают помещение во дворце. Он в большой милости у королевы. Он защищает честь своей родины. Его ссоры с карликом королевы.

епрерывные ежедневные упражнения, продолжавшиеся в течение нескольких недель, сильно подорвали мое здоровье. Чем более я доставлял выгод моему хозяину, тем ненасытнее он становился. Я совсем потерял аппетит и стал похож на скелет. Заметя это, фермер пришел к заключению, что я скоро умру, и потому решил извлечь из меня как можно

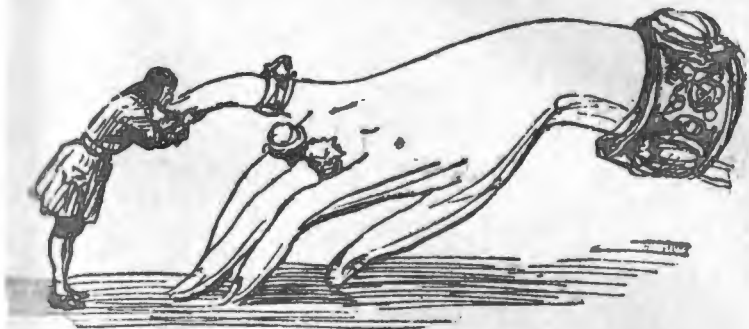
больше выгоды. Когда он пришел к такому выводу, к нему явился *слардрал*, или королевский адъютант, с требованием немедленно доставить меня во дворец для развлечения королевы и придворных дам. Некоторые из последних меня уже видели и распустили необыкновенные слухи о моей красоте, хороших манерах и большой сообразительности. Ее величество и ее свита пришли от меня в неописуемый восторг. Я упал на колени и умолял оказать мне честь позволить поцеловать ногу ее величества, но королева (после того как меня поставили на стол) милостиво протянула мне мизинец, который я обнял обеими руками и с глубоким почтением поднес к губам. Она задала мне несколько общих вопросов относительно моей родины и путешествий, на которые я ответил кратко и точно. Затем она спросила, был ли бы я доволен, если бы меня поселили во дворце. Я низко поклонился королеве и скромно отвечал, что я раб своего хозяина, но что если бы я был свободен распоряжаться своей судьбою, то с радостью посвятил бы свою жизнь на служение ее величеству. Тогда королева спросила моего хозяина, согласен ли он продать меня за хорошую цену. Так как мой хозяин боялся, что я не проживу

и месяца, то он очень обрадовался случаю отделаться от меня и запросил тысячу золотых, которые тут же ему были отсчитаны. Каждый из этих золотых равнялся восьмистам мойдорам*, но если принять во внимание соотношение между всеми предметами этой страны и Европы, а также высокую цену золота там, то эта сумма едва окажется равной тысяче английских гиней. Тогда я сказал королеве, что, так как я стал теперь преданнейшим вассалом ее величества, то осмелюсь просить милости, чтобы Глюмдальклич, которая всегда проявляла столько заботливости и доброты ко мне, была принята на службу ее величества и по-прежнему оставалась моей нянюшкой и учительницей. Ее величество согласилась исполнить мою просьбу и легко получила согласие фермера, очень довольного тем, что его дочь была устроена при дворе. Что касается самой Глюмдальклич, то бедная девочка не могла скрыть своей радости. Мой бывший хозяин удалился, пожелав мне всякого добра и сказав, что оставляет меня на прекрасной службе. Я не ответил ему ни слова и ограничился только легким поклоном.

Королева заметила мою холодность и, когда фермер оставил апартаменты, спросила о причине ее. Я взял на себя смелость ответить ее величеству, что я обязан этому человеку только тем, что мне, бедному, безобидному созданию, не раскроили черепа, когда случайно нашли на его поле; что я с избытком вознаграждал фермера за это одолжение теми деньгами, которые он выручил, показав меня едва ли не половине королевства, и которые получил сейчас, продав меня; что, находясь у него, я влачил самое тяжелое существование, которое едва ли вынесло бы животное, сильнейшее меня в десять раз; что мое здоровье очень подорвано непрерывной повинностью забавлять зевак в течение целого дня и что если бы фермер не считал мою жизнь в опасности, то ее величество не приобрела бы меня за такую дешевую цену. Но так как теперь мне нечего страшиться дурного обращения под покровительством столь великой и милой государыни, украшения природы, любви вселенной, улады своих подданных, феникса творения, то я надеюсь, что опасения моего бывшего хозяина неосновательны, потому что я уже чувствую восстановление моих

духовных сил под влиянием августейшего присутствия
его величества.

Такова была в общих чертах моя речь, стоившая мне
немалого труда, ибо мне приходилось подбирать нуж-
ные слова. Последняя часть этой речи была составлена

в принятом здесь стиле, с которым я познакомился бла-
годаря Глюмдальклич, научившей меня нескольким фра-
зам по дороге во дворец.

Королева, отнесясь весьма снисходительно к моему
недостаточному знанию языка, была поражена тем, что
нашла в таком маленьком создании столько ума и здра-
вого смысла. Она взяла меня с руку и понесла к королю,
находившемуся в тот момент в своем кабинете. Его вели-
чество, государь важный и суровый, не рассмотрев меня
хорошенько с первого взгляда, холодно спросил короле-
ву, с каких это пор она пристрастилась к сплелкам;
ибо он, по-видимому, принял меня за это животное, когда
я лежал ничком на правой руке ее величества. Но госу-
дарыня, отличавшаяся тонким умом и веселым характе-
ром, осторожно поставила меня на письменный стол и
повелела рассказать его величеству о моих приключе-
ниях, что я и сделал в немногих словах. Глюмдальклич,
стоявшая у дверей кабинета, — она ни на минуту не упус-
кала меня из виду, — получив позволение войти, под-
твердила все случившееся со мной с момента моего по-
явления в доме ее отца.

Хотя король был ученейшим человеком во всем госу-
дарстве и получил отличное философское и особенно ма-

тематическое образование, однако, рассмотрев внимательно мою внешность и видя, что я хожу прямо, он сначала принял меня за заводную фигурку с часовым механизмом, сделанную каким-нибудь изобретательным мастером (нужно заметить, что искусство строить механизмы доведено здесь до величайшего совершенства). Но когда он услышал мой голос и нашел, что речь у меня складная и разумная, то не мог скрыть своего удивления. Он не поверил ни одному слову из моего рассказа о том, как я прибыл в его королевство, и был уверен, что вся эта история выдумана Глюмдальклич и ее отцом, которые заставили меня заучить ее, чтобы выгоднее меня продать. Ввиду этого он задал мне ряд других вопросов, на которые получил разумные ответы, не содержащие никаких недостатков, кроме иностранного акцента, несовершенного знания языка и нескольких простонародных выражений, заимствованных мною в семье фермера и невазавшихся с придворным изысканным слогом.

Его величество велел пригласить трех великих ученых, отбывавших в то время недельное дежурство во дворце, согласно обычаям этого государства. Эти господа после продолжительного весьма тщательного исследования моей внешности пришли к различным заключениям относительно меня. Все трое, однако, согласились, что я не мог быть произведен на свет согласно нормальным законам природы, потому что не одарен способностью самосохранения, поскольку не обладаю ни быстротой ног, ни умением взбираться на деревья или рыть норы в земле. Обследовав мои зубы, они признали, что я животное плотоядное; но так как большинство четвероногих сильнее меня, а полевая мышь и некоторые другие отличаются гораздо большим проворством, то они не могли понять, каким образом я добываю себе пищу, разве только питаюсь улитками и разными насекомыми, каковое предположение было, однако, при помощи многих ученых аргументов, признано несостоятельным. Один из этих виртуозов склонялся к мысли, что я являюсь только эмбрионом или недоноском. Но это мнение было отвергнуто двумя другими, которые указали на то, что мои члены развиты в совершенстве и закончены и что я живу уже много лет, о чем красноречиво свидетельствует моя борода, волоски которой они отчет-

ливо видели в лупу. Они не допускали также, чтобы я был карлик, потому что мой крошечный рост был вне всякого сравнения; и, например, карлик, любимец королевы, самый маленький человек во всем государстве, был ростом в тридцать футов. После долгих дебатов они пришли к единодушному заключению, что я не что иное, как *рельплум сколькатс*, что в буквальном переводе означает *lusus naturae* (игра природы), — определение как раз в духе современной европейской философии, профессора которой, относясь с презрением к ссылке на *скрытые причины*, при помощи которых последователи Аристотеля тщетно стараются замаскировать свое невежество, изобрели это удивительное разрешение всех трудностей, свидетельствующее о необыкновенном прогрессе человеческого знания.

После этого заключительного решения я попросил позволить мне сказать несколько слов. Обратившись к королю, я уверил его величество, что прибыл из страны, населенной миллионами существ обоего пола одинакового со мной роста, где все животные, деревья, дома имеют соответственно уменьшенные размеры и где, вследствие этого, я так же способен защищаться и добывать пищу, как делает это здесь каждый подданный его величества, так что все аргументы господ ученых несостоятельны. На это они ответили мне лишь презрительной улыбкой, заявив, что фермер давал мне прекрасные уроки. Король, человек гораздо более смывленный, чем эти ученые мужи, отпустив их, послал за фермером, который, к счастью, еще не уехал из города. Расспросив фермера сперва наедине, а потом на очной ставке со мной и дочерью, его величество стал склоняться к мысли, что все рассказанное нами близко к истине. Он выразил желание, чтобы королева окружила меня особыми заботами, и изъявил согласие оставить при мне Глюмдальклич, потому что видел нашу большую привязанность друг к другу. Для девочки было отведено помещение при дворе; ей назначили гувернантку, которая должна была заботиться ее воспитанием, горничную, чтобы одевать ее, и еще двух служанок для других услуг; но попечение обо мне было возложено всецело на Глюмдальклич. Королева приказала своему придворному столяру смастерить ящик, который мог бы служить мне спальней, по образцу, одоб-

ренному мной и Глюмдальклич. Этот столяр был замечательный мастер; в три недели он соорудил по моим указаниям деревянную комнату в шестнадцать футов длины и ширины и двенадцать футов высоты, с открывающимися окнами, дверью и двумя шкафами, как обыкновенно устраиваются спальни в Лондоне. Доска, из которой был сделан потолок, поднималась и опускалась на петлях, чтобы можно было ставить в спальне кровать, изготовленную мебельщиком ее величества. Глюмдальклич каждый день выносила эту кровать на воздух, собственноручно убирала ее и вечером снова ставила ее на место, опустив надо мной потолок. Другой мастер, известный искусным изготовлением мелких безделушек, сделал для меня из какого-то особенного материала, похожего на слоновую кость, два кресла с подлокотниками и спинкой, два стола и комод для моих вещей. Все стены комнаты, а также потолок и пол были обиты войлоком для предупреждения несчастных случайностей от неосторожности носильщиков, а также для того, чтобы ослабить тряску во время езды в экипаже. Я попросил сделать в двери замок, чтобы огрادیть мою комнату от крыс и мышей. После нескольких проб слесарь сделал, наконец, самый маленький, какой когда-либо был видан здесь, но мне случилось видеть больший у ворот одного господского дома в Англии. Ключ я всегда носил в кармане, боясь, чтобы Глюмдальклич не потеряла его. Королева приказала также сделать мне костюм из самой тонкой шелковой материи, какую только можно было найти; эта материя оказалась все же толще английских

одеял, и одежда очень стесняла меня, пока я не привык к ней. Костюм был сшит по местной моде, напоминавшей частью персидскую, частью китайскую, и был очень скромн и приличен.

Королева так полюбила мое общество, что никогда не обедала без меня. На стол, за которым сидела ее величество, ставили мой столик и стул, возле ее левого локтя. Глюмдальклич стояла около меня на табурете; она присматривала и прибирала за мной. У меня был целый серебряный сервиз, состоявший из блюд, тарелок и другой посуды; по сравнению с посудой королевы он имел вид детских кукольных сервизов, которые мне случалось замечать в лондонских игрушечных лавках. Моя нянюшка носила этот сервиз в кармане в серебряном ящике; за обедом она ставила, что было нужно, на моем столе, а после обеда сама все мыла и чистила. Кроме королевы, за ее столом обедали только две ее дочери-принцессы; старшей было шестнадцать лет, а младшей тринадцать и один месяц. Ее величество имела обыкновение собственноручно класть мне на блюдо кусок говядины, который я резал сам; наблюдать за моей едой и моими крошечными порциями доставляло ей большое удовольствие. Сама же королева (несмотря на свой нежный желудок) брала в рот сразу такой кусок, который насытил бы дюжину английских фермеров, так что в течение некоторого времени я не мог без отвращения смотреть на это зрелище. Она грызла и съедала с костями крылышко рябчика, хотя оно было в девять раз больше крыла нашей индейки, и откусывала кусок хлеба величиной в две наши ковриги по двенадцати пенни. В один прием выпивала она золотой кубок вместимостью с нашу бочку. Ее столовые ножи были в два раза больше нашей косы, если ее выпрямить на рукоятке. Соответственного размера были также ложки и вилки. Я вспоминаю, что раз Глюмдальклич понесла меня в столовую показать лежавшие вместе десять или двенадцать этих огромных ножей и вилок, — мне кажется, что я никогда не видел более страшного зрелища.

Каждую среду (которая, как я уже сказал, была их воскресеньем) король, королева и их дети обыкновенно обедали все вместе в покоях короля, большим фаворитом которого я теперь сделался. На таких обедах мой стул

и стол ставили по левую руку его величества, перед одной из солонок. Государь этот с удовольствием беседовал со мной, расспрашивая о европейских нравах, религии, законах, управлении и науке, и я давал ему обо всем самый подробный отчет. Ум короля отличался большой ясностью, а суждения точностью, и он высказывал весьма мудрые заключения и наблюдения по поводу рассказанного мной. Но, признаюсь, когда я слишком распространился о моем любезном отечестве, о нашей торговле, войнах на суше и море, о религиозном расколе и политических партиях, король не выдержал, — видно было, что в нем заговорили предрассудки воспитания, — изнял меня в правую руку и, лаская левой, с громким хохотом спросил, кто же я: виг или торь? Затем, обратясь к первому министру, который стоял тут же с белым железом длиною с гротмачту английского корабля, *Царственный Монарх* заметил, как ничтожно человеческое величие, если такие крохотные насекомые, как я, могут стремиться к нему. Кроме того, сказал он, я держу пари, что у этих созданий существуют титулы и ордена; они мастерят гнездышки и норки и называют их домами и городами; они щеголяют нарядами и выездами; они любят, сражаются, ведут диспуты, плутуют, изменяют. Он продолжал в таком же тоне, и краска гнева покрыла мое лицо; я кипел от негодования, слыша этот презрительный отзыв о моем благородном отечестве, владыке искусств и оружия, биче Франции, третейском судье Европы, кладезе добродетели, набожности, чести и истины, гордости и зависти вселенной.

Но так как положение мое было не таково, чтобы злобствовать на обиды, то по зрелом обсуждении я начал сомневаться, следует ли мне считать себя обиженным. Действительно, привыкнув в течение нескольких месяцев к внешности и разговорам этих людей и увидев, что все предметы, на которые обращались мои взоры, были пропорциональны величине обитателей, я мало-помалу утратил страх, первоначально возникавший у меня при виде их огромных размеров, и мне стало казаться, будто я нахожусь в обществе разряженных в праздничные платья английских лордов и леди, с их важной поступью, поклонами и пустой болтовней, самым изысканным и учтивым образом исполнявших свои роли;

сказать правду, у меня возникло такое же сильное искушение посмеяться над ними, какое испытывал король и его вельможи, глядя на меня. И я не мог также удержаться от улыбки над самим собой, когда королева, поставив меня на свою руку, подносила к трюмо, где мы оба были видны во весь рост; ничто не могло быть смешнее этого контраста, так что у меня возникла настоящая иллюзия, будто я в несколько раз стал меньше своего действительного роста.

Никто меня так не раздражал и не оскорблял, как карлик королевы. До моего приезда во всей стране не было человека ниже его (ибо я в самом деле думаю, что ростом он был неполных тридцать футов), и потому, при виде создания, в несколько раз меньшего, чем он, карлик становился нахальным и всегда подбочивался и смотрел на меня свысока, когда проходил мимо в переднюю королевы; видя, как я стою на столе и беседую с придворными, он не пропускал случая кольнуть меня и бросить остроту насчет моего роста. Отомстить ему я мог только называя его своим братом, вызывая его на поединок, вообще бросая в ответ реплики, какие обычны в устах придворных шутов. Однажды за обедом этот злобный щенок был так задет каким-то моим замечанием, что, взобравшись на подлокотник кресла ее величества, схватил меня за талию, в то время как я спокойно сидел за своим столиком, и бросил в серебряную чашку со сливками, после чего убежал со всех ног. Я окунулся в молоко по уши, и, не будь я хороший пловец, мне пришлось бы, вероятно, очень туго, потому что Глюмдальклич в этот момент находилась на другом конце комнаты, а королева до такой степени испугалась, что у нее не достало присутствия духа помочь мне. Но вскоре на выручку прибежала моя нянюшка и вынула меня из чашки, после того как я проглотил пинты две сливок. Меня уложили в постель; к счастью, все ограничилось порчей костюма, который пришлось выбросить. Карлика больно высекли и, кроме того, заставили выпить чашку сливок, в которых по его милости я искупался. С тех пор карлик навсегда потерял расположение королевы, и спустя некоторое время она подарила его одной знатной даме, так что я его больше не видел, к моему

величайшему удовольствию, ибо трудно передать, до каких крайностей доходила злоба этого уroda.

Еще раньше он сыграл со мной одну грубую шутку, которая хотя и рассмешила королеву, но в то же время рассердила ее, так что она немедленно прогнала бы его, если бы я великодушно не заступился. Однажды за обедом ее величество взяла на тарелку мозговую кость и, вынув из нее мозг, положила обратно на блюдо. Карлик, уловив момент, когда Глюмдальклич пошла к буфету, вскочил на табурет, на котором она всегда стояла, присматривая за мной во время обеда, схватил меня обеими руками я, сжав мои ноги, всунул до пояса в пустую кость, где я и оставался некоторое время, представляя очень смешную фигуру. Прошло, вероятно, не меньше минуты, прежде чем кто-нибудь заметил эту проказу,

так как я считал для себя унижительным закричать. При дворе редко едят горячее кушанье, и только благодаря этому обстоятельству я не обжег ног, но мои чулки и панталоны оказались в самом плачевном состоянии. Карлика высекли, однако же, вследствие моего заступничества, этим и ограничились.

Королева часто смеялась над моей боязливостью и часто спрашивала, все ли мои соотечественники такие же трусы. Поводом к насмешкам королевы послужило следующее обстоятельство. Летом здесь множество мух; эти проклятые насекомые, величиной с дунстеблского жаворонка, непрерывно жужжа и летая вокруг меня, не давали мне за обедом ни минуты покоя. Иногда они садились на мое кушанье, оставляя на нем свои омерзительные экскременты или яйца; все это, отчетливо видимое мною, оставалось совершенно незаметным для туземцев, громадные глаза которых не были так зорки, как мои, по отношению к небольшим предметам. Иногда мухи садились мне на нос или на лоб и кусали до крови, распространяя отвратительный запах; причем мне нетрудно было видеть на их лапках следы того липкого вещества, которое, по словам наших натуралистов, позволяет этим насекомым свободно ползать по потолку. Мне стоило большого труда защищаться от этих гнусных насекомых, и я не мог без содрогания смотреть, как они садятся на меня. Любимой забавой карлика было набрать в кулак несколько мух, как это делают у нас школьники, и неожиданно швырнуть их мне в лицо, чтобы таким образом испугать меня и рассмешить королеву. Единственной моей защитой в этом случае был нож, которым я рассекал мух на части, вызывая своей ловкостью общее восхищение.

Помню еще, как однажды утром Глюмдальклич поставила меня в ящике на окно, что она обыкновенно делала в хорошую погоду, желая дать мне возможность подышать свежим воздухом (я никогда не соглашался, чтобы ящик вешали на гвозде за окном, как мы вешаем клетки с птицами в Англии). Я открыл одно из своих окон, сел за стол и стал завтракать куском сладкого пирога, как вдруг штук двадцать ос, привлеченных запахом, влетели в мою комнату с таким жужжанием, будто заиграло двадцать волюнок. Одни завладели моим пиро-

гом и раскрошили его на кусочки, другие летали у меня над головой, оглушая меня жужжанием и наводя неописуемый ужас своими жалами, тем не менее у меня достало храбрости вынуть из ножен тесак и атаковать их в воздухе. Четырех я убил, остальные улетели, после чего я мгновенно захлопнул окно. Эти насекомые были величиною с куропатку. Я повинымал у них жала, оказавшиеся острыми, как иголки, и достигавшие полутора дюйма в длину. Все четыре убитых осы я тщательно сохранил и потом показывал вместе с другими редкостными вещами в разных европейских государствах, а по возвращении в Англию трех я отдал в Грешэм-колледж, а четвертую оставил себе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Описание страны. Предлагаемая автором поправка географических карт. Королевский дворец и несколько слов о столице. Способ путешествия автора. Описание главного храма.

утешствия с Глюмдадьклич дали мне некоторое представление о стране, и теперь я собираюсь вкратце описать ее читателю, по крайней мере ту часть, которую я объехал и которая простиралась не более чем на две тысячи миль вокруг Лорбульгруда, столицы королевства; дело в том, что королева, сопровождая короля в его путешествиях, всегда брала

меня с собой, но не отъезжала далеко от столицы; она обыкновенно делала остановку и ожидала возвращения его величества с границ государства. Владения этого монарха простираются на шесть тысяч миль в длину и от трех до пяти тысяч миль в ширину. Отсюда я пришел к заключению, что наши европейские географы совершают большую ошибку, предполагая существование сплошного океана между Японией и Калифорнией; я был всегда того мнения, что здесь обязательно должна быть земля, служащая противовесом громадному матерiku Татарию; вследствие этого они обязаны исправить свои карты и планы, присоединив обширное пространство земли к северо-западным частям Америки, в чем я с удовольствием готов помочь им.

Описываемое королевство есть полуостров, ограниченный на северо-востоке горным хребтом высотой до тридцати миль; этот хребет совершенно непроходим из-за вулканов, венчающих его вершины. Величайшие ученые не знают, какого рода смертные населяют места по ту сторону гор и даже вообще населены ли эти места. С остальных трех сторон полуостров окружен океаном. Во всем королевстве нет ни одного морского порта; мало того, все те побережья, где реки впадают в море, почти сплошь покрыты острыми скалами, и море там так бур-

но, что никто не отваживается выйти в него даже в самой маленькой лодке. Таким образом, эти люди совершенно отрезаны от общения с остальным миром. Но их большие реки вполне судоходны и изобилуют превосходной рыбой. Туземцы редко ловят морскую рыбу, потому что все разновидности ее такой же величины, как и в Европе, и, следовательно, она для них слишком мелка. Отсюда необходимо прийти к заключению, что природа, произведя растения и животных столь огромных размеров, ограничила их распространение только этим континентом, и я предоставляю философам выяснить причины этого явления. Впрочем, иногда туземцы ловят китов, когда последних прибывает к скалам, и простой народ охотно употребляет китовое мясо в пищу. Я видел там таких китов, что человек едва мог нести одного на плечах. Иногда, как диловинку, их привозят в корзинах в Лорбрульгруд. Мне привелось видеть кита на блюде за королевским столом; кушанье это считается редкостью, но я не заметил, чтобы оно по нравилось королю; мне кажется даже, что он чувствовал отвращение к этой громаде, хотя в Гренландии я встречал китов еще больших размеров.

Страна эта плотно населена, в ней пятьдесят один город, около ста крепостей, обнесенных стенами, и большое число деревень. Чтобы удовлетворить любопытство читателей, достаточно будет описать Лорбрульгруд. Город расположен по обоим берегам пересекающей его реки. В нем свыше восьмидесяти тысяч домов и шестисот тысяч жителей. Он тянется в длину на три *глонглонга* (что составляет около пятидесяти четырех английских миль), а в ширину — на два с половиной *глонглонга*. Я лично произвел эти измерения на карте, составленной по приказанию короля и нарочно для меня разложенной на земле, где она занимала пространство в сто футов. Разувшись, я прошел несколько раз по диаметру и окружности карты, сосчитал число моих шагов и без труда определил по масштабу точное протяжение города.

Королевский дворец не единое здание, а скученная масса построек, занимающих семь миль в окружности; главные помещения обычно высотой двести сорок футов и соответствующей длины и ширины. Для меня и Глюм-

дальклич была предоставлена карета, в которой она вместе с гувернанткой часто ездила осматривать город или делать покупки. В этих прогулках я всегда принимал участие, сидя в своем ящике; но по моему желанию девочка вынимала меня оттуда и держала на руке, чтобы я мог удобнее рассматривать дома и людей, когда мы проезжали по улицам. Мне кажется, что наша карета была не меньше Вестминстерского аббатства, но не такая высокая; впрочем, я не могу поручиться за точность моих сравнений. Однажды гувернантка приказала кучеру остановиться возле лавок; воспользовавшись этим случаем, по сторонам кареты столпились нищие, и тут для моего непривычного европейского глаза открылось самое ужасное зрелище. Среди них была женщина, пораженная раком; ее грудь была чудовищно вздута, и на ней зияли раны такой величины, что в две или три из них я легко мог забраться и скрыться там целиком. У другого нищего висел зоб величиной в пять тюков шерсти; третий стоял на деревянных ногах вышиною в двадцать футов каждая. Но омерзительнее всего были вши, ползавшие по их одежде. Простым глазом я различал лапы этих паразитов гораздо лучше, чем мы видим в микроскоп лапы европейских вшей; так же ясно я видел их рыла, которыми они копались, как свиньи. В первый раз в жизни я встречал подобных насекомых и с большим интересом анатомировал бы одно из них — несмотря на то, что отвратительный их вид возбуждал у меня тошноту, — если бы у меня были хирургические инструменты (которые, к несчастью, остались на корабле).

Кроме большого ящика, в котором меня обыкновенно носили, королева заказала специально для поездок другой, поменьше, около двенадцати футов в длину и ширину и около десяти футов в высоту, так как первый был слишком велик для колен Глюмдальклич и загромаждал карету. Этот второй ящик был сделан по моим указаниям тем же самым мастером; он был совершенно квадратный и в трех его стенках было проделано по окну; каждое окно было защищено снаружи железной проволокой, для ограждения от всяких случайностей во время далеких путешествий. К четвертой, глухой стороне были прикреплены две прочные пряжки, в которые

человек, бравший меня с собой, когда у меня являлось желание ехать на лошади, просовывал кожаный ремень и застегивал его у себя на поясе. Обязанность эта всегда поручалась какому-нибудь верному и опытному слуге, на которого я вполне мог положиться, сопровождал ли и короля и королеву в их путешествиях, хотелось ли мне посмотреть сады или сделать визит придворной даме или министру в те моменты, когда Глюмдальклич чувствовала себя нездоровой: ибо я скоро познакомился с самыми высокими сановниками, которые стали оказывать мне величайшее почтение, хотя, вероятно, не столько вследствие моих личных достоинств, сколько потому, что я был в милости у их величеств. Если во время путешествия меня утомляла езда в карете, то слуга, ехавший верхом, пристегнув к себе мой ящик, ставил его на подушку перед собой. Таким образом, я мог из окон осматривать окрестности с трех сторон. В ящике у меня была походная постель, гамак, подвешенный к потолку, два стула и стол, крепко привинченные к полу, чтобы они не могли падать и опрокидываться во время движения лошади или кареты. Мне, как человеку, давно привыкшему к морю, эти движения, хотя по временам они были очень резкими, не причиняли большого беспокойства.

Каждый раз, когда у меня возникало желание посмотреть город, я входил в свой дорожный кабинет, Глюмдальклич садилась в открытый портшез, ставила ящик себе на колени, и нас, согласно обычаю этой страны, несли четыре человека в сопровождении двух камерлакеев королевы. Народ, наслышавшись обо мне, всегда толпился вокруг портшеза, и тогда девочка приказывала носильщикам остановиться и ставила меня на руку, чтобы любопытным было удобнее меня рассматривать.

Мне очень хотелось посетить главный храм и особенно возвышавшуюся над ним башню, которая считалась самой высокой в королевстве. И вот однажды моя нянюшка подняла меня туда. Однако я, признаться, разочаровался в своих ожиданиях, так как высота башни была не более трех тысяч футов, считая от основания до вершины; следовательно, если принять во внимание разницу в росте европейца и туземца, башня эта не представляла собой ничего достойного удивления, ибо (если память не изменяет мне) она далеко не достигала

высоты колокольни в Сольсбери*, в соответствующей пропорции. Но, не желая уничтожать нацию, которой я так много обязан, — и всю свою жизнь буду утверждать это, — должен сказать, что небольшая высота башни сторицей возмещена ее красотой и прочностью. Стены, толщиной почти в сто футов, построены из тесаных камней, каждый из которых равняется почти сорока квадратным футам, и украшены со всех сторон статуями богов и императоров, больше натурального роста, высеченными из мрамора и поставленными в нишах. Я измерил сломанный мизинец от одной статуи, который валялся в куче мусора, и нашел, что длина его равняется четырем футам и одному дюйму. Глюмдальклич завернула этот обломок в платок и принесла домой в кармане, она присоединила его к другим безделушкам, которые очень любила, как и все дети ее возраста.

Королевская кухня — поистине благородная сводчатая постройка вышиною около шестисот футов. Главная печь в ширину на десять шагов меньше, чем купол собора св. Павла, который я нарочно измерил по возвращении в Англию. Но, я думаю, мне с трудом поверили бы, если бы я стал описывать рашперы, чудовищные горшки и котлы, туши, поджариваемые на вертеле, или другие подробности; по крайней мере строгие критики способны были бы подумать, что я немного преувеличиваю, подобно всем путешественникам. С другой стороны, желая избежать этого упрека, я боюсь впасть и в другую крайность; и если этот трактат будет переведен на бробдинггеский язык (Бробдинггес — название этого королевства) и опубликован там, то мне не хотелось бы, чтобы король и его подданные имели основание жаловаться на обиду, которую я причинил им, дав ложное и преуменьшенное представление об их стране.

Его величество редко держит в своих конюшнях более шестисот лошадей. Ростом они от пятидесяти четырех до шестидесяти футов. Во время торжественных выездов короля сопровождает гвардия в количестве пятисот всадников, что представляет зрелище, блистательнее которого, казалось мне, ничего не может быть, пока я не увидел его армии в боевом порядке, о чем буду иметь случай рассказать потом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Различные приключения автора. Казнь преступника. Автор показывает свое искусство в мореплавании.

изнь моя была бы довольно счастливой в этой стране, если бы маленький рост не подвергал меня многим смешным и досадным случайностям; о некоторых из них я расскажу читателям. Глюмдальклич часто выносила меня в меньшем ящике в дворцовый сад и иногда вынимала оттуда и держала на руке или спускала на землю прогуляться. Я вспоминаю, как

однажды, еще в то время, когда карлик жил при дворе, он пошел в сад следом за нами. Моя нянюшка спустила меня на землю по соседству с карликовыми яблонями, где остановился также и он. Я не мог удержаться от соблазна блеснуть своим остроумием и сделал глупый намек на то, что и среди деревьев бывают карлики, подобно ему (тамошний язык выражал это так же хорошо, как и наш). В отместку злой шут, уловив момент, когда я проходил под одной из яблонь, встряхнул ее прямо над моей головой, и с дюжину яблок, величиной с бристоольский бочонок каждое, посыпалось вокруг меня, причем одно из них ударило меня по спине в тот момент, когда я нагнулся, сшибло меня с ног, и я плашмя растянулся на земле, но не ушибся, и по моей просьбе карлик был прощен, тем более, что я сам вызвал его на шалость.

В другой раз Глюмдальклич, оставив меня одного на зеленой лужайке, отлучилась куда-то со своей гувернанткой. Тем временем внезапно разразился такой страшный град, что я немедленно был повален им на землю; и когда я упал, градины стали преобладающе стегать меня по всему телу, точно теннисные мячи. Кое-как на четвереньках мне удалось доползти до грядки с тмином, и я улегся на краю ее, уткнувшись лицом в землю, но я был так исколочен, что пролежал в постели десять

дней. В этом нет ничего удивительного, потому что природа соблюдает здесь точное соответствие во всех своих явлениях, и каждая градина почти в тысячу восемьсот раз больше, чем у нас в Европе; я могу утверждать это на основании опыта, потому что из любопытства взвешивал тамошние градины и измерял их.

В том же саду со мной случилось другое, более опасное, приключение. Однажды моя нянюшка, оставив меня в надежном, по ее предположению, месте (о чем я часто просил ее, чтобы иметь возможность на свободе предаться своим размышлениям) и не взяв с собой моего ящика, чтобы не утруждать себя переноской его, ушла в другую часть сада с гувернанткой и другими знакомыми дамами. Когда она удалилась на такое расстояние, что не могла услышать моего голоса, небольшой белый сеттер, принадлежавший одному из садовников, забравшись случайно в сад, пробежал недалеко от места, где я лежал. Почувяв меня, собака устремилась

ко мне, схватила меня в пасть, принесла к хозяину и осторожно положила меня подле него на землю, иляя хвостом. По счастливой случайности она была так хорошо выдрессирована, что принесла меня в зубах, не только не повредив моего тела, но даже не порвав платья. Бедный садовник, хорошо знавший меня и питавший ко мне большую симпатию, страшно перепугался. Он осторожно поднял меня обеими руками и спросил, как я себя чувствую; но я был так ошеломлен, что у меня захватило дыхание, и я не мог выговорить ни слова. Спустя несколько минут я пришел в себя, и садовник отнес меня здоровым и невредимым к моей нянюшке, которая в это время возвратилась на место, где она оставила меня, и, не найдя меня, а также не получая ответа на зов, была в смертельном испуге. Она сильно побранила садовника за собаку. Но мы решили скрыть это; она — из боязни гнева королевы, а я, говоря правду, из нежелания разглашать при дворе историю, в которой играл не очень завидную роль.

После этого случая Глюмдальклич твердо решила ни на минуту не выпускать меня из виду, когда мы выходили из дому. Я давно боялся такого решения и потому скрывал от нее некоторые незначительные приключения, случавшиеся со мной в ее отсутствие. Однажды коршун, паривший над садом, ринулся на меня, и если бы я не вытащил храбро тесак и, обороняясь им, не убежал под густой кустарник, он наверное унес бы меня в своих когтях. В другой раз, взобравшись на вершину холмика рыхлой земли, я провалился по шею в нору, вырытую кротом; чтобы объяснить, почему у меня испорчено платье, я выдумал какую-то небылицу, которую не стоит повторять. Точно так же, гуляя раз в одиночестве и вспоминая свою бедную Англию, я споткнулся о раковину улитки и сломал себе голень правой ноги.

Не могу определить, удовольствие или унижение испытывал я во время этих одиноких прогулок, когда даже самые маленькие птицы не выказывали никакого страха в моем присутствии; на расстоянии ярда от меня они прыгали и отыскивали червяков и букашек с таким равнодушием и спокойствием, точно вблизи никого не было. Помню, раз дрозд настолько обнаглел, что клювом выхватил у меня из рук кусок пирога, который Глюмдальклитч дала мне на завтрак. Когда я пытался поймать какую-нибудь птицу, она смело поворачивалась ко мне и норовила клюнуть в пальцы, затем, как ни в чем не бывало, продолжала охотиться за червяками или улитками. Но однажды я взял толстую дубинку и так ловко запустил ею изо всей силы в коноплянку, что она повалилась замертво; тогда, схватив ее за шею обеими руками, я с торжеством побежал с ней к нянюшке. Между тем птица, которая была только оглушена, оправилась и начала наносить мне крыльями такие удары по голове и туловищу (хотя я держал ее вытянув руки и она не могла достать меня клювом), что раз двадцать я едва не выпустил ее. Но на выручку подошел слуга, который свернул птице шею. На следующий день, по приказанию королевы, мне подали эту коноплянку на обед. Насколько могу припомнить, она показалась мне более крупной, чем наш лебедь.

Однажды молодой джентльмен, племянник гувернантки моей нянюшки, пригласил дам посмотреть смертную казнь. Приговоренный был убийца близкого друга этого джентльмена. Глюмдальклитч от природы была очень сострадательна, и ее едва убедили принять участие в компании; что касается меня, то хотя я питал отвращение к такого рода зрелищам, но любопытства ради решил посмотреть нечто такое, что, по моим предположениям, должно было быть необыкновенным. Преступника привязали к стулу на специально воздвигнутом эшафоте; он был обезглавлен ударом меча длиной в сорок футов. Кровь брызнула из вен и артерий такой обильной и высокой струей, что с ней не мог бы сравниться большой версальский фонтан, и голова, падая на помост эшафота, так стукнула, что я привскочил, несмотря на то, что находился на расстоянии по крайней мере английской полумили от места казни.

Королева, часто слышавшая мои рассказы о морских путешествиях и пользовавшаяся каждым удобным случаем, чтобы доставить мне развлечение, когда видела меня в печальном настроении, спросила однажды, умею ли я обращаться с парусом или с веслами и не будет ли полезно для моего здоровья позаниматься немногим греблей. Я отвечал, что то и другое я умею в совершенстве, потому что хотя по профессии своей я хирург или корабельный врач, но часто в критические моменты мне приходилось исполнять обязанности простого матроса. Но я не видел, каким образом желание королевы можно исполнить в этой стране, ведь здесь самая маленькая лодка по своим размерам равнялась нашему первоклассному военному кораблю; с другой стороны, судно, которым я был бы в силах управлять, не выдержало бы напора воды ни одной здешней реки. Тогда ее величество сказала, что ее столяр сделает лодку, если я буду руководить его работой, и что она прикажет устроить бассейн для катанья в этой лодке. Столяр, весьма искусный мастер, в десять дней соорудил, по моим указаниям, игрушечную лодку со всеми снастями, которая могла свободно выдержать восемь европейцев. Когда лодка была окончена, королева пришла в такой восторг, что тотчас же понесла показать ее королю. Последний приказал пустить лодку для испытания в лохань с водой, но по недостатку места я не мог действовать там веслами. Однако королева еще раньше составила другой проект. Она приказала столяру сделать деревянное корыто в триста футов длины, пятьдесят ширины и восемь глубины. Это корыто, хорошо просмоленное для предохранения от течи, было поставлено на полу у стены одной из комнат дворца. На дне его находился кран для спуска воды, когда она начинала застаиваться, и двое

слуг легко могли в полчаса снова наполнить его водой. В этом корыте я часто занимался греблей как для собственного развлечения, так и для того, чтобы доставить удовольствие королеве и ее фрейлинам, которых очень забавляло мое искусство и ловкость. Иногда я ставил парус, и тогда моя работа ограничивалась управлением им, дамы же производили ветер своими веерами; если же они уставали, то на мой парус дули паж, между тем как я с настоящим искусством моряка держал лодку то на штирборте, то на бакборте. После катанья Глюмдальклич уносила лодку в свою комнату и вешала на гвоздь для просушки.

Однажды во время этих упражнений случилось происшествие, которое едва не стоило мне жизни. Когда паж опустил лодку в корыто, гувернантка Глюмдальклич любезно подняла меня, чтобы посадить в лодку. Но я проскользнул у нее между пальцами и непременно упал бы на помост с высоты сорока футов, если бы, по счастливой случайности, меня не задержала большая булавка в корсаже этой любезной дамы. Головка булавки прошла между рубашкой и поясом моих штанов, и таким образом я повис в воздухе, пока Глюмдальклич не прибежала ко мне на помощь.

В другой раз слуга, на обязанности которого лежало наполнять мое корыто каждые три дня свежей водой, по небрежности не доглядел, как вылил из ведра вместе с водой громадную лягушку. Когда меня сажали в лодку, лягушка притаилась; но, едва увидев место, где можно было сесть, она вскарабкалась в лодку и так сильно накренила ее на одну сторону, что я должен был налечь всею тяжестью тела на противоположный борт, чтобы не дать лодке опрокинуться. Очутившись в лодке, лягушка стала прыгать взад и вперед над моей головой, обдавая мое лицо и платье своей вонючей слизью. Она была такая огромная и нескладная, что показалась мне самым безобразным животным, какое можно себе представить. Тем не менее я просил Глюмдальклич предоставить мне самому разделаться с ней. После нескольких ударов веслом я, наконец, заставил ее выскочить из лодки.

Но величайшую опасность, какой только я подвергался в этом королевстве, представляла для меня обезья-

на, принадлежавшая одному поваренку. Уйдя куда-то по делу или в гости, Глюмдалклич заперла меня в своей комнате. Погода стояла жаркая, и потому окно комнаты было открыто, точно так же как окна и дверь моего большого ящика, в котором я любил проводить время, так как он был обширен и удобен. Сидя спокойно за столом и предаваясь размышлениям, я вдруг услышал, что кто-то забрался через окно в комнату Глюмдалклич и стал прыгать по ней из конца в конец. Несмотря на сильный испуг, я все же рискнул, не трогаясь с места, взглянуть, что там происходит. Я увидел обезьяну: она резвилась и скакала взад и вперед, пока не наткнулась на мой ящик, который стала рассматривать с большим любопытством и удовольствием, заглядывая во все окна и в дверь. Я забился в дальний угол своей комнаты, то есть ящика, но взор обезьяны, исследовавший его содержимое, привел меня в такой ужас, что я

потерял способность соображать и не догадался спрятаться под кроватью, хотя легко мог это сделать. Между тем обезьяна, с гримасами и дикими звуками осматривавшая мою комнату, в конце концов обнаружила меня. Тогда, просунув в дверь лапу, как кошка, играющая с мышью, обезьяна, — хотя я часто перебегал с места на место, чтобы ускользнуть от нее, — изловчилась, схватила меня за полу кафтана (сшитого из местного шелка, очень толстого и прочного) и вытащила наружу. Она взяла меня в верхнюю правую лапу и стала держать так, как кормилица держит ребенка, которому собирается дать грудь; у нас в Европе я сам наблюдал это, обезьяны берут таким образом котят. Когда я попытался сопротивляться, она так сильно сжала меня, что я счел более благоразумным покориться. По всей вероятности, она приняла меня за детеныша своей породы, потому что часто нежно гладила меня по лицу свободной лапой. Шум отворяемой двери прервал эти нежности; обезьяна мгновенно бросилась в окно, через которое она проникла в комнату, а оттуда на трех лапах, держа меня в четвертой, полезла по водосточным трубам на крышу соседней постройки. Я услышал крик Глюмдалклич в ту минуту, когда обезьяна уносила меня. Бедная девочка едва не помешалась; во дворце все были подняты на ноги, слуги побежали за лестницами; сотни людей видели со двора, как обезьяна уседалась на самом коньке крыши; одной лапой она держала меня, как ребенка, а другой набивала мой рот разными яствами, которые вынимала из защечных мешков, и угощала тумками, когда я отказывался от этой пищи. Стоявшая внизу челядь покатывалась со смеху, глядя на эту картину; и мне кажется, что людей этих нельзя строго осуждать, так как зрелище, бесспорно, было очень забавно для всех, кроме меня. Некоторые стали швырять камнями, надеясь прогнать таким образом обезьяну с крыши, но дворцовая полиция строго запретила это, так как иначе мне, вероятно, размозжили бы голову.

Наконец приставили лестницы, и по ним поднялось несколько человек; увидя себя окруженной и сообразив, что на трех лапах ей не удрать, обезьяна бросила меня на крышу и дала тягу. Я лежал на высоте пятисот

ирдов от земли, ожидая каждую минуту, что меня сдует ветром или что вследствие головокружения я сам скачусь вниз; но тут один brave парень, слуга моей нянюшки, взобрался на крышу, положил меня в карман своих штанов и благополучно спустился вниз.

Я почти задышался от дряни, которой обезьяна набил мой рот; но милая нянюшка извлекла ее оттуда небольшой иголкой, после чего меня стошнило, и я почувствовал большое облегчение. Однако я так ослабел и так был помят объятиями этого мерзкого животного, что пятнадцать дней пролежал в постели. Король, королева и все придворные каждый день осведомлялись о моем здоровье, и ее величество несколько раз навещала меня во время болезни. Обезьяну убили, и был отдан приказ не держать во дворце подобных животных.

Когда по выздоровлении я явился к королю благодарить его за оказанные мне милости, его величество много смеялся над моим приключением и спрашивал, какие мысли приходили мне в голову, когда я был в лапах обезьяны, как мне понравилось ее кушанье и ее способ угощения, подействовал ли свежий воздух на мой желудок. Его величеству угодно было также знать, что я стал бы делать при подобной оказии у себя на родине. Я отвечал его величеству, что в Европе нет обезьян, кроме тех, которых как диковинки привозят из чужих стран и которые так малы, что я бы справился с целой дюжиной их, если бы они осмелились напасть на меня. Что же касается чудовища, с которым мне недавно пришлось иметь дело (обезьяна в самом деле величиной была со слона), то, не отними у меня страх способности владеть тесаком (произнося эти слова, я стал в воинственную позу и схватился за рукоятку своего тесака), я, может быть, нанес бы этому страшили-

щу, когда оно просунуло лапу в мою комнату, такую рану, что оно радо было бы как можно скорее убраться от меня. Все это я сказал твердым тоном, как человек, ревниво заботящийся о том, чтобы не возникло никаких сомнений насчет его храбрости. И все же речь моя вызвала лишь громкий смех придворных, который, несмотря на все их почтение к его величеству, они не в силах были сдержать. Это навело меня на грустные размышления о тщете попыток добиться к себе уважения со стороны людей, находящихся в положении, совершенно несравнимом с нашим. Однако мораль моего поведения очень часто бывала для меня ясна по возвращении моем в Англию, где какой-нибудь ничтожный и презренный плут, не имея за собой ни благородства происхождения, ни личных заслуг, ни ума, ни здравого смысла, осмеливается иногда напускать на себя важный вид и ставить себя на одну ногу с величайшими людьми в государстве.

Каждый день я давал при дворе повод для веселого смеха; и Глюмдальклич, несмотря на свою нежную привязанность ко мне, со свойственным ей юмором расска-

зывала королеве о моих выходах, когда считала, что они способны будут позабавить ее величество. Однажды девочке нездоровилось, и гувернантка взяла ее на загородную прогулку, миль за тридцать от дворца, подышать чистым воздухом. Карета остановилась у тропинки, пересекавшей поле; Глюмдальклич поставила мой дорожный ящик на землю, и я отправился прогуляться. На моем пути лежала куча коровьего помета. Я решил показать свою ловкость и попробовал перескочить через эту кучу. Я разбежался, но, к несчастью, сделал слишком короткий прыжок и оказался в самой середине кучи, по колени в помете. Не мало труда стоило мне

выбраться оттуда, после чего один из лакеев тщательно вытер своим носовым платком мое перепачканное платье, а Глюмдальклич больше не выпускала меня из ящика до возвращения домой. Королева немедленно была извещена об этом приключении, а лакеи разнесли его по всему дворцу, так что в течение нескольких дней я был предметом общих насмешек.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Различные выдумки автора для развлечения короля и королевы. Он показывает свои музыкальные таланты. Король интересуется государственным строем Англии, который автор излагает ему. Замечания короля по этому поводу.

быкновенно раз или два в неделю я присутствовал при утреннем туалете короля, при этом мне часто доводилось видеть, как его бреет цирюльник, который сначала наводил на меня ужас, и не удивительно, так как его бритва была почти в два раза длиннее нашей косы. Следуя обычаям страны, его величество брился только два раза в неделю.

Однажды я попросил у цирюльника дать мне мыльную пену и вытащил оттуда около сорока или пятидесяти самых толстых волос. Затем, раздобыв тоненькую щепочку, я обстрогал ее в виде спинки гребешка и просверлил в ней на равных расстояниях, с помощью самой тонкой иголки, какую можно было достать у Глюмдалклич, ряд отверстий. В отверстия я вставил волоски, оброзав и оскоблив их на концах моим перочинным ножом так искусно, что получился довольно сносный гребень. Эта принадлежность туалета оказалась очень своевременной, потому что на моем гребне зубцы пообломались, а здесь не было такого искусного мастера, который мог бы сделать мне новый.

Это навело меня на мысль устроить одно развлечение, которому я посвятил много часов своего досуга. Я попросил камеристку королевы сохранять для меня вычески волос ее величества. Через некоторое время у меня набралось их довольно много. Тогда, посоветовавшись со своим приятелем столяром, получившим приказание исполнять все мои маленькие заказы, я поручил ему сделать под моим наблюдением два стула такой величины, как те, что стояли у меня в спальне, и просверлить в них тонким шилом отверстия вокруг тех частей, которые бы-

ли предназначены для сиденья и спинки. В эти отверстия я впледел самые крепкие волосы, какие мне удалось набрать, как это делается в плетеных английских стульях. Окончив работу, я подарил стулья королеве, которая поставила их в своем будуаре, показывая всем как редкость; они действительно вызывали удивление всех, кто видел их. Королева очень желала, чтобы я сел на один из этих стульев, но я наотрез отказался исполнить ее требование, заявив, что я лучше соглашусь претерпеть тысячу смертей, чем помещу низменную часть моего тела на драгоценные волосы, украшавшие когда-то голову ее величества. Из этих волос я сделал также небольшой изящный кошелек (я всегда отличался склонностью мастерить разные вещицы) длиной около пяти футов, с вензелем ее величества, вытканым золотыми буквами; с согласия королевы, я подарил его Глюмдальклич. Но, говоря правду, этот кошелек годился скорее напоказ, чем для практического употребления, потому что он не мог выдержать тяжести больших монет; поэтому она клала туда только безделушки, которые так нравятся девочкам.

Король любил музыку, и при дворе часто давались концерты, на которые иногда приносили и меня и помещали в ящике на столе; однако звуки инструментов были так оглушительны, что я с трудом различал мотив. Я уверен, что все барабанщики и трубачи английской королевской армии, заиграв разом над вашим ухом, не произвели бы такого эффекта. Во время концерта я старался устраиваться подальше от исполнителей, закрывал в ящике окна, двери, задерживал гардины и портьеры; только при этих условиях я находил их музыку не лишенной приятности.

В молодости я немного научился играть на шпинете *. В комнате Глюмдальклич стоял такой же инструмент; два раза в неделю к ней приходил учитель давать уроки. Я называю этот инструмент шпинетом по его некоторому сходству с последним и, главное, потому, что играют на нем точно так же, как и на шпинете. Мне пришла в голову мысль развлечь короля и королеву исполнением английских мелодий на этом инструменте. Но предприятие это оказалось необыкновенно трудным, так как инструмент имел в длину до шестидесяти футов

и каждая его клавиша была шириной в фут, так что, вытянув обе руки, я не мог захватить больше пяти клавиш, причем для нажатия клавиши требовался основательный удар кулаком по ней, что стоило бы мне большого труда и дало бы ничтожные результаты. Придуманый мной выход был таков: я приготовил две круглые палки величиной в обыкновенную дубинку; один конец у них был толще другого; я обтянул толстые концы мышиной кожей, чтобы при ударах по клавишам не испортить их и не осложнять игру посторонними звуками. Перед шпинетом была поставлена скамья на четыре фута ниже клавиатуры, куда подняли меня. Я бегал по этой скамье взад и вперед, со всей доступной для меня быстротой, ударяя палками по нужным клавишам, и таким образом ухитрился сыграть жигу, к величайшему удовольствию их величеств. Но это было самое изнурительное физическое упражнение, какое мне случалось когда-либо проделывать; и все же я ударял не более чем по шестнадцати клавишам и не мог, следовательно, играть на басах и на дискантах одновременно, как делают другие артисты, что, разумеется, сильно вредило моему исполнению.

Король, который, как я уже заметил, был монарх весьма тонкого ума, часто приказывал приносить меня в ящике к нему в кабинет и ставить на письменном столе. Затем он предлагал мне взять из ящика стул и сажал меня на расстоянии трех ярдов от себя на комод, почти на уровне своего лица. В таком положении мне часто случалось беседовать с ним. Однажды я осмелился заметить его величеству, что презрение, выражаемое им к Европе и всему остальному миру, не согласуется с высокими качествами его благородного ума; что умственные способности не возрастают пропорционально размерам тела, а, напротив, в нашей стране наблюдается, что самые высокие люди обыкновенно в наименьшей степени наделены ими; что среди бессловесных тварей пчелы и муравьи считаются более изобретательными, искусными и смысленными, чем многие крупные породы, и что каким бы ничтожным я ни казался в глазах короля, все же я надеюсь, что рано или поздно мне представится случай оказать его величеству какую-нибудь важную услугу. Король слушал меня внимательно и после этих

бесед стал гораздо лучшего мнения обо мне, чем прежде. Он просил меня сообщить ему возможно более точные сведения об английском правительстве, ибо, как бы ни были государи привязаны к обычаям своей страны (такое заключение о других монархах он сделал на основании прежних бесед со мной), во всяком случае он был бы рад услышать что-нибудь, что заслуживало бы подражания.

Сам вообрази, любезный читатель, как страстно желал я обладать в те минуты красноречием Демосфена или Цицерона *, которое дало бы мне возможность прославить дорогое мое отечество в стиле, равняющемся его достоинствам и его величию.

Я начал свою речь с сообщения его величеству, что наше государство состоит из двух островов, образующих три могущественных королевства под властью одного монарха; к ним нужно еще прибавить наши колонии в Америке. Я долго и подробно рассказывал о плодородии нашей почвы и умеренности нашего климата. Потом я также подробно рассказал об устройстве нашего парламента, в состав которого входит славный корпус, называемый палатой пэров, лиц самого знатного происхождения, владеющих древнейшими и обширнейшими вотчинами. Я описал ту необыкновенную заботливость, с какой всегда относились к их воспитанию в искусствах и военном деле, чтобы подготовить их к положению советников короля и королевства, способных принимать участие в законодательстве; быть членами верховного суда, решения которого не подлежат обжалованию; благодаря своей храбрости, отменному поведению и преданности эти люди всегда готовы первыми выступить на защиту монарха и отечества. Я сказал, что эти люди являются украшением и оплотом королевства, достойными наследниками своих знаменитых предков, почести которых были наградой за их доблесть, неизменно наследуемую потомками до настоящего времени; что в состав этого высокого собрания входит некоторое количество духовных особ, носящих сан епископов, специальной обязанностью которых является забота о религии и наблюдение за теми, кто учит ее истинам народ; что эти духовные особы отыскиваются и избираются королем и его мудрейшими советниками из среды духовенства всей нации, как наи-

более отличившиеся святостью своей жизни и глубиной своей учености; что они действительно являются духовными отцами духовенства и всего народа.

Другую часть парламента, продолжал я, образует собрание, называемое палатой общин, членами которой являются знатнейшие дворяне, свободно избираемые из числа этого сословия самим народом, за их великие способности и любовь к своей стране, представлять мудрость всей нации. Таким образом, обе эти палаты являются самым величественным собранием в Европе, коему, вместе с королем, поручено все законодательство.

Затем я перешел к описанию судебных палат, руководимых судьями, этими почтенными мудрецами и толкователями законов, для разрешения тяжб, наказания

порока и ограждения невинности. Я упомянул о бережливом управлении нашими финансами и о храбрых подвигах нашей армии как на суше, так и на море. Я назвал число нашего населения, подсчитав, сколько миллионов может быть у нас в каждой религиозной секте и в каждой политической партии. Я не умолчал также

об играх и увеселениях англичан и вообще ни о какой подробности, если она могла, по моему мнению, служить к возвеличению моего отечества. И я закончил все кратким историческим обзором событий в Англии за последние сто лет.

Этот разговор продолжался в течение пяти аудиенций, из которых каждая заняла несколько часов. Король слушал меня очень внимательно, часто записывая то, что я говорил, и те вопросы, которые он собирался задать мне.

Когда я окончил свое длинное повествование, его величество, на шестой аудиенции, справясь со своими заметками, высказал целый ряд сомнений, недоумений и возражений по поводу каждого из моих утверждений. Он спросил: какие методы применяются для телесного и духовного развития знатного юношества и в какого рода занятиях проводит оно обыкновенно первую и наиболее восприимчивую часть своей жизни? Какой порядок исполнения этого собрания в случае угасания какого-нибудь знатного рода? Какие качества требуются от тех, кто вновь возводится в звание лорда; не случается ли иногда, что эти назначения бывают обусловлены прихотью монарха, деньгами, предложенными придворной даме или первому министру, или желанием усилить партию, противную общественным интересам? Насколько основательно эти лорды знают законы своей страны и позволяет ли им это знание решать в качестве высшей инстанции дела своих сограждан? Действительно ли эти лорды всегда так чужды корыстолюбия и других недостатков, что на них не может подействовать подкуп, лесть и тому подобное? Действительно ли духовные лорды, о которых я говорил, возводятся в этот сан только благодаря их глубокому знанию религиозных доктрин и благодаря их святой жизни? Неужели во времена, когда они являлись простыми священниками, они не были подвержены никаким слабостям? Неужели нет среди них растленных капелланов какого-нибудь вельможи, мнениям которого они продолжают раболепно следовать и после того, как получили доступ в это собрание?

Затем король пожелал узнать, какая система практикуется при выборах тех депутатов, которых я назвал

членами палаты общин; разве не случается, что чужой человек, с туго набитым кошельком, оказывает давление на избирателей, склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина в округе? Почему эти люди так страстно стремятся попасть в упомянутое собрание, если пребывание в нем, по моим словам, сопряжено с большим беспокойством и издержками, приводящими часто к разорению семьи, и не оплачивается ни жалованьем, ни пенсией? Такая жертва требует от человека столько добродетели и гражданственности, что его величество выразил сомнение относительно искренности подобного служения обществу. И он желал узнать, нет ли у этих ревнителей каких-нибудь видов вознаградить себя за понесенные ими тяготы и беспокойство путем пожертвования общественного блага намерениям слабого и порочного монарха вкупе с его развращенными министрами. Он задал мне еще множество вопросов и выпытывал все подробности, касающиеся этой темы, высказав целый ряд критических замечаний и возражений, которые я считаю неудобным и неблагоприятным повторять здесь.

По поводу моего описания наших судебных палат его величеству было угодно получить разъяснения относительно нескольких пунктов. И я мог наилучшим образом удовлетворить его желание, так как когда-то был почти разорен продолжительным процессом в верховном суде, несмотря на то, что процесс был мной выигран с присуждением судебных издержек. Король спросил: сколько нужно времени для судебного решения и с какими расходами сопряжено ведение процесса? Могут ли адвокаты и стряпчие выступать в судах ходатаями по делам заведомо несправедливым, явно нарушая чужие права? Оказывает ли какое-нибудь давление на чашу весов правосудия принадлежность к религиозным сектам и политическим партиям? Получили ли упомянутые мной адвокаты широкое юридическое образование или же они знакомы только с местными, провинциальными и национальными обычаями? Принимают ли какое-нибудь участие эти адвокаты, а равно и судьи в составлении тех законов, толкование и комментирование которых предоставлено их усмотрению? Не случалось ли когда-нибудь, чтобы одни и те же лица защищали такое дело, про-

тив которого в другое время они возражали, ссылаясь на прецеденты для доказательства противоположных мнений? Богатую или бедную корпорацию составляют эти люди? Получают ли они за свои советы и ведение тяжбы денежное вознаграждение? В частности, допускаются ли они в качестве членов в нижнюю палату?

Затем король обратился к нашим финансам. Ему казалось, что мне изменила память, когда я называл цифру доходов и расходов, так как я определил первые в пять или шесть миллионов в год, между тем как расходы, по моим словам, превышают иногда означенную цифру больше чем вдвое. Заметки, сделанные королем по этому поводу, были особенно тщательны, потому что, по его словам, он надеялся извлечь для себя пользу из знакомства с ведением наших финансов и не мог ошибиться в своих выкладках. Но если мои цифры были правильны, то король недоумевал, каким образом государство может расточать свое состояние, как частный человек. Он спрашивал, кто наши кредиторы и где мы находим деньги для платежа долгов. Он был поражен, слушая мои рассказы о столь обременительных и затяжных войнах, и вывел заключение, что или мы — народ сварливый, или же окружены дурными соседями, и что наши генералы, наверное, богаче королей. Он спрашивал, что за дела могут быть у нас за пределами наших островов, кроме торговли, дипломатических сношений и защиты берегов с помощью нашего флота. Особенно поразило короля то обстоятельство, что нам, свободному народу, необходима наемная регулярная армия в мирное время. Но если у нас наличествует самоуправление, осуществляемое выбранными нами депутатами, то, недоумевал король, кого же нам бояться и с кем воевать? И он спросил меня: разве не лучше может быть защищен дом каждого из граждан его хозяином с детьми и домочадцами, чем полдюжиной случайно завербованных на улице за небольшое жалованье мошенников, которые могут получить в сто раз больше, перерезав горло охраняемым ими лицам?

Король смеялся над моей странной арифметикой (как угодно было ему выразиться), по которой я определил численность народонаселения в Англии, сложив количество последователей существующих у нас религиозных

сект и политических партий. Он не понимал, почему тот, кто исповедует мнения, пагубные для общества, должен изменить их и не имеет права держать их при себе. И если требование перемены убеждений является правительственной тиранией, то дозволение открыто исповедовать пагубные мнения служит выражением слабости; в самом деле, можно не запрещать человеку держать яд в своем доме, но нельзя позволять ему продавать этот яд как лекарство.

Король обратил внимание, что в числе развлечений, которым предается наша знать и наше дворянство, я назвал азартные игры. Ему хотелось знать, в каком возрасте начинают играть и до каких лет практикуется это занятие; сколько времени отнимает оно; не приводит ли иногда увлечение им к потере состояния; не случается ли, кроме того, что порочные и низкие люди, изучив все тонкости этого искусства, игрой наживают большие богатства и держат подчас в зависимости от себя людей весьма знатных и что в то же время последние, находясь постоянно в презренной компании, отвлекаются от развития своих умственных способностей и бывают вынуждены благодаря своим проигрышам изучать искусство лозкого мошенничества и применять его на практике.

Мой краткий исторический очерк Англии за последнее столетие поверг короля в крайнее изумление. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут, убийств, избиений, революций и высылки, являющихся худшим результатом жадности, фракционности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, зависти, сластолюбия, злобы и честолюбия.

В следующей аудиенции его величество взял на себя труд вкратце резюмировать все, о чем я говорил; он сравнил свои вопросы с моими ответами; потом, взяв меня в руки и тихо лаская, обратился ко мне со следующими словами, которых я никогда не забуду, как не забуду и самый тон, какими они были сказаны.

«Мой маленький друг Грильдриг, вы произнесли удивительнейший панегирик вашему отечеству; вы ясно доказали, что невежество, леность и порок являются главными качествами, приличествующими законодателю; что законы лучше всего объясняются, истолковываются и при-

меняются на практике теми, кто более всего заинтересован и способен извращать, запутывать и обходить их. В ваших учреждениях я усматриваю некоторые черты, которые в своей основе, может быть, и терпимы, но они наполовину истреблены, а в остальной своей части совершенно замараны и осквернены. Из сказанного вами не видно, чтобы для занятия у вас высокого общественного положения требовалось обладание какими-нибудь достоинствами; еще менее видно, чтобы люди награждались высокими званиями на основании их добродетелей, чтобы духовенство получало повышение за свое благочестие или ученость, военные — за свою храбрость и благородное поведение, судьи — за свою неподкупность, сенаторы — за любовь к отечеству и государственные советники — за свою мудрость. Что касается вас самого, — продолжал король, — проводшего большую часть жизни в путешествиях, то я расположен думать, что до сих пор вам удалось избегнуть многих пороков вашей страны. Но вывод, сделанный мною на основании вашего рассказа, а также ответы, которых мне с таким трудом удалось добиться от вас, не могут не привести меня к заключению, что большинство ваших соотечественников есть выводок маленьких отвратительных пресмыкающихся, самых пагубных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Любовь автора к отечеству. Он делает выгодное предложение королю, но король отвергает это предложение. Невежество короля в делах политики. Несовершенство и ограниченность знаний этого народа. Законы, военное дело и партии в государстве.

ишь моя крайняя любовь к истине помешала мне утаить эту часть моей истории. Напрасно было выказывать свое негодование, потому что, кроме смеха, оно ничего не могло возбудить; и мне пришлось спокойно и терпеливо выслушивать этот оскорбительный отзыв о моем благородном и любимом отечестве. Я искренне сожалел, что на мою долю

выпала такая роль, как сожалел бы, вероятно, любой из моих читателей; но монарх этот был так любознателен и с такой жадностью стремился выведать малейшие подробности нашей жизни, что ни моя благодарность, ни благовоспитанность не позволили отказать ему в посильном удовлетворении его любопытства. Однако же, да будет разрешено мне заметить в мое оправдание, я очень искусно обошел многие вопросы короля и каждому пункту придал гораздо более благоприятное освещение, чем то было совместимо с требованиями строгой истины. Таким образом, в свой рассказ я всегда вносил похвальное пристрастие к своему отечеству, которое Дионисий Галикарнасский * столь справедливо рекомендует всем историкам; мне хотелось скрыть слабости и уродливые явления в жизни моей родины и выставить в самом благоприятном свете ее красоту и добродетель. Таково было мое чистосердечное старание во время моих многочисленных бесед с этим могущественным монархом, к сожалению, однако, не увенчавшееся успехом.

Но нельзя быть слишком требовательным к королю, который совершенно отрезан от остального мира и вследствие этого находится в полном неведении относительно

нравов и обычаев других народов. Такое неведение всегда порождает известную узость мысли и множество предвзятых рассудков, которых мы, подобно другим просвещенным европейцам, совершенно чужды. И, разумеется, было бы нелепо предлагать в качестве образца для всего человечества понятия добродетели и порока, принадлежащие столь отдаленному монарху.

Для подтверждения сказанного, а также, чтобы показать прискорбные последствия ограниченного образования, упомяну здесь о происшествии, которое покажется невероятным. В надежде снискать еще большее благоволение короля я рассказал ему об изобретении три или четыре столетия тому назад некоего черного порошка, обладающего свойством мгновенно воспламеняться в каком угодно огромном количестве от малейшей искры и разлетаться в воздухе, производя при этом шум и сотрясение, подобные грому. Я сказал, что определенное количество этого порошка, забитого в полую медную или железную трубу, выбрасывает, смотря по величине трубы, железный или свинцовый шар с такой силой и быстротой, что ничто не может устоять против его удара; что наиболее крупные из пущенных таким образом шаров не только уничтожают целые шеренги солдат, но разрушают до основания самые крепкие стены, пускают ко дну громадные корабли с тысячами людей, а скованные цепью вместе рассекают мачты и снасти, крошат на куски сотни человеческих тел и сеют кругом опустошение; что часто мы начинаем этим порошком большие полые железные шары и особыми орудиями пускаем их в осажденные города, где они взрывают мостовые, разносят на куски дома, зажигают их, разбрасывая во все стороны осколки, которые проламывают череп каждому, кто случится вблизи; что мне в совершенстве известны составные части этого порошка, которые стоят недорого и встречаются повсюду; что я знаю, как их нужно смешивать, и могу научить мастеров изготавливать металлические трубы, согласуя их калибр с остальными предметами в королевстве его величества, причем самые большие не должны превышать ста футов в длину, и что, наконец, двадцать или тридцать таких труб, заряженных соответствующим количеством пороха и соответствующими ядрами, в несколько часов разрушат крепостные стены самого боль-

шого города в его владениях и обратят в развалины всю столицу, если бы население ее восстало и осмелилось оказать сопротивление его власти. Я скромно предложил его величеству эту маленькую услугу в знак благодарности за многие его милости и покровительство.

Выслушав описание этих разрушительных орудий и мое предложение, король пришел в ужас. Он был поражен, как может такое бессильное и ничтожное насекомое, каким был я (это его собственное выражение), не только питать столь бесчеловечные мысли, но и до того свыкнуться с ними, что совершенно равнодушно рисовать сцены кровопролития и опустошения, как самые обыкновенные действия этих разрушительных машин, изобретателем которых, сказал он, был, должно быть, какой-то злобный гений, враг рода человеческого. Он заявил, что хотя ничто не доставляет ему такого удовольствия, как открытия в области искусства и природы, тем не менее он скорее согласится потерять половину своего королевства, чем быть посвященным в тайну подобного изобретения, и советует мне, если я дорожу своей жизнью, никогда больше не упоминать о нем.

Странное действие узких принципов и ограниченного кругозора! Этот монарх, обладающий всеми качествами, обеспечивающими любовь, почтение и уважение, одаренный большими способностями, пронизательным умом, глубокой ученостью и удивительными талантами, почти обожаемый подданными, — вследствие чрезмерной, ненужной щепетильности, совершенно непонятной нам, европейцам, упустил из рук средство, которое сделало бы его властелином жизни, свободы и имущества своего народа. Говоря так, я не имею ни малейшего намерения умалить какую-нибудь из многочисленных добродетелей этого превосходного короля, хотя я отлично сознаю, что мой рассказ сильно уронит его во мнении читателя англичанина; но я утверждаю, что подобный недостаток является следствием невежества этого народа, у которого политика до сих пор не возведена на степень науки, какую сделали ее более утонченные умы Европы. Я очень хорошо помню, как однажды в разговоре с королем сообщил ему, что у нас написаны тысячи книг об искусстве управления, однако это вызвало у него (в противоположность моим ожиданиям) самое нелестное мнение о наших ум-

ственных способностях. Он заявил, что ненавидит и презирает всякую тайну, изощренность и интригу как у государей, так и у министров. Он не мог понять, что я разумею под словами государственная тайна, если дело не касается неприятеля или враждебной нации. Все искусство управления он ограничивает самыми тесными рамками и требует для него только здравого смысла, разумности, справедливости, кротости, быстрого решения уголовных и гражданских дел и еще нескольких очевидных для каждого качеств, которые не стоят того, чтобы на них останавливаться. По его мнению, всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политики, взятые вместе.

Знания этого народа очень недостаточны; они ограничиваются моралью, историей, поэзией и математикой, но в этих областях, нужно отдать справедливость, им достигнуто большое совершенство. Что касается математики, то она имеет здесь чисто прикладной характер и направлена на улучшение земледелия и всякого рода механизмов, так что у нас она получила бы невысокую оценку. А относительно идей, сущностей, абстракций и трансценденталий* мне так и не удалось внедрить в их головы ни малейшего представления.

В этой стране не дозволяется формулировать закон при помощи количества слов, превышающего число букв алфавита, а в нем их насчитывают всего двадцать две; но лишь очень немногие законы выражены даже таким количеством слов. Все они состоят из самых ясных и простых терминов, и эти люди не отличаются такой изворотливостью ума, чтобы открыть в законе несколько смыслов; писать комментарий к какому-либо закону считается большим преступлением. Что касается гражданского и уголовного судопроизводства, то прецедентов в этих областях у них так мало, что они не могут похвастаться особым искусством по этой части.

Искусство книгопечатания у них, как и у китайцев, существует с незапамятных времен. Но библиотеки их не очень велики. Так, например, королевская, считающаяся самой значительной, включает в себе не более тысячи томов, помещающихся в галерее длиною в сто двадцать

футов, откуда мне было дозволено брать любую книгу. Столяр королевы смастерил в одной из комнат Глюмдальклич деревянный станок вышиною в двадцать пять футов, по форме похожий на стоячую лестницу, каждая ступенька которой имела пятьдесят футов длины. Она составляла подвижный ряд ярусов, и нижний конец помещался на расстоянии десяти футов от стены комнаты. Книга, которую я желал читать, приставлялась к стене; я взбирался на самую верхнюю ступень лестницы и начинал чтение с верху страницы, передвигаясь вдоль нее слева направо на расстояние восьми или десяти шагов, смотря по длине строки, до тех пор, пока строки не опускались ниже уровня моих глаз; тогда я спускался на следующую ступень, пока постепенно не доходил до конца страницы; после чего поднимался снова и прочитывал таким же образом другую страницу; листы книги я переворачивал обеими руками, что было не трудно делать, так как каждый из них по толщине и плотности не превосходил нашего картона и в книге самого большого формата имел длину всего от восемнадцати до двадцати футов.

Их слог отличается ясностью, мужественностью и гладкостью, без малейшей цветистости; ибо более всего они стараются избегать нагромождения ненужных слов и разнообразия выражений. Я прочитал здесь много книг, особенно исторического и нравственного содержания. Между прочим, мне доставил большое удовольствие маленький старинный трактат, который всегда лежал в спальне Глюмдальклич и принадлежал ее гувернантке, почтенной пожилой даме, много читавшей на моральные и религиозные темы. Книга повествует о слабости человеческого рода и не пользуется большим успехом, исключая женщин и простого народа. Однако мне было любопытно узнать, что мог сказать местный писатель на подобную тему. Он повторяет обычные рассуждения европейских моралистов, показывая, каким слабым, презренным и беспомощным животным является по своей природе человек; как он неспособен защищаться от климатических условий и ярости диких животных; как эти животные превосходят его одни своей силой, другие быстротой, третьи предусмотрительностью, четвертые трудолюбием. Он доказывает, что в последние упадочные столе-

тия природа вырождается и может производить только каких-то недоносков сравнительно с людьми, которые жили в древние времена. По его мнению, есть большое основание думать, что не только человеческая порода была первоначально крупнее, но что в прежние времена существовали также великаны, о чем свидетельствуют история и предания и что подтверждается огромными костями и черепами, которые случайно откапывают в различных частях королевства и которые по своим размерам значительно превосходят кости нынешних измельчавших людей. Он утверждает, что сами законы природы непременно требуют, чтобы вначале мы были крупнее ростом и сильнее, менее подвержены гибели от незначительной случайности: упавшей с крыши черепицы, камня, брошенного рукой мальчика, ручейка, в котором мы тонем. Из этих рассуждений автор извлекает несколько нравственных правил, полезных для повседневной жизни, которые незачем здесь повторять. Прочитав эту книгу, я невольно задумался над вопросом, почему у людей так распространена страсть произносить поучения на нравственные темы, а также досадовать и сетовать на свои слабости, обнирающие при борьбе со стихиями. Мне кажется, тщательное исследование вопроса может доказать всю необоснованность подобных жалоб как у нас, так и у этого народа.

Что касается военного дела, то туземцы гордятся численностью королевской армии, которая состоит из ста семидесяти шести тысяч пехоты и тридцати двух тысяч кавалерии, если можно назвать армией корпус, составленный в городе из купцов, а в деревне из фермеров, под командой больших вельмож или мелкого дворянства, не получающих ни жалованья, ни другого вознаграждения. Но армия эта достаточно хорошо делает свои упражнения и отличается прекрасной дисциплиной, что, впрочем, не удивительно, ибо как может быть иначе там, где каждый фермер находится под командой своего помещика, а каждый горожанин под командой уважаемых лиц в городе, и где эти начальники избираются баллотировкой, как в Венеции.

Мне часто приходилось видеть военные упражнения столичной милиции на большом поле в двадцать квадратных миль, расположенном недалеко от города. Хотя

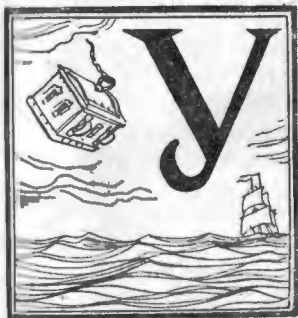

собрано было не более двадцати пяти тысяч пехоты и шести тысяч кавалерии, но я ни за что не мог бы сосчитать их, такое громадное пространство занимала армия. Каждый кавалерист, сидя на лошади, представлял собой колонну вышиною около ста футов. Я видел, как весь этот кавалерийский корпус по команде разом обнажал сабли и размахивал ими в воздухе. Никакое воображение не может придумать ничего более грандиозного и поразительного! Казалось, будто десять тысяч молний разом вспыхивали со всех сторон небесного свода.

Мне было любопытно узнать, каким образом этот государь, владения которого нигде не граничат с другим государством, пришел к мысли организовать армию и обучить свой народ военной дисциплине. Вот что я узнал по этому поводу как из рассказов, так и из чтения исторических сочинений. В течение нескольких столетий эта страна страдала общею болезнью человеческого рода: дворянство часто боролось за власть, народ — за свободу, а король — за абсолютное господство. Силы эти, хотя и благополучно умеряемые законами королевства, по временам выходили из равновесия и не раз затевали гражданскую войну. Последняя из таких войн счастливо окончилась при деде ныне царствующего монарха и привела все партии к соглашению и взаимным уступкам. Тогда с общего согласия была сформирована милиция, которая всегда готова предотвратить новую смуту.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Король и королева предпринимают путешествие к границам государства. Автор сопровождает их. Подробный рассказ о том, каким образом автор оставляет страну. Он возвращается в Англию.

меня всегда было предчувствие, что рано или поздно я возвращу себе свободу, хотя я не мог ни предугадать, каким способом, ни придумать никакого проекта, который имел бы малейшие шансы на успех. Корабль, на котором я прибыл сюда, был первый, показавшийся у этих берегов, и король отдал строжайшее повеление, на случай, если по-

явится другой такой же корабль, притащить его к берегу и доставить со всем экипажем на повозке в Лорбрульгруд. Король возымел сильное желание подыскать мне женщину одинакового роста, от которой у меня могли бы быть дети. Однако, мне кажется, я скорее согласился бы умереть, чем принять на себя позор оставить потомство, которое содержалось бы в клетках, как прирученные канарейки, и стало бы, может быть, предметом купли и продажи, как диковинка, для развлечения знатных лиц. Правда, обращение со мной было самое любезное; я был любимцем могущественного короля и королевы, предметом внимания всего двора; но самая манера обхождения со мной оскорбляла мое человеческое достоинство. Я никогда не мог забыть оставленную на родине семью. Я чувствовал потребность находиться среди людей, с которыми я мог бы обращаться, как равный с равным, и ходить по улицам и полям, не опасаясь быть растоптанным, подобно лягушке или щенку. Мое освобождение произошло раньше, чем я ожидал, и не совсем обыкновенным образом. Я добросовестно расскажу все обстоятельства этого удивительного происшествия.

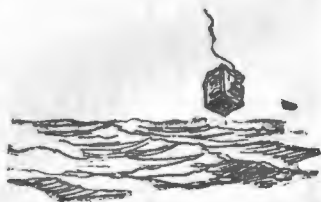
Уже два года я находился в этой стране. В начале

третьего мы с Глюмдальклич сопровождали короля и королеву в их путешествии к южному побережью королевства. Меня, по обыкновению, возили в дорожном ящике, который, как я уже описывал, был очень удобной комнатой шириною в двенадцать футов. В этой комнате я велел прикрепить шелковыми веревками к четырем углам потолка гамак, который ослаблял силу толчков, когда слуга, сидя верхом на лошади, держал меня перед собой согласно изъявляемому мной иногда желанию. Часто в пути я засыпал в этом гамаке. В крыше моего ящика, прямо над гамаком, было устроено столбярное отверстие, величиною в квадратный фут, для доступа свежего воздуха в жаркую погоду; лежа в гамаке, я мог по желанию открывать и закрывать это отверстие при помощи доски, двигавшейся в пазах.

Когда мы достигли цели нашего путешествия, король решил провести несколько дней во дворце, подле Флен-

фласника, города, расположенного в восемнадцати английских милях от морского берега. Глюмдальклич и я были сильно утомлены; и схватил небольшой на-морк, а бедная девочка так сильно заболела, что вынуждена была оставаться в своей комнате. Я сгорал желанием видеть океан — единственное место, откуда можно было бежать, если этому суждено когда-нибудь осуществиться. Я притворился совсем больным и просил отпустить меня подышать свежим морским воздухом с пажом, которого очень любил и которому меня доверяли уже несколько раз. Никогда не забуду, с какой неохотой Глюмдальклич согласилась на эту прогулку и сколько наставлений дала она пажу заботливо беречь меня; она была вся в слезах, как будто предчувствуя, что должно было произойти со мной. Мальчик нес меня в ящике около получаса по направлению к скалистому морскому берегу. Здесь я велел ему поставить ящик и, открыв одно из окон, с тоской смотрел на воды океана. Я чувствовал себя нехорошо и сказал пажу, что хочу вздремнуть в гамаке, надеясь, что сон принесет мне облегчение. Я лег, и паж плотно закрыл окно, чтобы предохранить меня от простуды. Я скоро заснул, и все мои предположения сводятся к тому, что паж, думая, что во время сна со мной не может случиться ничего опасного, направился к скалам искать птичьих гнезда; ибо и раньше мне случалось наблюдать из моего окна, как он находил эти гнезда в расщелинах скал и доставал оттуда яйца. Как бы то ни было, но я внезапно проснулся от резкого толчка, точно кто-то с силой дернул за кольцо, прикрепленное в крышке моего ящика, чтобы удобнее было носить его. Я чувствовал, как мой ящик под-

нялся высоко в воздух и затем понесся со страшной скоростью. При первом толчке я чуть не вылетел из гамака, но потом движение стало более плавным. Я несколько раз принимался кричать во всю глотку, но крик мой был бесполезен. Я смотрел в окна и видел только облака и небо. Над головой я слышал шум, похожий на всплески крыльев, и мало-помалу начал сознавать опасность своего положения: должно быть, орел, захватив клювом кольцо моего ящика, понес его с намерением бросить и разбить о скалу, как черепаху в панцире, и затем вытащить из-под обломков мое тело и пожрать его; смывленность и чутье этой птицы таковы, что она способна выследить добычу на большом расстоянии, хотя бы эта добыча была укрыта лучше, чем я, огражденный досками толщиной в два дюйма.

Спустя некоторое время я заметил, что шум усилился, а взмахи крыльев участились и что мой ящик закачался из стороны в сторону, подобно вывеске в ветреную погоду. Я услышал несколько ударов или тумачков, нанесенных, по моему предположению, орлу (ибо я был уверен, что именно орел держал в клюве кольцо моего ящика), затем вдруг я почувствовал, что падаю отвесно вниз около минуты, но с такой невероятной быстротой, что у меня захватило дух. Затем я услышал страшный всплеск, который отдался в моих ушах сильнее, чем шум Ниагарского водопада. На минуту я очутился во мраке, мой ящик начал подниматься, и в верхнюю часть окон я увидел свет. Тогда я понял, что упал в море. Благодаря тяжести моего тела, а также различным вещам и железным пластинам, которыми ящик был скреплен для прочности по всем четырем углам, он погрузился в воду на пять футов. Я предполагал и предполагаю теперь, что на орла, летевшего с ящиком, напали два или три соперника, надеясь отнять у него часть добычи, и что во время битвы орел выпустил меня из клюва, будучи не в силах защищаться. Железные пластины, скреплявшие дно ящика (самые тяжелые из всех), помогли ему сохранить во время падения равновесие и не дали разбиться о поверхность воды. Все скрепы были тесно пригнаны; двери отворялись не на петлях, а поднимались и опускались, как задвижки; словом, моя комната была закрыта так плотно, что воды туда проникло

очень немного. С трудом выйдя из гамака, я отважился отодвинуть в крышке упомянутую выше доску, чтобы выпустить свежего воздуха, от недостатка которого я почти вадыхался.

Как часто возникало у меня тогда желание быть с моей милой Глюмдальклич, от которой в течение одного только часа так отделило меня это неожиданное происшествие! По совести говорю, что среди собственных несчастий я не мог удержаться от слез при мысли о моей бедной нянюшке, о горе, которое причинит ей эта потеря, о немилости к ней королевы и о крушении ее надежд. Вряд ли многим путешественникам выпадало на долю такое трудное и отчаянное положение, в каком находился я в это время, ежеминутно ожидая, что мой ящик разобьется или, во всяком случае, будет опрокинут первым же порывом ветра и первой же волной. Стоило только разбиться хотя бы одному оконному стеклу, и мне грозила бы неминуемая смерть; между тем эти стекла были защищены только железными решетками, поставленными снаружи в ограждение от дорожных случайностей. Заметив, что вода начинает просачиваться сквозь щели, хотя они были весьма незначительны, я как мог законопатил их. Я был не в силах поднять крышу моего ящика, что непременно сделал бы и взобрался бы наверх; там я мог по крайней мере продлить жизнь еще на несколько часов, чем сидя взаперти в этом, если можно так сказать, трюме. Но если бы даже мне удалось избежать опасности в продолжение одного или двух дней, то затем чего я мог ожидать, кроме смерти от голода и холода? В таком состоянии я пробыл около четырех часов, каждую минуту ожидая и даже желая гибели.

Я уже говорил читателю, что к глухой стороне моего

ящика были приделаны две прочные пряжки, в которые слуга, возивший меня на лошади, продевал кожаный ремень и пристегивал его к своему поясу. Положение мое было неутешительное, как вдруг я услышал, или мне только почудилось, что по этой стороне ящика что-то царапается; скоро после этого мне показалось, что ящик тащат или буксируют по морю, так как по временам я чувствовал как бы дерганье, от которого волны подымались до самых верхушек моих окон, и я погружался в темноту. Это поселило у меня слабую надежду на освобождение, хотя я не мог понять, откуда могла прийти помощь. Я решился отвинтить один из стульев, прикрепленных к полу, и с большими усилиями снова привинтил его под подвижной доской, которую незадолго перед тем отодвинул. Взобравшись на этот стул и приблизившись насколько это было возможно к отверстию, я стал громко звать на помощь на всех известных мне языках. Потом я привязал платок к палке, бывшей всегда со мной, и, просунув ее в отверстие, стал махать платком с целью привлечь внимание лодки или корабля, если бы таковые находились поблизости, и дать знать матросам, что в ящике заключен несчастный смертный.

Но все это, казалось, не приводило ни к каким результатам; однако же я ясно ощущал, что моя комната все подвигается вперед. Спустя час или более та стенка ящика, где находились пряжки, толкнулась о что-то твердое. Я испугался, не скала ли это, и ощутил, что ящик качается больше, чем прежде. Я ясно слышал над крышей моей комнаты шум, словно был брошен канат, затем он заскрипел, как если бы его продевали в кольцо. После этого я почувствовал, что в несколько приемов меня подняли фута на три выше. Я снова выставил палку с платком и начал призывать на помощь до тех пор, пока не охрип. В ответ я слышал громкие восклицания, повторившиеся три раза и приведшие меня в неописуемый восторг, понятный только тому, кто сам испытал его. Затем я слышал топот ног над моей головой, и кто-то громко закричал мне в отверстие по-английски: «Если есть кто-нибудь здесь, пусть говорит, я слушаю». Я отвечал, что я англичанин, вовлеченный злою судьбою в величайшие бедствия, какие постигали когда-

нибудь разумное существо, и заклинал всем, что может тронуть сердце, освободить меня из моей темницы. На это голос сказал, что я в безопасности, так как мой ящик привязан к кораблю, и немедленно явится плотник, который пропилит в крыше отверстие, достаточно широкое, чтобы вытащить меня. Я отвечал, что в этом нет надобности и даром будет потрачено много времени; гораздо же проще приказать какому-нибудь матросу просунуть палец в кольцо ящика, вынуть его из воды и поставить в каюте капитана. Услыша мои нелепые слова, некоторые матросы подумали, что имеют дело с сумасшедшим, другие смеялись. И в самом деле, я совершенно упустил из виду, что нахожусь теперь среди людей одинакового со мной роста и силы. Явился плотник и в несколько минут пропилил дыру в четыре квадратных фута, затем спустил небольшую лестницу, по которой я, совершенно ослабевший, выбрался наверх, после чего был взят на корабль.

Изумленные матросы задавали мне тысячи вопросов, на которые я был несклонен отвечать. Равным образом, я был приведен в замешательство при виде стольких пигмеев, потому что такими казались эти люди моим глазам, привыкшим долгое время смотреть только на предметы чудовищной величины. Капитан, мистер Томас Вилькоккс, достойный и почтенный шропширец, заметив, что я готов упасть в обморок, отвел меня в свою каюту, дал укрепляющего лекарства и, советуя мне немного отдохнуть, заставил лечь в свою постель, что действительно было мне крайне необходимо. Прежде чем заснуть, я сообщил капитану, что в моем ящике находится ценная мебель, которую было бы жаль потерять; что там есть прекрасный гамак, походная постель, два стула, стол и комод, что комната вся увешана или, лучше сказать, обита шелком и бумажными тканями и что если капитан прикажет какому-нибудь матросу принести в каюту ящик, то я открою его и покажу ему все свои богатства. Услышав этот вздор, капитан подумал, что я в бреду, однако (я полагаю, чтобы успокоить меня) обещал распорядиться исполнить мое желание. Затем он вышел на палубу и велел нескольким матросам спуститься в мой ящик, откуда они вытащили (как я узнал потом) все мои вещи и содрали обивку, причем студья,

комод и постель, привинченные к полу, были сильно испорчены, так как матросы по неведению стали вырывать их оттуда. Они сняли некоторые доски для корабельных нужд и, взяв все, что обратило на себя их внимание, бросили остов ящика в море; получив теперь много повреждений в полу и стенках, он быстро наполнился водой и пошел ко дну. Я был очень доволен, что мне не пришлось присутствовать при этом разрушении, так как уверен, что такое зрелище очень расстроило бы меня, приведя мне на память пережитое, которое я старался поскорее забыть.

Я спал несколько часов, но мой сон постоянно прерывался виденьями только что покинутых мной мест и опасностей, которых мне удалось избежать. Все же, проснувшись, я почувствовал, что силы мои восстановились. Было около восьми часов вечера, и капитан, полагавший, что я долго уже голодаю, приказал немедленно подать ужин. Он гостеприимно угощал меня, однако сказал мне, что глаза мои безумны, а речь несвязна. Когда мы остались одни, он попросил меня рассказать о моих приключениях и сообщить, какая случайность бросила меня в этой чудовищной деревянной коробке на волю ветра и волн. Он сказал, что около полудня заметил ее в зрительную трубу и сначала подумал, что это парус. Так как курс его проходил недалеко, то он решил подъехать к этому паруснику в надежде купить немного сухарей, в которых у него был недостаток. Подойдя ближе и убедившись в своей ошибке, он послал шлюпку узнать, в чем дело. Матросы в испуге воротились назад, клятвою уверяя, что видели плавучий дом. Посмеявшись над их глупостью, капитан сам спустился в шлюпку, приказав матросам взять с собой прочные канаты. Так как море было спокойно, то он несколько раз объехал вокруг ящика и заметил в нем окна с железными решетками. Затем он обнаружил две скобы на одной стороне, которая была сплошь из досок, без отверстий для пропуска света. Капитан приказал подплыть к этой стороне и, привязав канат к одной скобе, велел матросам тянуть мой ящик на буксире к кораблю. Когда его притащили, капитан приказал привязать другой канат к кольцу, прикрепленному на крыше, и на блоках поднять ящик; но, несмотря на участие всей

команды, меня удалось поднять только на два или на три фута. Капитан сказал, что матросы видели мою палку с платком, просунутую в дыру, и решили, что в ящике заключен какой-то несчастный. Я спросил капитана, не видел ли он или кто-нибудь из экипажа громадных птиц на небе, перед тем как меня заметили с корабля. На это он ответил, что, пока я спал, он обсуждал событие с матросами и один из матросов сообщил, что видел трех орлов, летевших по направлению к северу, но они не показались ему больше обыкновенных; последнее обстоятельство, я полагаю, объясняется большой высотой, на которой летели птицы; капитан же не догадался, почему я задаю такой вопрос. Затем я спросил его, далеко ли мы находимся от земли. На это он ответил, что, по самым точным вычислениям, мы находимся от берега на расстоянии не менее ста лиг. Я сказал капитану, что он больше чем наполовину ошибается, так как я упал в море спустя каких-нибудь два часа после того, как покинул страну, в которой жил. После моего замечания капитан снова стал думать, что голова моя не в порядке, на что он намекнул мне и посоветовал отправиться спать в каюту, которую он приготовил для меня. Я уверил капитана, что благодаря его любезному приему и прекрасному обществу я совершенно восстановил свои силы и что никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо, как теперь. Тогда он принял серьезный вид и, извинившись, что будет говорить со мной откровенно, спросил меня, не повредился ли мой рассудок оттого, что на моей совести лежит тяжкое преступление, в наказание за которое, по повелению какого-нибудь государя, я был посажен в этот сундук, — ведь существует же в некоторых странах обычай сажать больших преступников без пищи в дырявые суда и пускать эти суда в море; хотя он очень бранит себя за то, что принял на корабль такого преступника, все же он дает слово доставить меня в целости в первый порт. Он добавил, что подозрения его еще более укрепились, когда он слышал те нелепые речи, с которыми я обратился сначала к матросам, а потом и к нему, по поводу моей комнаты или сундука и когда заметил мои беспокойные взгляды и странное поведение за ужином.

Я попросил капитана терпеливо выслушать рассказ

о моих приключениях, которые я добросовестно изложил, начиная с той минуты, когда покинул Англию, и до того момента, когда он меня нашел. И так как истина всегда находит доступ в рассудительный ум, то этот достойный и почтенный джентльмен, обладавший известной образованностью и большим здравым смыслом, скоро убедился в моей искренности и правдивости. Однако, желая еще более подтвердить все сказанное мною, я попросил капитана приказать принести мой комод, ключ от которого был у меня в кармане (ибо он уже сообщил мне, каким образом матросы распорядились с моей комнатой). Я открыл комод в присутствии капитана и показал ему небольшую коллекцию редкостей, собранных мною в стране, которую мне суждено было покинуть таким странным образом. Здесь был гребень, который я смастерил из волос королевской бороды, и другой, сделанный из тех же волос, но вместо дерева на его спинку я употребил обрезок ногтя с большого пальца его величества. Затем я показал целую серию иголок и булавок длиною от фута до полуярда, четыре осиных жала, несколько волос королевы, золотое кольцо, которое королева однажды любезно подарила мне, сняв его с мизинца и повесив мне на шею, как ожерелье. Я просил капитана принять кольцо в благодарность за оказанные им мне услуги, но он наотрез отказался. Я показал ему также мозоль, которую собственными руками срезал с пальца на ноге одной фрейлины; эта мозоль, величиною с кентское яблоко, была так тверда, что по возвращении в Англию я вырезал из нее кубок и оправил в серебро. Наконец я просил его рассмотреть штаны из мышинной кожи, которые были в тот момент на мне.

Я едва убедил капитана принять от меня в подарок зуб одного слуги, заметив, что он с большим любопытством рассматривает этот зуб, видимо очень поразивший его воображение. Капитан принял подарок с благодарностью, какой не заслуживала подобная безделушка. Зуб этот по ошибке был выдернут неопытным хирургом у одного из лакеев Глюмдальклич, страдавшего зубной болью, но оказался здоровым. Вычистив этот зуб, я спрятал его как диковину себе в комод. Он был длиною в фут и четыре дюйма в диаметре.

Капитан остался очень доволен моим безыскусствен-

ным рассказом и выразил надежду, что по прибытии в Англию я изложу его на бумаге и, сделав достоянием публики, окажу услугу всему свету. На это я ответил, что, по моему мнению, Англия с избытком снабжена книгами путешествий; что в настоящее время нет события, которое показалось бы нашему читателю необычно-

венным; а это заставляет меня подозревать, что многие авторы менее заботятся об истине, чем об удовлетворении своего тщеславия и своей корысти и стараются только развлечь невежественных читателей; что моя история будет повествовать о самых обыкновенных событиях и читатель не найдет в ней красочных описаний диковинных растений, деревьев, птиц и животных или описания варварских обычаев и идолопоклонства дикарей, которыми так изобилуют книги путешественников. Во всяком случае я поблагодарил капитана за его доброе мнение и обещал подумать о его совете.

Капитан очень удивлялся, почему я так громко го-

ворю, и спросил меня, не были ли туги на ухо король или королева той страны, где я жил. На это я ответил, что говорю громко вследствие привычки, приобретенной за последние два года, и что меня, в свою очередь, удивляют голоса капитана и всего экипажа, которые мне кажутся шепотом, но которые, впрочем, ясно различает мое ухо. Чтобы разговаривать с моими великанами, необходимо было кричать так, как кричат на улице человеку, стоящему на вершине колокольни; не повышая голоса можно было говорить только в тех случаях, когда меня ставили на стол или брали на руку. Я сообщил ему также и другое свое наблюдение: по моем прибытии на корабль, когда вокруг собрались все матросы, они показались мне ничтожно малыми существами, какие только я когда-либо видел. И в самом деле, с тех пор как судьба забросила меня во владения этого короля, мои глаза до того привыкли к предметам чудовищной величины, что я не мог смотреть на себя в зеркало, так как сравнение порождало во мне очень неприятные мысли о собственном ничтожестве. Тогда капитан сказал, что, наблюдая меня во время ужина, он заметил, что я с большим удивлением рассматриваю каждый предмет и часто делаю над собой усилие, чтобы не рассмеяться; он не знал, чем объяснить такую странность, и приписывал ее расстройству моего рассудка. Я ответил, что его наблюдения совершенно правильны, но мог ли я держать себя иначе при виде блюда величиною в три пенса, свиного окорока, который можно было съесть в один прием, при виде чашки, напоминавшей скорлупу ореха, — и я описал ему путем таких же сравнений всю обстановку и все припасы. И хотя королева снабдила меня всем необходимым во время моего пребывания на ее службе, тем не менее мои представления всегда были в соответствии с тем, что я видел кругом, причем я так же закрывал глаза на свои ничтожные размеры, как люди закрывают их на свои недостатки. Капитан отлично понял мою насмешку и весело ответил мне старой английской поговоркой, что у меня глаза больше желудка, так как он не заметил у меня большого аппетита, несмотря на то, что я постился в течение целого дня. И, продолжая смеяться, заявил, что заплатил бы сто фунтов за удовольствие посмотреть на мой ящик в клюве орла в те

ремя, когда он падал в море со страшной высоты; эта поистине удивительная картина достойна описания в наизидание грядущим поколениям. При этом сравнение Фаэтоном* было настолько очевидно, что он не удержался и высказал его, хотя я не был особенно польщен таким мнением о себе.

После остановки в Тонкине капитан отправился в Англию; корабль находился под 44° северной широты и 143° долготы. Но так как спустя два дня после моего прибытия мы встретили пассатный ветер, то долго держали курс к югу, прошли вдоль Новой Голландии, держа направление на З.-Ю.-З., потом на Ю.-Ю.-З. до тех пор, пока не обогнули мыс Доброй Надежды. Наше путешествие было довольно счастливо, но я не буду утомлять читателя его описанием. Раз или два капитан заходил в порты запастись провизией и свежей водой, но я не сходил с корабля до самого прибытия в Даунс, что произошло 3 июня 1706 года, то есть спустя шесть месяцев после моего освобождения. Я предлагал капитану и вознаграждение за мой переезд все, что у меня было, но он не согласился взять ни одного фартинга. Мы дружески расстались, и я взял с него слово навестить меня в Редриффе. Затем я нанял лошадь и проводника за пять шиллингов, занятых у капитана.

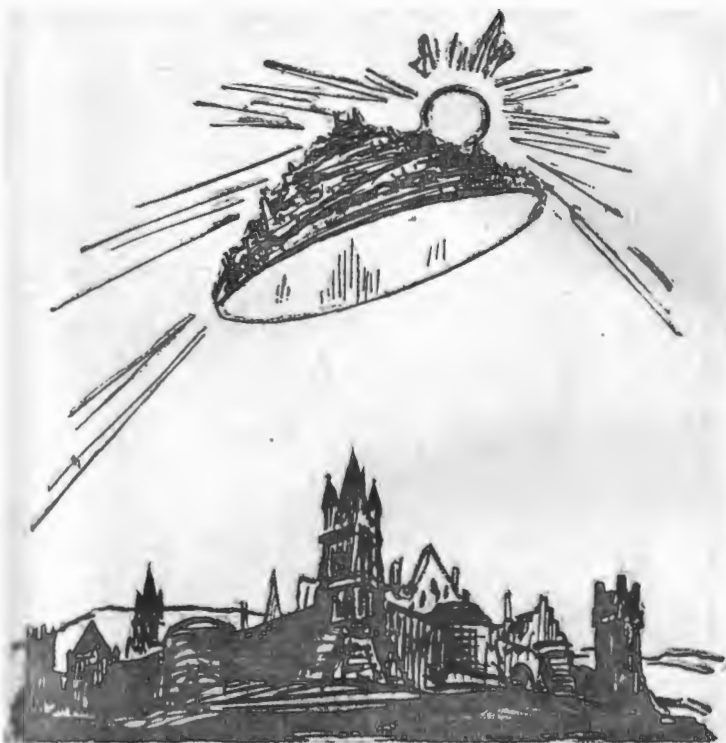
Наблюдая по дороге деревья, дома, людей и домашний скот, я все думал, что нахожусь в Лиллипутии. Я боялся раздавить встречавшихся на пути прохожих и часто громко кричал, чтобы они посторонились; такая грубость с моей стороны привела к тому, что мне раз или два чуть не раскроили череп.

По прибытии моем домой, куда я принужден был спрашивать дорогу, один из моих слуг отворил двери. Входя я нагнулся (как гусь под воротами), чтобы не удариться головой о притолоку. Жена прибежала обнять меня, но я нагнулся ниже ее колен, полагая, что иначе ей не достать моего лица. Дочь стала на колени, желая получить мое благословение, но я не увидел ее, пока она не поднялась, что объясняется моей долгой привычкой нагибать голову вверх и устремлять взор на высоту в шестьдесят футов; затем я сделал жест, которым хотел поднять ее одной рукой за талию. На моих слуг и на одного или двух из бывших тут друзей я смотрел сверху

вниз, как смотрит великан на пигмеев. Я заметил жене, что они, верно, вели слишком экономную жизнь, так как обе вместе с дочерью обратились в ничто. Короче сказать, я держал себя столь непонятным образом, что все составили обо мне то же мнение, какое составил капитан, увидя меня впервые, то есть решили, что я сошел с ума. Я упоминаю здесь об этом только для того, чтобы показать, как велика бывает сила привычки и предубеждения.

Скоро все недоразумения между мною, семьей и друзьями рассеялись, но жена торжественно заявила, что больше я никогда не увижу моря. Однако же моя злая судьба распорядилась иначе, и даже жена не могла удержать меня, как скоро узнает об этом читатель. Этим я оканчиваю вторую часть моих злосчастных путешествий.

Часть третья:
ПУТЕШЕСТВИЕ
в лапу,
БАЛЬНИВАРБИ, ЛАГГНЕГГ,
главдобдриб и янонию

Part Unknown

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автор отправляется в третье путешествие. Он взят в плен пиратами. Злоба одного голландца. Прибытие автора на некий остров. Его поднимают на Лапуту.

е пробыл я дома и десяти дней, как ко мне пришел в гости капитан Вильям Робинсон, из Корнуэльса, командир большого корабля *Добрая Надежда* в триста тонн водоизмещения. Когда-то я был хирургом на другом судне, являвшемся в четвертой части собственно-стью этого капитана и совершавшем под его командой рейс в Левант. Он всегда обращал-

ся со мной скорее как с братом, чем как с подчиненным. Узнав о моем прибытии, он посетил меня, как мне казалось, руководимый исключительно дружескими чувствами, что так понятно после долгой разлуки. Но после нескольких посещений, выразив радость, что находит меня в добром здравии, и спросив, окончательно ли я решил поселиться дома, он сообщил, что через два месяца от-

правляется в Ост-Индию, и под конец напрямик пригласил меня, пустив при этом в ход ряд красноречивых доводов, быть хирургом на его корабле; он заявил, что, кроме двух фельдшеров, у меня будет помощником еще один хирург; что я буду получать двойной оклад жалованья против обыкновенного и что, убедившись на опыте в том, что я знаю морское дело несколько не хуже него, он обивается считаться с моими советами, как если бы и вместе с ним управлял кораблем.

Капитан наговорил мне столько любезностей, и я знал его за такого порядочного человека, что не мог отказаться от его предложения: несмотря на все постигшие меня невзгоды, жажда видеть свет томила меня с прежней силой. Оставалось единственное затруднение — уговорить жену; но в конце концов и она дала свое согласие, когда я изложил те выгоды, которые путешествие это сулило нашим детям.

Мы снялись с якоря 5 августа 1706 года и прибыли в форт С.-Жорж * 111 апреля 1707 года. Мы оставались там три недели с целью обновить экипаж судна, так как между матросами было много больных. Оттуда мы отправились в Тонкин, где капитан решил простоять некоторое время, потому что товары, которые он намеревался купить, не могли быть изготовлены и сданы раньше нескольких месяцев. Таким образом, в надежде хотя бы отчасти покрыть расходы по этой стоянке, капитан купил шлюп, нагрузил его различными товарами, составляющими предмет всегдашней торговли тонкинцев с соседними островами, и отправил на нем под моим начальством четырнадцать человек, из которых трое были туземцы, дав мне полномочие распродать эти товары, пока он будет оканчивать свои дела в Тонкине.

Не прошло и трех дней нашего плаванья, как поднялась сильная буря, и в продолжение пяти дней нас гнало по направлению к северо-востоку и затем к востоку; после этого настала хорошая погода, хотя не переставал дуть сильный западный ветер. На десятый день за нами пустились в погоню два пирата, которые скоро настигли нас, так как мой сильно нагруженный шлюп мог очень медленно подвигаться вперед, и мы были лишены возможности защищаться.

Мы были взяты на abordаж почти одновременно обо-

ими пиратами, которые ворвались на наш корабль вместе со своими матросами, но, увидев нас лежащими ничком (таков был отданный мной приказ), они удовлетворялись тем, что крепко связали нас и, приставив к нам стражу, отправились обыскивать судно.

Я заметил среди них одного голландца, который, по-видимому, пользовался некоторым авторитетом, хотя не командовал ни одним из кораблей. По нашей наружности он признал в нас англичан и, обращаясь к нам на нашем языке, поклялся связать спинами друг с другом и бросить в море. Я довольно сносно говорил по-голландски, объяснил ему, кто мы, и просил его, приняв во внимание, что мы христиане и протестанты, подданные одного государства, которое находится в дружественных отношениях с его отечеством, ходатайствовать за нас перед командирами, чтобы те отнеслись к нам милостиво. Эти слова привели голландца в ярость, он повторил угрозы и, обратясь к своим товарищам, начал с жаром что-то говорить, по-видимому на японском языке, часто произнося слово *христианос*.

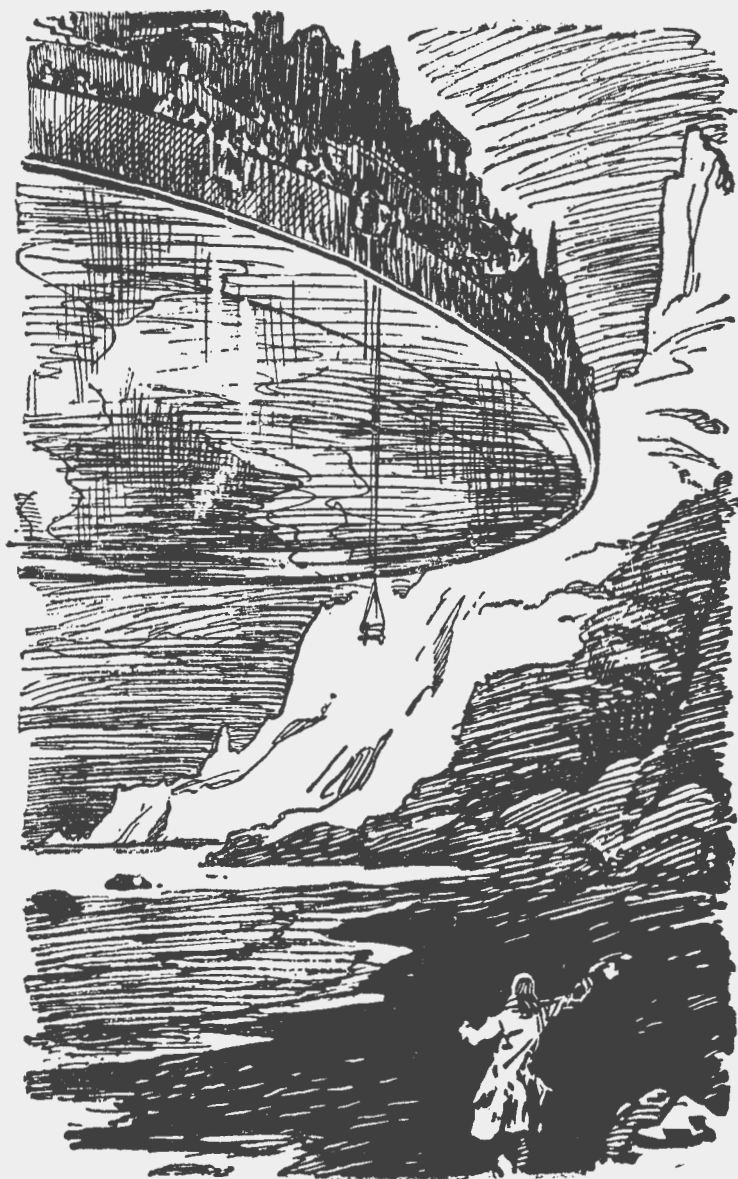
Командиром более крупного судна пиратов был японец, который говорил немного по-голландски, хотя и очень плохо. Подойдя ко мне и задав несколько вопросов, на которые я ответил весьма смиренно, он объявил, что мы будем преданы смерти. Низко поклонившись капитану, обратился к голландцу и сказал, что мне прискорбно видеть в язычнике больше милосердия, чем в своем брате-христианине. Но мне пришлось скоро раскаяться в своих необдуманных словах, ибо этот злобный негодяй, после неоднократных тщетных стараний убедить обоих капитанов бросить меня в море (на что те не соглашались после данного ими обещания сохранить мою жизнь), добился все же назначения мне наказания, худшего, чем сама смерть. Люди мои были размещены поровну на обоих пиратских судах, а на моем шлюпе была сформирована новая команда. Меня же самого решено было посадить в челнок и, снабдив веслами, парусом и провизией на четыре дня, предоставить на волю волн. Капитан-японец был настолько милостив, что удвоил количество провизии из собственных запасов и запретил обыскивать меня. Когда я спускался в челнок, голландец, стоя на палубе, выкрикивал мне вслед всякие проклятия

и ругательства, какие только существовали на его языке.

За час до нашей встречи с пиратами я вычислил, что мы находились под 46° северной широты и 183° долготы. Отойдя на довольно значительное расстояние от пиратов, я при помощи карманной зрительной трубки обнаружил несколько островов на юго-востоке. Я поставил парус и с помощью попутного ветра надеялся достигнуть ближайшего из этих островов, что мне и удалось в течение трех часов. Остров был весь скалистый; однако мне посчастливилось найти много птичьих яиц, и, добыв кремнем огонь, я развел костер из вереска и сухих водорослей, на котором испек яйца. Ужин мой состоял из этого единственного кушанья, так как я решил по возможности беречь запас своей провизии. Я провел ночь под защитой скалы, постелив себе немного вереска, и спал очень хорошо.

На следующий день, подняв парус, я отправился к другому острову, а оттуда к третьему и к четвертому, пользуясь иногда, кроме паруса, и веслами. Но, чтобы не утомлять внимание читателя подробным описанием моих бедствий, достаточно будет сказать, что на пятый день я прибыл к последнему из замеченных мною островов, расположенному на юго-юго-востоке от первого.

Этот остров был гораздо дальше, чем я предполагал, и потому только после пятичасового перехода я достиг его берегов. Я объехал его почти кругом, прежде чем мне удалось найти подходящее место для высадки; то была небольшая бухточка, где могло бы поместиться всего три моих челнока. Весь остров был скалист и лишь кое-где покрыт небольшими газонами и душистыми травами. Я достал мою скудную провизию и, подкрепившись немного, остаток ее спрятал в один из гротов, которыми изобиловал остров. На утесах я собрал много яиц, затем принес сухих водорослей и травы, намереваясь на другой день развести костер и как-нибудь испечь эти яйца (так как при мне было огниво, кремь, трут и зажигательное стекло). Ночь я провел в том гроте, где спрятал провизию. Постелью мне служили те же водоросли и травы, которые я приготовил для костра. Спал я очень мало, потому что беспокойное душевное состояние взяло верх над усталостью и не давало заснуть. Мне казалось

невозможным сохранить жизнь в столь пустынном месте, и я считал, что неминуемо должен буду погибнуть. Я был так подавлен этими размышлениями, что у меня не доставало энергии встать, и, когда, наконец, я собрался с силами и выполз из пещеры, было уже совсем светло. Я немного прошелся между скалами; небо было совершенно ясное, и солнце так сильно опалало лицо, что я принужден был повернуться спиной. Вдруг стало темно, но совсем не так, как от облака, когда оно закрывает солнце. Я оглянулся и увидел в воздухе большое непрозрачное тело, заслонявшее солнце и двигавшееся по направлению к острову; тело это находилось, как мне казалось, на высоте двух миль и закрывало солнце в течение шести или семи минут; но я не ощущал похолодания воздуха и не заметил, чтобы небо потемнело больше, как если бы я стоял в тени, отбрасываемой горой. По мере приближения этого тела к тому месту, где я стоял, оно стало мне казаться твердым; основание же его было плоское, гладкое и ярко сверкало, отражая освещенную солнцем поверхность моря. Я стоял на возвышенности в двухстах ярдах от берега и видел, как это обширное тело спускается почти отвесно на расстоянии английской мили от меня. Я вооружился карманной зрительной трубой и мог ясно различить на нем много людей, спускавшихся и поднимавшихся по отлогим, по-видимому, сторонам тела; но что делали там эти люди, я не мог рассмотреть.

Естественная любовь к жизни наполнила меня чувством радости, и у меня явилась надежда, что это приключение так или иначе поможет мне выбраться из этого пустынного места и выйти из того отчаянного положения, в котором я находился. Но, с другой стороны, читатель едва ли будет в состоянии представить себе, с каким удивлением смотрел я на парящий в воздухе остров, населенный людьми, которые (как мне казалось) могли поднимать и опускать его или направлять вперед по своему желанию. Но я не был тогда расположен предаваться философским размышлениям по поводу этого явления, и для меня представляло гораздо больше интереса наблюдать, какое направление возьмет остров, так как на мгновение он как будто остановился. Скоро, однако, он приблизился ко мне, и я мог рассмотреть, что по краям

он окружен несколькими галереями, расположенными уступами и соединенными между собой, на известных промежутках, лестницами, позволявшими переходить с одной галереи на другую. На самой нижней галерее я увидел нескольких человек, из которых одни ловили рыбу длинными удочками, а другие смотрели на эту ловлю. Я стал махать ночным колпаком (моя шляпа давно уже износилась) и платком по направлению к острову, и, когда он приблизился еще больше, я закричал во всю глотку. Затем, взглядевшись внимательнее, я увидел, что на обращенной ко мне стороне острова собирается толпа. Судя по тому, что находившиеся тут люди указывали на меня пальцами и жестикулировали между собою, я заключил, что они заметили меня, хотя и не отвечали на мои крики. Я увидел только, что из толпы выбежали четыре или пять человек и поспешно стали подниматься по лестницам на вершину острова, где и исчезли. Я догадывался, и совершенно основательно, что эти люди были посланы к какой-нибудь важной особе за распоряжениями, как им поступить в данном случае.

Толпа народа увеличилась, и менее чем через полчаса остров пришел в движение и поднялся таким образом, что нижняя галерея оказалась на расстоянии около ста ярдов от места, где я находился. Тогда я принял умоляющий вид и заговорил самым подобострастным тоном, но не получил никакого ответа. Люди, стоявшие ближе всего ко мне, были, если судить по их костюмам, знатные особы. Они вели между собою какое-то серьезное совещание и часто посматривали на меня. Наконец, один из них что-то закричал на чистом, изящном и благозвучном наречии, напоминавшем итальянский язык, почему я и ответил на этом языке, рассчитывая, что для их слуха он будет приятнее другого языка. Хотя мы и не поняли друг друга, но намерение мое было легко угадать, ибо было видно, в каком бедственном положении я находился.

Мне сделали знак спуститься со скалы и идти к берегу, что я и исполнил. Летучий остров поднялся на соответствующую высоту, так что его край пришелся как раз надо мной, затем с нижней галереи была спущена цепь с прикрепленным к ней сиденьем, на которое я сел и при помощи блоков был поднят наверх.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Описание характера и нравов лапутян. Представление об их науке. О короле и его дворе. Прием, оказанный при дворе автору. Страхи и тревоги лапутян. Жены лапутян.

два я высадился на остров, как меня окружила толпа народа; стоявшие ко мне поближе, по-видимому, принадлежали к высшему классу. Все рассматривали меня явно с величайшим удивлением; но и сам я не был у них в долгу в этом отношении, потому что мне никогда еще не приходилось видеть смертных, которые бы так поражали своей фигурой, одеждой и наружностью. У всех головы были скошены или направо или налево; один глаз был обращен внутрь, а другой прямо вверх, к зениту. Их верхняя одежда была украшена изображениями солнца, луны, звезд, попеременно с изображениями скрипки, флейты, арфы, трубы, гитары, клавикордов и многих других музыкальных инструментов, не известных в Европе. Я заметил поодаль множество людей, одетых, как слуги; они держали в руках наполненные воздухом пузыри, прикрепленные наподобие бичей к концам коротких палок. Как мне сообщили потом, в каждом пузыре находился сухой горох или мелкие камешки. Этими пузырями они время от времени хлопали по губам и ушам господ, стоявших подле них. Значения таковых действий я сначала не понимал. По-видимому, умы этих людей так поглощены глубокими размышлениями, что они не способны ни говорить, ни слушать речи собеседников, пока их внимание не привлечено каким-нибудь внешним воздействием на органы речи и слуха; вот почему люди состоятельные держат всегда в числе прислуги одного так называемого хлопальщика (по-туземному — *клайменоле*) и без него никогда не выходят из дому и не делают визитов. Обязанность такого слуги заключается в том, что при встрече двух, трех или большего числа лиц он должен слегка хлопать по

губам того, кому следует говорить, и по правому уху того или тех, к кому говорящий обращается. Этот хлопальщик должен неизменно сопровождать своего господина на его прогулках и в случае надобности легонько хлопать его по глазам, так как тот всегда бывает настолько погружен в размышления, что на каждом шагу подвергается опасности упасть в яму или стукнуться головой о столб, а на улице — сбивать с ног прохожих или самому очутиться в канаве.

Мне необходимо было сообщить читателю все эти подробности, без которых ему, как и мне, было бы невозможно понять тех ужимок, с какими эти люди проводили меня по лестницам на вершину острова, а оттуда в королевский дворец. И пока мы поднимались, они несколько раз забывали, что им следовало делать, и оставляли меня одного, тогда хлопальщики выводили из забвения своих господ; по-видимому, на них не произвели никакого впечатления ни мои непривычные для них наружность и костюм, ни восклицания простого народа, мысли и умы которого не так поглощены созерцанием.

Наконец мы достигли дворца и проследовали в аудиенц-залу, где я увидел короля на троне, окруженного с обеих сторон знатнейшими вельможами. Перед троём стоял большой стол, заваленный глобусами, планетными кругами и различными математическими инструментами. Его величество не обратил на нас ни малейшего внимания, несмотря на то, что наш приход был достаточно шумным благодаря сопровождавшей нас придворной челяди; он был тогда погружен в решение трудной задачи, и мы ожидали по крайней мере час, пока он ее окончил. По обеим сторонам короля стояли два пажа с пузырями в руках. Когда они заметили, что король решил задачу, один из них почтительно хлопнул его по губам, а другой по правому уху; король вздрогнул, точно внезапно разбуженный, и, обратив свои взоры на меня и сопровождавшую меня свиту, вспомнил о причине нашего прихода, о котором ему было заранее доложено. Он произнес несколько слов, после чего молодой человек, вооруженный пузырем, тотчас подошел ко мне и легонько хлопнул меня по правому уху; я стал делать знаки, что не нуждаюсь в подобном напоминании, и это — как я заметил позднее — внушило его величеству и всему двору

очень невысокое мнение о моих умственных способностях. Догадываясь, что король задает мне вопросы, я отвечал на всех известных мне языках. Наконец, когда выяснилось, что мы не можем понять друг друга, меня отвели по приказанию короля (который относится к иностранцам гораздо гостеприимнее; чем его предшественники) в одну из дворцовых зал, где ко мне приставили двух слуг. Подали обед, и четыре знатные особы, которых я видел подле самого короля в тронном зале, сделали мне честь, сев со мной за стол. Обед состоял из двух перемен, по три блюда в каждой. В первой перемене была баранья лопатка, вырезанная в форме равносностороннего треугольника, кусок говядины в форме ромба и пудинг в форме циклоида. Во вторую перемену вошли две утки, приготовленные в форме скрипок, сосиски и колбаса в виде флейты и гобоя и телячья грудинка в виде арфы. Слуги резали нам хлеб на куски, имевшие форму конусов, цилиндров, параллелограммов и других геометрических фигур.

Во время обеда я осмелился спросить названия различных предметов на их языке; и эти знатные особы, при содействии хлопальщиков, любезно отвечали мне, в надежде, что мое восхищение их способностями еще более возрастет, если я буду в состоянии разговаривать с ними. Скоро я уже мог попросить хлеба, воды и всего, что мне было нужно.

После обеда мои сотрапезники удалились, и ко мне, по приказанию короля, прибыла новая особа в сопровождении хлопальщика. Особа эта принесла с собой перья, чернила, бумагу и три или четыре книги и знаками дала мне понять, что прислана обучать меня языку. Мы занимались четыре часа, и за это время я написал большое количество слов в несколько колонн, с переводом каждого из них, и кое-как выучил несколько коротких фраз. Учитель мой приказывал одному из слуг принести какой-нибудь предмет, повернуться, поклониться, сесть, встать, ходить и т. п., после чего я записывал

произнесенную им фразу. Он показал мне также в одной книге изображение солнца, луны, звезд, зодиака, тропиков и полярных кругов и сообщил название многих плоских фигур и стереометрических тел. Он назвал и описал мне все музыкальные инструменты и познакомил меня с техническими терминами, употребляющимися при игре на каждом из них. Когда он ушел, я расположил все эти слова с их толкованиями в алфавитном порядке. Благодаря такой методе и моей памяти я в несколько дней приобрел некоторые познания в лапутском языке.

Я так никогда и не узнал правильной этимологии слова Лапута, которое перевожу словами *летучий* или *плавающий* остров. Лап на древнем языке, вышедшем из употребления, означает высокий, а унту — правитель; отсюда, как утверждают ученые, произошло слово Лапута, искаженное Лапуту. Но я не могу согласиться с подобным словопроизводством, и оно мне кажется немного насильственным. Я отважился предложить тамошним ученым свою гипотезу относительно происхождения означенного слова: по-моему *Лапута* есть не что иное, как *лап аутед*; лап означает игру солнечных лучей на мор-

ской поверхности, а *аутед* — крыло; впрочем, я не настаиваю на этой гипотезе, а только предлагаю ее на суд здравомыслящего читателя.

Лица, попечению которых доверил меня король, видя плохое состояние моего костюма, распорядились, чтобы на следующий день явился портной и снял мерку для нового костюма. При этом мастер употреблял совсем

иные приемы, чем те, какие практикуются его собратьями по ремеслу в Европе. Прежде всего он определил при помощи квадранта мой рост, затем вооружился линейкой и циркулем и вычислил на бумаге размеры и очертания моего тела. Через шесть дней платье было готово; оно было сделано очень скверно, совсем не по фигуре, что объясняется ошибкой, вкравшейся в его вычисления. Моим утешением было то, что я наблюдал подобные случайности очень часто и перестал обращать на них внимание.

Из-за отсутствия одежды и легкого нездоровья я провел несколько дней в комнате и за это время значительно расширил свой лексикон, так что при первом посещении двора я мог более или менее удовлетворительно отвечать королю на многие его вопросы. Его величество отдал приказ направить остров на северо-восток, по направлению к Лагадо, столице всего королевства, расположенного внизу, на земной поверхности. Для этого нужно было пройти девяносто лиг, и наше путешествие продолжалось четыре с половиною дня, причем я ни в малейшей степени не ощущал поступательного движения острова в воздухе. На другой день, около одиннадцати часов утра, король, знатные персоны, придворные и чиновники, вооружась музыкальными инструментами, начали концерт, который продолжался в течение трех часов непрерывно, так что я был совершенно оглушен; я не мог также понять цели этого концерта, пока мой учитель не объяснил мне, что уши народа, населяющего летучий остров, одарены способностью воспринимать музыку сфер, которая всегда раздается в известные периоды, и что каждый придворный готовится теперь принять участие в этом мировом концерте на том инструменте, каким он лучше всего владеет.

Во время нашего полета к Лагадо, столичному городу, его величество приказывал останавливать остров над некоторыми городами и деревнями для приема прошений от своих подданных. С этой целью спускались вниз тонкие веревочки с небольшим грузом на конце. К этим веревочкам население подвешивало свои прошения, и они поднимались прямо вверх, как клочки бумаги, прикрепляемые школьниками к концу веревки, на которой они пускают змеев. Иногда мы получали снизу

вино и съестные припасы, которые поднимались к нам на блоках.

Мои математические познания оказали мне большую услугу в усвоении фразеологии лапутян, заимствованной в значительной степени из математики и музыки, ибо я немного знаком также и с музыкой. Все их идеи не-

престанно вращаются около линий и фигур. Если они хотят, например, восхвалить красоту женщины или какого-нибудь животного, они непременно опишут ее при помощи ромбов, окружностей, параллелограммов, эллипсов и других геометрических терминов или же терминов, заимствованных из музыки, перечислять которые здесь не к чему. В королевской кухне я видел всевозможные математические и музыкальные инструменты, по образцу которых повара режут жаркое для стола его величества.

Дома лапутян построены очень скверно; стены поставлены криво, во всем здании нельзя найти ни одного прямого угла: эти недостатки объясняются презрительным их отношением к прикладной геометрии, которую

они считают наукой вульгарной и ремесленной; указания, которые они делают, слишком утонченны и недоступны для рабочих, что служит источником беспрестанных ошибок. И хотя они довольно искусно владеют на бумаге линейкой, карандашом и циркулем, однако что касается обыкновенных повседневных действий, то я не встречал других таких неловких, неуклюжих и косолапых людей, столь тугих на понимание всего, что не касается математики и музыки. Они очень плохо рассуждают и всегда с запальчивостью возражают, кроме тех случаев, когда они бывают правы, что наблюдается редко. Воображение, фантазия и изобретательность совершенно чужды этим людям, в языке которых нет даже слов для обозначения этих душевных способностей, и вся их умственная деятельность заключена в границах двух упомянутых наук.

Большинство лапутян, особенно те, кто занимается астрономией, верят в астрологию, хотя и стыдятся открыто признаваться в этом. Но меня более всего поразила, и я никак не мог объяснить ее, замеченная мной у них сильная склонность говорить на политические темы, делиться новостями и постоянно обсуждать государственные дела, внося в эти обсуждения необыкновенную страстность. Впрочем, ту же склонность я заметил и у большинства европейских математиков, хотя никогда не мог найти ничего общего между математикой и политикой; разве только, основываясь на том, что маленький круг имеет столько же градусов, как и самый большой, они предполагают, что и управление миром требует не большего искусства, чем какое необходимо для управления и поворачивания глобуса. Но я думаю, что эта склонность обусловлена скорее весьма распространенной человеческой слабостью, побуждающей нас больше всего интересоваться и заниматься вещами, которые имеют к нам наименьшее касательство и к пониманию которых мы меньше всего подготовлены нашими знаниями и природными способностями.

Лапутяне находятся в вечной тревоге и ни одной минуты не наслаждаются душевным спокойствием, причем их тревожения происходят от причин, которые не производят почти никакого действия на остальных смертных. И в самом деле, страх у них вызывается различными из-

менениями, которые, по их мнению, происходят в небесных телах. Так, например, они боятся, что земля, вследствие постоянного приближения к солнцу, со временем будет поглощена и уничтожена последним; что поверхность солнца постепенно покроется его собственными извержениями и не будет больше давать ни света, ни тепла; что земля едва ускользнула от удара хвоста последней кометы, который несомненно превратил бы ее в пепел, и что будущая комета, появление которой, по их вычислениям, ожидается через тридцать один год, по всей вероятности, уничтожит землю, ибо если эта комета в своем перигелии * приблизится на определенное расстояние к солнцу (чего заставляют опасаться вычисления), то она получит от него теплоты в десять тысяч раз больше, чем ее содержится в раскаленном докрасна железе, и, удаляясь от солнца, унесет за собой огненный хвост длиной в миллион четырнадцать миль; и если земля пройдет сквозь него на расстоянии ста тысяч миль от ядра или главного тела кометы, то во время этого прохождения она должна будет воспламениться и обратиться в пепел. Лапутяне боятся далее, что солнце, изливая ежедневно свои лучи без всякого возмещения этой потери, в конце концов целиком сгорит и уничтожится, что неизбежно повлечет за собой разрушение земли и всех планет, получающих от него свой свет.

Вследствие страхов, внушаемых как этими, так и другими не менее грозными опасностями, лапутяне постоянно находятся в такой тревоге, что не могут ни спокойно спать в своих кроватях, ни наслаждаться обыкновенными удовольствиями и радостями жизни. Когда лапутянин встречается утром с знакомым, то его первым вопросом бывает: как поживает солнце, какой вид имело оно при заходе и восходе и есть ли надежда избежать столкновения с приближающейся кометой? Такие разговоры они способны вести с тем же увлечением, с каким дети слушают страшные рассказы о духах и привидениях: жадно им внимая, они от страха не решаются ложиться спать.

Женщины острова отличаются гораздо более живым темпераментом; они презирают своих мужей и проявляют необыкновенную нежность к чужеземцам, каковые тут всегда находятся в порядочном количестве, прибывая с

континента ко двору по поручению общин и городов или по собственным делам; но островитяне смотрят на них свысока, потому что они лишены созерцательных способностей. Среди них-то местные дамы и выбирают себе поклонников; неприятно только, что они- действуют слишком бесцеремонно и откровенно: муж всегда настолько увлечен умозрениями, что жена его и любовник могут при нем дать полную волю своим чувствам, лишь бы только у супруга под рукой были бумаги и математические инструменты и возле него не стоял хлопальщик.

Жены и дочери лапутян жалуются на свою уединенную жизнь на острове, хотя, по-моему, это приятнейший уголок в мире; несмотря на то, что они живут здесь в полном довольстве и роскоши и пользуются свободой делать все, что им вздумается, островитянки все же жаждут увидеть свет и насладиться^{*} столичными удовольствиями, но они могут спускаться на землю только с особого разрешения короля; а получить его бывает не легко, потому что высокопоставленные лица на основании долгого опыта убедились, как трудно бывает заставить своих жен возвратиться с континента на остров. Мне рассказывали, что одна знатная придворная дама — мать нескольких детей, жена первого министра, самого богатого человека в королевстве, очень приятного по наружности, весьма нежно любящего ее и живущего в самом роскошном дворце на острове, — сказавшись больной, спустилась в Лагадо и скрывалась там в течение нескольких месяцев, пока король не отдал приказ разыскать ее во что бы то ни стало; и вот знатную леди нашли в грязном кабаке, всю в лохмотьях, ибо она заложила все свои платья для содержания старого безобразного лакея, который ежедневно колотил ее и с которым она была разлучена, вопреки ее желанию. И хотя муж принял ее как нельзя более ласково, не сделав ей ни малейшего упрека, она вскоре после этого ухитрилась снова улизнуть на континент к тому же поклоннику, захватив с собой все драгоценности, и с тех пор о ней нет слуху.

Читатель может подумать, что это скорее анекдот в духе европейских или английских нравов, чем истинное происшествие из жизни столь отдаленной страны. Но пусть он благоволит принять во внимание, что женские причуды не ограничены ни климатом, ни национально-

стью и что они гораздо однообразнее, чем то кажется с первого взгляда.

Меньше чем через месяц я сделал порядочные успехи в лапутском языке, так что мог свободно отвечать на большинство вопросов, задаваемых мне королем, когда я имел честь посещать его. Его величество несколько не интересовался законами, правлением, историей, религией, нравами и обычаями стран, которые я посетил. Он ограничился только расспросами о состоянии математики, причем выслушивал мои ответы с величайшим пренебрежением и равнодушием, несмотря на то, что внимание его было часто возбуждаемо хлопальщиками, стоявшими по обеим сторонам его особы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Описание одного замечательного прибора, устроенного благодаря успехам современной философии и астрономии. Обширное развитие астрономических знаний у лалутов. Королевский метод подавления восстаний.

едоверие к иностранцам проявляется повсюду, поэтому, прежде чем обследовать остров, я попросил у его величества дозволения осмотреть достопримечательности острова, на что он любезно дал свое согласие, приказав моему наставнику сопровождать меня. Больше всего хотелось мне знать, какой искусственной или естественной причине

остров обязан своими разнообразными движениями. По этому поводу я представляю теперь читателю философское объяснение.

Летучий, или плавающий остров имеет форму правильного круга диаметром в 7837 ярдов, или около четырех с половиной миль; следовательно, его поверхность равняется десяти тысячам акров. Высота острова равна тремстам ярдам. Дно, или нижняя поверхность, видимая только наблюдателям, находящимся на земле, представляет собой гладкую правильную алмазную пластинку толщиной около двухсот ярдов. На ней лежат различные минералы в обычном порядке, и все это покрыто слоем богатого чернозема в десять или двенадцать футов глубиной. Наклон поверхности острова от окружности к центру служит естественной причиной того, что роса и дождь, падающие на остров, собираются в ручейки и текут к его середине, где вливаются в четыре больших бассейна, каждый из которых имеет около полумили в окружности и находится в двухстах ярдах от центра острова. Под действием солнечных лучей вода бассейнов непрерывно испаряется в течение дня, что препятствует переполнению их. Кроме того, монарх обладает возможностью поднимать остров в заоблачные сферы, где нет

водяных паров, и, следовательно, может предотвратить падение росы и дождей, когда ему заблагорассудится! И ведь, по единогласному мнению натуралистов, самые высокие облака не поднимаются выше двух миль; по крайней мере таких случаев никогда не наблюдалось в этой стране.

В центре острова находится пропасть около пятидесяти ярдов в диаметре, через которую астрономы опускаются в большую пещеру, имеющую форму купола и называющуюся поэтому *флиндона гагноле*, или астрономической пещерой; она расположена на глубине ста ярдов в толще алмаза. В этой пещере всегда горят двадцать ламп, которые, отражаясь от алмазных стенок, ярко освещают каждый уголок. Вся пещера заставлена разнообразнейшими секстантами, квадрантами, телескопами, астролябиями и другими астрономическими инструментами. Но главной достопримечательностью, от которой зависит судьба всего острова, является огромный магнит, по форме напоминающий ткацкий челнок. Он имеет в длину шесть ярдов, а в ширину — в самой толстой своей части — свыше трех ярдов. Магнит этот укреплен на очень прочной алмазной оси, проходящей через его середину; он вращается на ней и подвешен так точно, что малейшее прикосновение руки может повернуть его. Он охвачен полым алмазным цилиндром, имеющим четыре фута в высоту, столько же в толщину и двенадцать ярдов в диаметре и поддерживаемым горизонтально на восьми алмазных ножках вышиною в шесть ярдов каждая. В середине внутренней поверхности цилиндра сделаны два гнезда глубиною в двенадцать дюймов каждое, в которые всажены концы оси и в которых, когда бывает нужно, она вращается.

Никакая сила не может сдвинуть с места описанный нами магнит, потому что цилиндр вместе с ножками составляет одно целое с массой алмаза, служащего основанием всего острова.

При помощи этого магнита остров может подниматься, опускаться и передвигаться с одного места в другое. Ибо, по отношению к подвластной монарху части земной поверхности, магнит обладает с одного конца притягательной силой, а с другого — отталкивающей. Когда магнит поставлен вертикально и его притягательный по-

люс обращен к земле, остров опускается, но когда обращен книзу полюс магнита, обладающий отталкивающей силой, то остров поднимается прямо вверх. При косом положении магнита остров тоже движется в косом направлении, ибо силы этого магнита всегда действуют по линиям, параллельным его направлению.

При помощи такого косого движения остров переносится в разные части владений монарха. Для объяснения способа перемещения острова допустим, что AB есть линия, проходящая через государство Бальнибарби, cd — магнит, у которого d — отталкивающий полюс, а c — притягательный, и что остров находится над точкой C . Пусть магнит будет поставлен в положение cd , при котором его отрицательный полюс направлен вниз, тогда остров будет подталкиваться наискось вверх по направлению к D . По прибытии его в D пусть магнит будет повернут на оси так, чтобы его притягательный полюс был направлен к E , тогда и остров будет двигаться наискось по направлению к E . Если теперь снова повернуть магнит и поставить его в положение EF , отталкивающим полюсом книзу, остров поднимется наискось по направлению к F , откуда, направляя притягательный полюс к G , остров можно перенести к G и от G к H , повернув магнит так, чтобы его отталкивающий полюс был обращен прямо вниз. Таким образом, изменяя по мере надобности положение камня, можно поднимать и опускать остров в косых направлениях, и при помощи таких попеременных подъемов и спусков (при незначительных отклонениях вкось) остров переносится из одной части государства в другую.

Однако надо заметить, что Лапута не может двигаться за пределы своего государства, а равно и не может подниматься на высоту, большую четырех миль. Астрономы (написавшие обширные исследования касательно свойств этого магнита) дают следующее объяснение указанного явления: магнитная сила не простирается далее четырех миль; с другой стороны, действующие на магнит минералы в недрах земли и в море, на расстоянии шести лиг от берега, залегают не по всему земному шару, а только в пределах владений его величества. Пользуясь преимуществами столь выгодного положения, монарх этот без труда мог привести к повинове-

нию все страны, лежащие в пределах притяжения магнита.

Если поставить магнит в положение, параллельное плоскости горизонта, то остров останавливается; в самом деле, в этом случае полюсы магнита, находясь на одинаковом расстоянии от земли, действуют с одинаковой силой, один — притягивая остров книзу, другой — толкая

его вверх, вследствие чего не может произойти никакого движения.

Описанный магнит находится в ведении надежных астрономов, которые время от времени меняют его положение, согласно приказаниям монарха. Эти ученые большую часть своей жизни проводят в наблюдениях над движениями небесных тел при помощи зрительных труб, которые своим качеством значительно превосходят наши. И хотя самые большие тамошние телескопы не длиннее трех футов, однако они увеличивают значительно силь-

нее, чем наши, имеющие длину в сто футов, и показывают небесные тела с большей ясностью. Это преимущество позволило им в своих открытиях оставить далеко позади наших европейских астрономов. Так, ими составлен каталог десяти тысяч неподвижных звезд, между тем как самый обширный из наших каталогов содержит не более одной трети этого числа. Кроме того, они открыли две маленьких звезды или спутника, обращающихся около Марса *, из которых ближайший к Марсу удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, а более отдаленный находится от нее на расстоянии пяти таких же диаметров. Первый совершает свое обращение в течение десяти часов, а второй в течение двадцати одного с половиной часа, так что квадраты времен их обращения почти пропорциональны кубам их расстояний от центра Марса, каковое обстоятельство с очевидностью показывает, что означенные спутники управляются тем же самым законом тяготения, которому подчинены другие небесные тела.

Они произвели наблюдения над девяносто тремя различными кометами и установили с большою точностью периоды их возвращения. Если это справедливо (а утверждения их весьма категоричны), то было бы весьма желательно, чтобы результаты их наблюдений сделались публичным достоянием, ибо тогда теория комет, которая теперь полна недостатков и сильно хромает, была бы доведена до того же совершенства, что и другие области астрономии.

Король мог бы стать самым абсолютным монархом в мире, если бы ему удалось убедить своих министров действовать с ним заодно. Но последние, будучи владельцами собственности на континенте и принимая во внимание, что положение фаворита весьма непрочное, никогда не соглашались на порабощение своего отечества.

Если какой-нибудь город поднимает мятеж или восстание, если в нем вспыхивает междоусобица или он отказывается платить обычные подати, то король располагает двумя средствами привести его к покорности. Первое и более мягкое из них заключается в помещении острова над таким городом и окружающими его землями; вследствие этого король лишает их благотельно-

го действия солнца и дождя, так что в непокорной стране начинаются голод и болезни. Смотри по степени преступления, эта карательная мера усиливается метанием сверху больших камней, от которых население может укрыться только в подвалах или погребах, предоставляя полному разрушению крыши своих жилищ. Но если мятежники продолжают упорствовать, король прибегает ко второму, более радикальному средству: остров опускается прямо на головы непокорных и сокрушает их вместе с их домами. Однако к этому крайнему средству король прибегает в очень редких случаях и весьма неохотно, да и министры не решаются рекомендовать ему подобное мероприятие, так как оно, с одной стороны, способно внушить к ним народную ненависть, а с другой — может причинить большой вред их собственному имуществу, находящемуся на континенте, ибо остров есть владение короля.

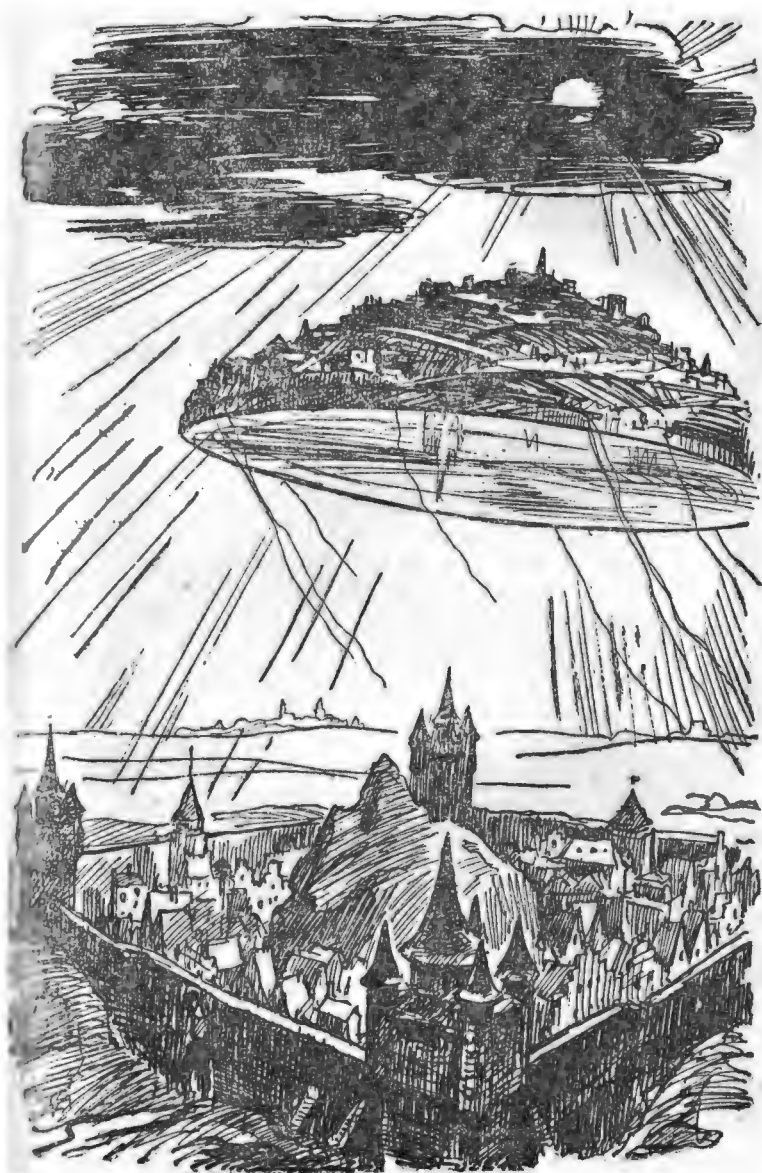
Кроме того, существует другая, еще более важная причина, почему короли этого государства всегда питали отвращение к столь страшной мере и прибегали к ней только в случаях самой крайней необходимости. Если город, осужденный на разрушение, расположен подле высоких скал — а так именно и расположены в большинстве случаев крупные города, вероятно для предохранения от указанной катастрофы, — или если в таком городе существует много колоколен или каменных башен, то внезапное падение острова может повредить его основание, или нижнюю поверхность, которая, хотя и состоит, как я уже говорил, из одного цельного алмаза толщиной в двести ярдов, все же при сильном толчке может расколоться, а при приближении к пламени расположенных под ней построек — треснуть, как это случается с железными или каменными стенками наших каминов. Все это отлично известно населению, которое соответственно соразмеряет свое сопротивление, когда дело касается его свободы и имущества. И король, несмотря на крайнее раздражение и твердую решимость стереть в порошок мятежный город, отдает распоряжение опустить остров как можно тише, под предлогом милостивого отношения к своему народу, на самом же деле из боязни разбить алмазное основание, так как в этом случае, по общему мнению всех философов, магнит не в

состоянии будет удержатъ остров в воздухе, и вся его масса рухнет на землю.

Года за три до моего прибытия к лапутянам, когда король совершал полет над своими владениями, произошло необыкновенное событие, которое чуть было не оказалось роковым для этой монархии, по крайней мере для ее теперешнего строя. Линдалино, второй по величине город в королевстве, был первым, удостоившимся посещения его величества. Через три дня по его отъезде горожане, часто жаловавшиеся на большие притеснения, заперли городские ворота, арестовали губернатора и с невероятной быстротой и энергией воздвигли четыре массивные башни по четырем углам города (площадь которого представляет собой правильный четырехугольник); такой же высоты, как и гранитная остроконечная скала, возвышающаяся как раз в центре города. На верхушке каждой башни, так же как и на верхушке скалы, они утвердили по большому магниту и, на случай крушения их замысла, запаслись огромным количеством весьма горячего топлива, надеясь расколоть сильным пламенем алмазное основание острова, если бы проект с магнитами оказался неудачным.

Только через восемь месяцев король получил донесение о том, что Линдалино поднял мятеж. Он отдал тогда распоряжение направить остров к городу. Население было исполнено единодушия, запаслось провиантом. Посреди города протекает большая река. Король парил над мятежниками несколько дней, лишая их солнца и дождя. Он велел опустить с острова множество бечевки, но никто и не подумал обратиться к нему с челобитной, зато во множестве полетели весьма дерзкие требования возместить все причиненные городу несправедливости, вернуть привилегии, предоставить населению право выбора губернатора и тому подобные несуразности. В ответ на это его величество приказал всем островитянам бросать с нижней галереи на город большие камни; но от этого несчастья горожане обереглись, укрывшись со своими пожитками в четырех башнях и других каменных зданиях, а также в погребах.

Тогда король, твердо решивший привести к покорности этих гордецов, приказал медленно опустить остров на сорок ярдов от верхушек башен и скалы. Приказание

короля было исполнено, но чиновники, приводившие его в исполнение, обнаружили, что спуск совершился гораздо быстрее, чем обыкновенно, и, повернув магнит, только с большим трудом могли удерживать остров в неподвижном положении, но заметили, что он все же проявляет тенденцию к падению. Они немедленно дали знать королю об этом удивительном явлении и просили у его величества разрешения поднять остров выше; король дал согласие, был созван большой совет, и чиновники, ведающие магнитом, получили приказание присутствовать на нем. Один из старейших и опытейших среди них испросил разрешения произвести придуманный им опыт. Он взял прочный шнурок в сто ярдов длины и, когда остров поднялся над городом на такую высоту, что прекратилось действие подмеченной притягательной силы, прикрепил к концу шнура кусок алмаза, содержащий в себе некоторое количество железной руды, подобно алмазу, составлявшему основание, или нижнюю поверхность острова, и стал медленно спускать его с нижней галереи к вершине одной из башен. Не спустился алмаз и на четыре ярда, как чиновник почувствовал, что он с такой силой увлекается вниз, что ему едва удалось вытащить его обратно. После этого он сбросил с острова несколько обломков алмаза и заметил, что все они с силой были притянуты вершине башни. Тот же опыт был проделан по отношению к остальным трем башням и скале, и результат каждый раз получался одинаковый.

Это событие расстроило все планы короля, и (мы не будем останавливаться на подробностях) ему пришлось оставить город в покое.

Один из министров уверял меня, что если бы остров опустился над городом так низко, что не мог бы больше подняться, то горожане навсегда лишили бы его возможности передвигаться, убили бы короля и всех его прислужников и совершенно изменили систему правления.

Основной закон государства запрещает королю и двум его старшим сыновьям оставлять остров. То же запрещение распространяется и на королеву, пока она не утратит способности рожать детей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Автор оставляет Лапуту. Его спускают в Бальнибарби. Прибытие автора в столицу. Описание столицы и прилегающей местности. Один сановник гостеприимно принимает у себя автора. Его беседы с этим сановником.

отя я не могу пожаловаться на прием, оказанный мне на острове, все же я должен сознаться, что не пользовался там особенным вниманием и ко мне относились даже с некоторым пренебрежением. Это и понятно, если вспомнить, что король и население не интересовались ничем, кроме математики и музыки, и в этом отношении мои познания значи-

тельно уступали их сведениям, так что они смотрели на меня свысока.

С другой стороны, осмотрев все достопримечательности острова, я сам сильно желал оставить его, так как мне смертельно надоели эти люди. Они действительно чрезвычайно сведущи в математике и музыке, и хотя я питаю большое уважение к этим двум искусствам и сам кое-что смыслю в них, тем не менее лапутяне мыслят настолько отвлеченно и так глубоко погружены в умозрения, что я в жизни не встречал более неприятных собеседников. В течение двухмесячного моего пребывания на острове я разговаривал только с женщинами, купцами, хлопальщиками и пажами, вследствие чего все стали относиться ко мне с крайним презрением, хотя перечисленные мной лица были единственными, от которых можно было услышать разумные ответы на задаваемые мной вопросы.

Благодаря усиленным занятиям я довольно хорошо изучил местный язык; я томился своим заключением на острове, где мне оказывали так мало внимания, и решил покинуть его при первом удобном случае.

Среди придворных находился один вельможа, близкий родственник короля. Это обстоятельство было един-

ственной причиной уважения к нему царедворцев, так как все они считали его человеком крайне глупым и невежественным. Он оказал много важных услуг государству, обладал большими природными и приобретенными талантами и отличался прямоотой и честностью; но ухо его было так нечувствительно к музыке, что, по уверению его недоброжелателей, он часто отбивал такт невпопад; и наставники лишь с крайним трудом могли научить его доказывать простейшие математические теоремы. Этот вельможа оказывал мне большое благоволение: часто навещал меня, желая получить сведения о европейской жизни, законах и обычаях, нравах и науках различных посещенных мною стран. Он слушал меня с большим вниманием и делал мудрые замечания по поводу рассказываемого. Согласно требованиям придворного этикета, при нем тоже состояли два хлопальщика, но он никогда не прибегал к их услугам, исключая придворных церемоний и официальных визитов, и постоянно отпускал их домой, когда мы оставались наедине.

Я попросил эту почтенную особу исходатайствовать мне у его величества разрешение покинуть остров. Вельможа исполнил мою просьбу, хотя и с сожалением, как ему угодно было сказать мне; он сделал мне много лестных предложений, но я отказался от них с выражением глубочайшей признательности.

16 февраля я попрощался с его величеством и придворными. Король наградил меня подарками, ценностью около двухсот английских фунтов; такие же подарки я получил и от моего покровителя, родственника короля, который вместе с тем дал мне рекомендательное письмо к своему другу, жившему в Лагадо, столице королевства. В это время остров парил над горой в двух милях от города, и меня спустили с нижней галереи тем же способом, каким прежде поднимали сюда.

Континент, поскольку он находится под властью монарха летучего острова, известен под общим именем Бальнибарби, а столица, как я уже говорил, называется Лагадо. Опустившись на твердую землю, я почувствовал некоторое удовлетворение. Так как я был одет в местный костюм и достаточно владел местным языком, чтобы разговаривать с местными жителями, то без всяких затруднений добрался до столицы. Я скоро отыскал дом

лица, к которому у меня было рекомендательное письмо, передал ему письмо от его вельможного друга с остроумием и был любезно принят. Этот сановник, по имени Мьюноди, велел приготовить у себя в доме для меня

комнату, где я и прожил все время моего пребывания в столице, пользуясь самым радушным гостеприимством хозяина.

На другой день по моем приезде он пригласил меня прокатиться вместе с ним по городу, который равняется половине Лондона; но здания в нем построены очень странно, и многие из них были полуразрушены. Прохождение на улицах куда-то мчались, имели дикий вид, глаза их были неподвижно устремлены в одну точку, и почти все они были одеты в лохмотья. Миновав городские воро-

та, мы поехали полем, сделав около трех миль. Здесь я увидел много крестьян, работавших с помощью разных образных орудий, но не мог разобрать, что, собственно, они делают, тем более, что поля, бывшие перед моими глазами, не имели ни малейших признаков травы или хлебных злаков, хотя почва была, по-видимому, превосходная. Я не мог не выразить своего удивления по поводу столь странного вида города и деревни и решил обратиться к своему спутнику с просьбой объяснить мне, что означают эти озабоченные лица, эти занятые работой руки, как на улицах, так и на полях, ибо я не замечал никаких благотворных результатов, производимых ими; напротив, мне никогда не приходилось видеть хуже возделанных полей, хуже построенных и обвалившихся домов, и людей, внешность и платье которых свидетельствовали бы о такой нищете и лишениях.

Господин Мьюноди был очень знатной особой и несколько лет состоял губернатором Лагадо, но благодаря интригам министров его за неспособностью отстранили от должности. Тем не менее король относится к нему благосклонно, считая его человеком благомыслящим, хотя ограниченным и недалеким по части умственных способностей.

На откровенно высказанное мною мнение об этой стране и ее жителях он ограничился замечанием, что и находясь у них слишком короткое время, для того чтобы составить правильное суждение, и что у различных

наций существуют различные нравы и обычаи. Но когда мы возвратились к его дворцу, он спросил, как я нахожу постройку, какие несуразности замечаю я в ней и какого рода придирки у меня касательно одежды и внешности его слуг. Он мог смело задавать подобные вопросы, так как все у него было великолепно, изящно, в порядке. Я ответил, что мудрость, знатность и богатство его превосходительства предохраняли его от недостатков, которые были порождены у его соотечест-

инников безрассудством и нищетой. Тогда он сказал мне, что если я пожелаю отправиться с ним в его загородный дом, расположенный приблизительно в двадцати милях, в его поместье, то там у нас будет больше досуга для подобного рода бесед. Я заявил его превосходительству, что я весь к его услугам, и на следующий день утром мы отправились в путь.

По дороге Мьюноди обратил мое внимание на различные методы, применяемые фермерами при обработке земли, которые были для меня совершенно непонятны, ибо, за весьма редкими исключениями, я не мог заметить на полях ни одного колоса и ни одной былики. Но после трехчасового пути картина совершенно переменялась. Перед нами открылась прекрасная местность: аккуратно построенные фермерские домики на небольшом расстоянии друг от друга; огороженные поля, разделенные на виноградники, хлебные нивы и луга. Я давно не видел такого приятного пейзажа. Его превосходительство, заметив, что лицо мое проясняется, сказал мне со вздохом, что здесь начинаются его владения, через них мы будем ехать до самого дома и все они будут в таком же роде; что его соотечественники смеются над ним и презирают его за то, что он плохо ведет хозяйство и подает государству столь дурной пример, которому, впрочем, подражают очень немногие, такие же своенравные и хилые таррики, как он сам.

Наконец мы подъехали к дому. Это было величественное здание, построенное по лучшим правилам старинной архитектуры. Фонтаны, сады, аллеи, рощи — все было устроено очень умно и со вкусом. Я воздал виденному заслуженную похвалу, но его превосходительство не обращал на мои слова ни малейшего внимания до конца катрины. Когда мы остались вдвоем, мой хозяин с очень грустным видом сказал мне, что часто он подумывает, не лучше ли ему разрушить свои дома в городе и деревне и перестроить их по теперешней моде; уничтожить свое родовое хозяйство и завести другое, согласно новейшим требованиям, ознакомив с ними также и фермеров; в противном случае он рискует навлечь на себя упрёки в жестокости, оригинальничаньи, аффектации, невежестве, подурстве и, чего доброго, усилить неудовольствие его личества. Он выразил предположение, что восхищение

мое, вероятно, остынет, когда он познакомит меня с не-
щами, о которых я вряд ли слышал при дворе, где люди
слишком погружены в свои умозрения и им некогда
обращать внимание на то, что делается на земле.

Речь его сводилась к следующему: около сорока ле-
тому назад несколько жителей столицы поднялись на
Лапуту — одни по делам, другие ради удовольствия, и
после пятимесячного пребывания на острове возвратились
домой с весьма поверхностными познаниями в математи-
ке, но в крайне легкомысленном настроении, приобрете-
ном ими в этой воздушной области. По своему возвра-
щению эти прониклись презрением ко всем нашим уч-
реждениям и начали составлять проекты пересоздания
науки, искусства, законов, языка и техники на новый лад.
С этой целью они выхлопотали королевскую привилегию
на учреждение Академии Прожектеров в Лагадо. Затем
эта имела такой успех, что теперь в королевстве нет ни
одного сколько-нибудь значительного города, в котором
бы не возникла такая Академия. В этих заведениях про-
фессора изобретают новые методы земледелия и архитек-
туры и новые орудия и инструменты для всякого рода
ремесл и производств, с помощью которых, как они уве-
ряют, один человек будет исполнять работу десятерых; и
течение недели можно будет воздвигнуть дворец из тако-
го прочного материала, что он простоит вечно, не тра-
буя никакого ремонта; все земные плоды будут созре-
вать во всякое время года, по желанию потребителей,
причем эти плоды по размерам превзойдут в сто раз те,
какие мы имеем теперь... Но не перечтешь всех их про-
ектов осчастливить человечество. Жаль только, что ни
один из этих проектов еще не разработан до конца, а
между тем страна, в ожидании будущих благ, приведена
в запустение, дома в развалинах, а население голодает и
ходит в лохмотьях. Однако все это не только не охлаж-
дает рвения прожектеров, но еще пуще подогревает его,
и их одинаково воодушевляет как надежда, так и отчая-
ние. Что касается самого Мьюноди, то он, не будучи че-
ловеком предприимчивым, продолжает действовать по
старинке, живет в домах, построенных его предками, и во
всем следует их примеру, не заводя никаких новшеств.
Еще несколько человек из знати и среднего дворянства
поступают так же, как и он, но на них смотрят с презре-

ишем и недоброжелательством, как на врагов науки, нежданно и вредных членов общества, приносящих прогрессу благо страны в жертву своему покою и лени.

В заключение его превосходительство сказал, что он поддерживается от сообщения мне дальнейших подробностей, не желая лишить меня удовольствия, которое я, наконец, получу при личном осмотре главной Академии, куда он решил свести меня. Он только попросил меня обратить внимание на разрушенные постройки на склоне горы, в трех милях от нас; он рассказал мне, что на расстоянии полумили от дома у него была отличная мельница, которая работала при помощи воды, отведенной из большой реки, и удовлетворяла потребностям как его семьи, так и большинства арендаторов. Около семи лет тому назад к нему явилась компания прожекторов с предложением разрушить эту мельницу и построить новую на склоне горы, по хребту которой они собирались проложить длинный канал в качестве водохранилища, куда вода будет подниматься при помощи труб и машин и приводить в движение мельницу, так как ветер и воздух, толкая воду на вершине, сделают ее будто бы более текучей и при падении ее понадобится для вращения мельничного колеса вдвое меньше, чем в том случае, когда она течет по почти ровной местности. Его превосходительство сказал, что, будучи тогда в несколько натянутых отношениях с двором и уступая увещаниям друзей, он согласился привести этот проект в исполнение; после двухлетних работ, на которых было занято сто человек, предприятие потерпело крах, и прожекторы скрылись, свалив всю вину на него, постоянно издеваясь над ним с тех пор и подбивая других проделать такой же эксперимент, с таким же ручательством за успех и с таким же разочарованием напоследок.

Спустя несколько дней мы возвратились в город. Его превосходительство, приняв во внимание дурную репутацию, которой он пользовался в Академии, не считал удобным сопровождать меня туда, но поручил свести меня туда одному своему другу. Мой хозяин отрекомендовал меня как человека, увлекающегося новыми техническими изобретениями, весьма любознательного и легковверного, что, впрочем, было недалеко от истины, ибо в молодости и сам был большим прожектором.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Автору дозволяют осмотреть Великую Академию в Лагада.
Подробное описание Академии. Искусства, изучением кото-
рых занимаются профессора.*

ообразив, что читатели сильно пожелают узнать подробности об университете лапутян, постарался подробно описать его.

Великая Академия занимает не одно здание, а два ряда домов по обеим сторонам улицы, где был раньше пустырь купленный и застроенный исключительно для Академии.

Ректор Академии оказал мне благосклонный прием, и я посещал Академию ежедневно в течение довольно продолжительного времени. В каждой комнате занималось по одному или несколько прожектеров, и я полагаю, что таких комнат Академии не менее пятисот.

Первый ученый, которого я посетил, был тощий человек с закопченным лицом и руками, с длинными, всклокоченными и местами опаленными волосами и бородой. Его платье, рубаха и кожа были такого же цвета. Восемь лет он разрабатывал проект извлечения солнечных лучей из огурцов; добытые таким образом лучи он собирал заключить в герметически закупоренные склянки, чтобы затем пользоваться ими для согревания воздуха в случае холодного и дождливого лета. Он не сомневался, что еще через восемь лет будет иметь возможность продавать солнечные лучи для губернаторских садов по умеренной цене; но он жаловался, что запасы его невелики, и просил меня дать ему что-нибудь, в качестве поощрения за изобретательность, тем более, что в этом году огурцы очень дороги. Я предложил профессору несколько монет, которыми предусмотрительно снабдил меня мой хозяин, хорошо знавший привычку этих господ выпрашивать милостыню у каждого, кто посещает их.

Войдя в другую комнату, я чуть было не выскочил

тчас же вон, потому что едва не задохся от ужасного
 лония. Однако мой спутник удержал меня, шепотом
 навав, что необходимо войти, иначе мы нанесем боль-
 шую обиду; таким образом, я принужден был следовать
 за ним, не затыкая даже носа. Изобретатель, сидевший в
 той комнате, был одним из старейших членов Академии.
 Лицо и борода ученого были бледно-желтые; его руки и
 пальцы были все испачканы нечистотами. Когда я был
 представлен, он крепко обнял меня (любезность, без ко-

рой я отлично мог бы обойтись). С первого дня своего
 вступления в Академию он занимается превращением че-
 ловеческих экскрементов в те питательные вещества, из
 которых они образовались, путем отделения от них не-
 скольких составных частей, удаления окраски, сообще-
 ния им желчи, выпаривания зловония и выделения слю-
 ной. Город ежедневно отпускал ученому посудину, напол-
 ненную человеческими нечистотами, величиной с бри-
/>
 тольскую бочку.

Там же я увидел другого ученого, занимавшегося пе-
 ригиганием льда в порошок. Он показал мне написанное
 им исследование о ковкости пламени, которое он соби-
 рается опубликовать.

Там был также весьма изобретательный архитектор,
 разрабатывавший способ постройки домов, начиная с
 крыши и кончая фундаментом. Он оправдывал мне этот
 способ ссылкой на приемы двух мудрых насекомых —
 пчелы и паука.

Там был, наконец, слепорожденный, под руководством которого занималось несколько таких же слепых учеников. Их занятия состояли в смешивании красок для живописцев, каковые профессор учил распознавать при помощи обоняния и осязания. Правда, на мое несчастье во время моего посещения они не особенно удачно справлялись со своей задачей, да и сам профессор постоянно совершал ошибки. Ученый этот пользуется большим уважением своих коллег.

В другой комнате меня очень позабавил изобретатель, открывший способ пахать землю при помощи свиньи. Таким образом можно было избавиться от расхода на плуги, скот и рабочих. Способ этот заключается в следующем: на десятине земли вы закапываете на расстоянии шести дюймов и на глубине восьми известное количество желудей, фиников, каштанов и других плодов или орешек, до которых особенно лакомы свиньи; затем вы выгоняете на это поле штук шестьсот или больше свиней, и они в течение нескольких дней, в поисках пищи, взрыхляют всю землю, сделав ее пригодной для посева и в то же время удобрив ее своим навозом. Правда, проведенный опыт показал, что такая обработка земли требует больших хлопот и расходов, а урожай ничтожен. Однако никто не сомневается, что это изобретение поддается усовершенствованию и имеет блестящую будущность.

Я вошел в следующую комнату, где стены и потолок были сплошь затянуты паутиной, за исключением узкого прохода для изобретателя. Едва я показался в двери, как последний громко закричал мне, чтобы я был осторожен и не порвал его паутины. Он стал жаловаться на роковую ошибку, которую совершал до сих пор мир, утилизируя шелковичных червей, тогда как у нас всегда по рукам множество насекомых, бесконечно превосходящих упомянутых червей, ибо они одарены всеми качествами не только прядильщиков, но и ткачей. Далее изобретатель указал, что утилизация пауков совершенно избавит от расходов на окраску тканей; и я вполне убедился в этом, когда он показал нам массу красивых разноцветных мух, которыми кормил пауков и цвет которых, по его уверениям, необходимо должен передаваться изготовленной пауком пряже. И так как у него были мухи всех цв

тов, то он надеялся удовлетворить вкусам каждого, как только ему удастся найти подходящую пищу для мух в виде камеди, масла и других клейких веществ и придать таким образом большую плотность и прочность нитям паутины.

Там же был астроном, проектировавший поместить солнечные часы на большой флюгер ратуши, с целью со-

гласовать годовые и суточные движения земли и солнца с случайными движениями ветра.

Я пожаловался в это время на легкие спазмы в желудке, и мой спутник привел меня в комнату знаменитого медика, особенно прославившегося лечением гастрических болезней путем двух противоположных операций, производимых одним и тем же инструментом. У него был большой раздувальный мех с длинным тонким накопчиком из слоновой кости. Доктор утверждал, что, вводя трубку на восемь дюймов в кишечник и раздувая мехи, он может привести кишки в такое состояние, что

они станут похожи на высохший пузырь. Если болезнь более упорна и жестока, доктор вводит трубку, когда мехи наполнены воздухом, и вгоняет этот воздух в тело больного; затем он вынимает трубку, чтобы вновь наполнить мехи, плотно закрывая на это время большим пальцем отверстие кишки. Эту операцию он повторяет три или четыре раза; после этого введенный в желудок воздух быстро устремляется наружу, увлекая с собой все вредные вещества (как вода из насоса), и больной выздоравливает. Я видел, как он произвел оба эксперимента над собакой, но не заметил, чтобы первый оказал какое-нибудь действие. После второго животное страшно раздулось и едва не лопнуло. Собака мгновенно околела, и мы покинули доктора, прилагавшего старания вернуть ее к жизни при помощи той же операции.

Я посетил еще много других комнат, но, заботясь о краткости, не стану утруждать читателя описанием всех диковин, которые я там видел.

До сих пор я познакомился только с одним отделением Академии; другое же отделение было предназначено для ученых, двигавших вперед умозрительные науки; о нем я и скажу несколько слов, предварительно упомянув еще об одном знаменитом ученом, известном здесь под именем *универсального искусника*. Он рассказывал нам, что вот уже тридцать лет посвящает все свои мысли улучшению человеческого существования. В его распоряжении две большие комнаты, наполненные удивительными диковинами, и пятьдесят помощников. Одни сгущают воздух в вещество сухое и осязаемое, извлекая из него селитру и процеживая водянистые и текучие его частицы; другие размягчают мрамор для подушек и подушечек для булавок; третьи приводят в окаменелое состояние копыта живой лошади, чтобы предохранить их от изнашивания. Что касается самого искусника, то он занят был в то время разработкой двух великих замыслов; первый из них — обсеменение полей мякиной, в которой, по его утверждению, заключена настоящая производительная сила, что он доказывал множеством экспериментов, для меня, к сожалению, совершенно непонятных; а второй — приостановка роста шерсти на двух ягнятах при помощи особого прикладываемого снаружи состава из камеди, минеральных и растительных веществ;

и он надеялся в недалеком будущем развести во всем королевстве породу голых овец.

После этого мы пересекли двор и вошли в другое отделение Академии, где, как я уже сказал, заседали прожектеры в области умозрительных наук.

Первый профессор, которого я здесь увидел, помещался в огромной комнате, окруженный сорока учениками. Мы обменялись взаимными приветствиями. Увидя, что я внимательно рассматриваю станок, занимавший большую часть комнаты, он сказал, что я, быть может,

буду удивлен его работой над проектом, цель которого заключается в усовершенствовании умозрительного знания при помощи технических и механических операций. Но мир вскоре оценит всю полезность этого проекта; и он льстил себя уверенностью, что более возвышенная идея никогда еще не возникала ни в чьей голове. Каждому известно, как трудно изучать науки и искусства по общепринятой методе; между тем, с помощью его изобретения самый невежественный человек, произведя небольшие издержки и затратив немного физических усилий, может писать книги по философии, поэзии, политике, праву, математике и богословию при полном отсутствии эрудиции и таланта. Затем он подвел меня к станку, подле которого рядами стояли его ученики. Станок этот имеет двадцать квадратных футов и помещается посредине комнаты. Поверхность его состоит из множества деревянных дощечек, каждая величиною в игральную кость, одни побольше, другие поменьше. Все они сцеплены между собой тонкими проволоками. С обеих сторон каждой дощечки

приклеено по кусочку бумаги; на этих бумажках написаны все слова их языка, в различных наклонениях, временах и падежах, но без всякого порядка. Профессор попросил меня быть внимательнее, так как он собирался пустить в ход свою машину. По команде этого ученого мужа каждый ученик взял железную рукоятку, которые в числе сорока были вставлены по краям станка; после того как ученики сделали несколько оборотов рукоятками, расположение слов совершенно изменилось. Тогда профессор приказал тридцати шести ученикам медленно читать образовавшиеся строки в том порядке, в каком они разместились в раме; если случалось, что три или четыре слова составляли часть фразы, ее диктовали остальным четверем ученикам, исполнявшим роль писцов. Это упражнение было повторено три или четыре раза, и машина была так устроена, что после каждого оборота слова принимали все новое расположение по мере того, как квадратики переворачивались с одной стороны на другую.

Молодые студенты занимались этими упражнениями по шести часов в день; и профессор показал мне множество томов in-folio *, составленных из подобных отрывочных фраз; он намеревался связать их вместе и из полученного таким образом материала дать миру полный компендий всех искусств и наук; эта работа могла бы быть, однако, еще более улучшена и значительно ускорена, если бы удалось собрать фонд для сооружения пятисот таких станков в Лагадо и сопоставить фразы, полученные на каждом из них.

Он сообщил мне, что это изобретение с юных лет поглощает все его мысли, что теперь в его станок входит целый словарь и что им точнейшим образом высчитано соотношение числа частиц, имен, глаголов и других частей речи, употребляемых в наших книгах.

Я принес глубочайшую благодарность этому почтенному мужу за его любезное посвящение меня в тайны своего великого изобретения и дал обещание, если мне удастся когда-нибудь вернуться на родину, воздать ему должное, как единственному изобретателю этой изумительной машины, форму и устройство которой я попросил у него позволение срисовать на бумаге. Я сказал ему, что в Европе хотя и существует между учеными обычай

похищать друг у друга изобретения, имеющий, впрочем, ту положительную сторону, что возбуждает полемику для разрешения вопроса, кому принадлежит подлинное первенство, тем не менее я обещаю принять все меры, чтобы честь этого изобретения всецело осталась за ним и никем не оспаривалась.

После этого мы пошли в школу языкознания, где заседали три профессора в ученой конференции, посвященной вопросу об усовершенствовании родного языка. Первый проект предлагал сократить разговорную речь путем сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного уничтожения всех слов; автор этого проекта ссылался главным образом на его пользу для здоровья и сбережение времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием легких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни. А так как слова суть только названия *вещей*, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний. Это изобретение, благодаря его большим удобствам и пользе для здоровья, по всей вероятности, получило бы широкое распространение, если бы женщины, войдя в стачку с невежественной чернью, не пригрозили поднять восстание, требуя, чтобы языку их была предоставлена полная воля согласно старому дедовскому обычаю: так простой народ постоянно оказывается непримиримым врагом науки! Тем не менее, многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим способом выражения мыслей при помощи вещей. Единственным неудобством является то обстоятельство, что в случае необходимости вести пространный разговор на разнообразные темы собеседникам приходится таскать на плечах большой узел с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух здоровых парней. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа; затем складывали свои

пожитки, помогали друг другу взвалить их на плечи, прощались и расходились.

Впрочем, для коротких и несложных разговоров можно носить все необходимое в кармане или под мышкой, а разговор, происходящий в домашней обстановке, не вызывает никаких затруднений. Поэтому комнаты, где собираются лица, применяющие этот метод, наполнены всевозможными предметами, пригодными служить материалом для таких искусственных разговоров.

Другим великим преимуществом этого изобретения является то, что им можно пользоваться как всемирным языком, понятным для всех цивилизованных наций, ибо мебель и домашняя утварь всюду одинакова или очень похожа, так что ее употребление легко может быть понято. Таким образом посланники без труда могут говорить с иностранными королями и их министрами, язык которых им совершенно не известен.

Я посетил также математическую школу, где учитель преподает эту науку по такой методе, какую едва ли возможно представить себе у нас в Европе. Каждая теорема с доказательством тщательно переписывается на тоненькой облатке чернилами, составленными из микстуры против головной боли. Ученик глотает облатку натошак и в течение трех следующих дней не ест ничего, кроме хлеба и воды. Когда облатка переваривается, микстура поднимается в мозг, принося с собой туда же теорему. Однако до сих пор успех этого метода незначителен, что объясняется отчасти какой-то ошибкой в определении дозы или состава микстуры, а отчасти озорством мальчишек, которым эта пилюля так противна, что они стараются после приема выплюнуть ее прежде, чем она успеет оказать свое действие; к тому же, их никак не удастся убедить соблюдать в точности предписанное воздержание.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Продолжение описания Академии. Автор предлагает некоторые усовершенствования, которые с благодарностью принимаются.

В школе политических прожектеров я не был особенно порадован. Тамошние профессора были, на мой взгляд, людьми совершенно рехнувшимися, а такое зрелище всегда наводит на меня тоску. Эти несчастные предлагали способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных; научить министров принимать в расчет общественное благо; награждать людей достойных, талантливых, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познанию их истинных интересов, которые основаны на интересах их народов; поручать должности лицам, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы занимать их; и множество других диких и невозможных фантазий, которые никогда еще не зарождались в головах людей здравомыслящих. Таким образом, я еще раз убедился в справедливости старинного изречения, что на свете нет такой нелепости, которую бы иные философы не защищали как истину.

Я должен, однако, отдать справедливость этому отделению Академии и признать, что не все в нем имело такой химерический характер. Так, я познакомился там с одним весьма талантливым доктором, который, по-видимому, в совершенстве изучил природу и механизм правительственной власти. Этот знаменитый муж с большой пользой посвятил свое время изучению радикальных лекарств от всех болезней и нравственной испорченности, которым подвержены различные общественные власти, благодаря порокам и слабостям правителей, с одной стороны, и распушенности управляемых — с другой. Так, например, поскольку все писатели и философы единогласно утверждают, что существует большая аналогия

между естественным и политическим телом, то не ясно ли ясно, что здоровье обоих тел должно сохраняться и болезни лечиться одними и теми же средствами? Всеми признано, что сенаторы и члены высоких палат часто страдают многословием, запальчивостью и другими дурными наклонностями; многими болезнями головы и особенно сердца, сильными конвульсиями с мучительными сокращениями нервов и мускулов обеих рук, и особенно правой; разлитием желчи, ветрами в животе, головокружением, бредом; золотушными опухолями, наполненными гнойным и зловонным веществом; кислыми отрыжками; волчьим аппетитом, несварением желудка и массой других болезней, которые не к чему перечислять. Вследствие этого знаменитый доктор предлагает, чтобы во время созыва сената на первых трех его заседаниях присутствовало несколько врачей, которые, по окончании прений, щупали бы пульс у каждого сенатора; затем, по зрелом обсуждении характера каждой болезни и метода ее лечения, врачи эти должны возвратиться на четвертый день в залу заседаний, в сопровождении аптекарей, снабженных необходимыми медикаментами, и, прежде чем сенаторы начнут совещание, дать каждому из них: утолительного, слабительного, очищающего, разъедающего, вяжущего, облегчительного, расслабляющего, противоголового, противожелтушного, противомокротного, противоушного, смотря по роду болезни; испытав действие лекарств, в следующее заседание врачи должны или повторить, или переменить, или перестать давать их.

Осуществление этого проекта должно обойтись недорого, и он может, по моему скромному мнению, принести много пользы для ускорения делопроизводства в тех странах, где сенат принимает какое-нибудь участие в законодательной власти; породить единодушие, сократить прения, открыть несколько ртов, теперь закрытых, и закрыть гораздо большее число открытых; обуздать пыл молодости и смягчить сухость старости; расшевелить тупых и охладить горячих.

Далее: так как все жалуются, что фавориты государей страдают короткой и слабой памятью, то тот же доктор предлагает каждому, получившему аудиенцию у первого министра, по изложению в самых коротких и ясных словах сущности дела, на прощанье ухватить министра

за нос, или дать ему пинок в живот, или наступить на мозоль, или надрать ему уши, или уколоть через штаны булавкой, или ущипнуть до синяка за руку и тем предотвратить министерскую забывчивость. Операцию следует повторять каждый приемный день, пока просьба не будет исполнена или не последует категорический отказ.

Он предлагает также, чтобы каждый сенатор, высказав в большом национальном совете свое мнение и приведя в его пользу доводы, подавал свой голос за прямо противоположное мнение, и ручается, что при соблюдении этого предписания исход голосования всегда будет благодетелен для государства.

Если раздоры между партиями становятся ожесточенными, он рекомендует замечательное средство примирения. Оно заключается в следующем: вы берете сотню лидеров каждой партии и разбиваете их на пары, так чтобы головы людей, входящих в каждую пару, были приблизительно одинаковой величины; затем пусть два искусных хирурга отпилят одновременно затылки у каждой пары таким образом, чтобы мозг разделился на две равные части. Пусть будет произведен обмен срезанными затылками, и каждый из них приставлен к голове политического противника. Операция эта требует, по-видимому, большой тщательности, но профессор уверял нас, что если она сделана искусно, то выздоровление обеспечено. Он рассуждал следующим образом: две половинки головного мозга, принужденные спорить между собой в пространстве одного черепа, скоро придут к доброму соглашению и породят ту умеренность и ту правильность мышления, которые так желательны для голов людей, воображающих, будто они появились на свет только для того, чтобы стоять на страже его и управлять его движениями.

Что же касается качественного или количественного различия между мозгами вождей враждующих партий, то, по уверениям доктора, основанным на продолжительном опыте, это сущие пустяки.

Я присутствовал при жарком споре двух профессоров о наиболее удобных и действительных путях и способах взимания податей, так чтобы они не отягощали население. Один утверждал, что справедливее всего обложить известным налогом пороки и безрассудства, причем сумма обложения в каждом отдельном случае должна определяться самым справедливым образом жюри, составленным из соседей облагаемого. Другой был прямо противоположного мнения: должны быть обложены налогом то качества тела и души, за которые люди больше всего ценят себя; налог должен повышаться или понижаться, смотря по степени совершенства этих качеств, оценку которых следует всецело предоставить совести самих плательщиков. Наиболее высоким налогом облагаются лица, пользующиеся наибольшей благосклонностью другого пола, и ставка налога определяется соответственно

количеству и природе полученных ими знаков благорасположения; причем сборщики податей должны довольствоваться их собственными показаниями. Он предлагал также обложить высоким налогом ум, храбрость и учтивость и взимать этот налог тем же способом, то есть сам плательщик определяет степень, в какой он обладает указанными качествами. Однако честь, справедливость, мудрость и знания не подлежат обложению, потому что оценка их до такой степени субъективна, что не найдется человека, который признал бы их существование у своего ближнего или правильно оценил их у самого себя.

Женщины, по его предложению, должны быть обложены налогом соответственно их красоте и уменью одеваться, причем им, как и мужчинам, следует предоставлять право самим расценивать себя. Но женское постоянство, целомудрие, здравый смысл и добрый нрав не должны быть облагаемы, так как доходы от этих статей едва ли покроют издержки по взиманию налога.

Чтобы заставить сенаторов служить интересам короны, он предлагает распределять среди них высшие должности по жребию, причем каждый из сенаторов должен сперва присягнуть и поручиться в том, что будет голосовать в интересах двора, независимо от того, какой жребий выпадет ему; однако неудачники обладают правом снова тянуть жребий при освобождении какой-нибудь вакансии. Таким образом, у сенаторов всегда будет поддерживаться надежда на получение места; никто из них не станет жаловаться на неисполнение обещания, и неудачники будут вваливать свои неудачи на судьбу, у которой плечи шире и крепче, чем у любого министра.

Другой профессор показал мне обширную рукопись инструкций для открытия противоправительственных заговоров. Он рекомендует государственным мужам исследовать пищу всех подозрительных лиц, разузнать, в какое время они садятся за стол, на каком боку спят и прочее и прочее...

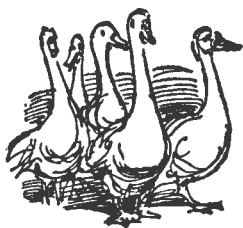
Все рассуждение написано с большой проницательностью и включает в себе много наблюдений, любопытных и полезных для государственных людей, хотя эти наблюдения показались мне недостаточно полными. Я отва-

жился сказать это автору и предложил, если он пожелает, сделать некоторые добавления. Он принял мое предложение с большей благожелательностью, чем это обычно бывает у писателей, особенно тех, которые занимаются составлением проектов, заявив, что будет рад услышать дальнейшие указания.

Тогда я сказал ему, что в королевстве Трибниа, навываемом туземцами Лангден, где я пробыл некоторое время в одно из моих путешествий, большая часть населения состоит сплошь из разведчиков, свидетелей, донощиков, обвинителей, истцов, очевидцев, присяжных, вместе с их многочисленными подручными и помощниками, находящимися на жалованье у министров и депутатов. Заговоры в этом королевстве обыкновенно являются махинацией людей, желающих укрепить свою репутацию тонких политиков; вдохнуть новые силы в одряхлевшие органы власти; задушить или отвлечь общественное недовольство; наполнить свои сундуки конфискованным имуществом; укрепить или подорвать доверие к государственному кредиту, согласуя колебания курса с своими личными выгодами. Прежде всего они соглашаются и определяют промеж себя, кого из заподозренных лиц обвинить в составлении заговора; затем прилагаются все старания, чтобы захватить письма и бумаги таких лиц, а их авторов заковать в кандалы. Захваченные письма и бумаги передаются в руки специальных знатоков, больших искусников по части нахождения таинственного значения слов, слогов и букв. Так, например, они открыли, что

сиденье на стульчаке означает тайное совещание;

стая гусей — сенат;

хромая собака — претендента *;

чума — постоянную армию;

сарыч — первого министра;

подагра — архиепископа;

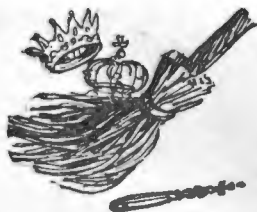
виселица — государственного секретаря;

ночной горшок — комитет вельмож;

решето — фрейлину;

метла — революцию;

мышеловка — государственную службу;

бездонная бочка — казначейство;

помойная яма — двор;

дурацкий колпак — фаворита;

сломанный тростник — судебную палату;

пустая бочка — генерала;

гноящаяся рана — систему управления.

Если этот метод оказывается недостаточным, они руководствуются двумя другими, более действительными, известными между учеными под названием *акrostихов* и *анаграмм* *. Один из этих методов позволяет им расшифровывать все инициалы, согласно их политическому смыслу. Так

N — будет означать заговор;
B — кавалерийский полк;
L — флот на море.

Пользуясь вторым методом, заключающимся в перестановке букв подозрительного письма, можно прочесть самые затаенные мысли и узнать самые сокровенные намерения недовольной партии. Например, если я в письме к другу говорю: «Наш брат Том нажил геморрой», искусный дешифровальщик из этих самых букв прочесть фра-

зу, что заговор открыт, надо сопротивляться и т. д. Это и есть анаграмматический метод.

Профессор горячо поблагодарил меня за сообщение этих наблюдений и обещал сделать почетное упоминание обо мне в своем трактате.

Ничто более в этой стране не привлекало к себе моего внимания, и я стал подумывать о возвращении в Англию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Автор оставляет Лагадо и прибывает в Мальдонадо. Он не попадает на корабль. Совершает короткое путешествие в Габбдобдриб. Прием, оказанный автору правителем этого острова.

онтинент, частью которого является это королевство, простирается, как я имею основание думать, на восток по направлению к неисследованной области Америки, к западу от Калифорнии; на север он тянется по направлению к Тихому океану, который находится на расстоянии не более ста пятидесяти миль от Лагадо; здесь есть прекрасный порт,

ведущий оживленную торговлю с большим островом Лаггнегг, расположенным на северо-запад под 29° северной широты и 140° долготы. Остров Лаггнегг лежит на юго-восток от Японии на расстоянии около ста лиг. Японский император и король Лаггнегга живут в тесной дружбе, благодаря которой между двумя этими островами происходят частые сообщения. Поэтому я решил направить свой путь туда с целью при первом случае возвратиться в Европу. Я нанял двух мулов и проводника, чтобы он указал мне дорогу и перевез мой небольшой багаж. Простившись с моим благородным покровителем, оказавшим мне столько услуг и сделавшим богатый подарок, я отправился в путь.

Мое путешествие прошло без всяких случайностей или приключений, о которых стоило бы упомянуть. Когда я прибыл в Мальдонадо (морской порт острова), там не только не было корабля, отправляющегося в Лаггнегг, но и не предвиделось в близком будущем. Город этот величиной с Портсмут. Вскоре я завел здесь некоторые знакомства и был принят весьма гостеприимно. Один знатный господин сказал мне, что так как корабль, идущий в Лаггнегг, будет готов к отплытию не ранее чем через месяц, то мне, может быть, доставит некоторое удоволь-

ствие экскурсии на островок Глаббдобдриб, лежащий в пяти лигах к юго-западу. Он предложил сопровождать меня вместе со своим другом и достать мне для этой поездки небольшой удобный баркас.

Слово Глаббдобдриб, насколько для меня понятна его этимология, означает остров *чародеев* и *волшебников*. Он равняется одной трети острова Уайта и очень плодороден. Им управляет глава племени, сплошь состоящего из волшебников. Жители этого острова вступают в браки только между собою, и старейший в роде является монархом или правителем. У него великолепный дворец с огромным парком в три тысячи акров, окруженным каменной стеной в двадцать футов вышины. В этом парке есть несколько огороженных мест для скотоводства, хлебопашества и садоводства.

Слуги этого правителя и его семьи имеют несколько необычный вид. Благодаря хорошему знанию некромантии, правитель обладает силой вызывать по своему желанию мертвых и заставляя их служить себе в течение двадцати четырех часов, но не дольше; равным образом он не может вызывать одно и то же лицо чаще чем раз в три месяца, исключая каких-нибудь чрезвычайных случаев.

Когда мы прибыли на остров, было около одиннадцати часов утра; один из моих спутников отправился к пра-

водителю испросить у него аудиенцию для иностранца, который явился на остров в надежде удостоиться высокой чести быть принятым его высочеством. Правитель немедленно дал свое согласие, и мы все трое вошли в дворцовые ворота между двумя рядами стражи, вооруженной и одетой по весьма старинной моде; в выражении лиц стражников было нечто такое, что наполнило меня невыразимым ужасом. Мы миновали несколько комнат между двумя рядами таких же слуг и пришли в аудиенц-зал, где, после трех глубоких поклонов и нескольких общих вопросов, нам было разрешено сесть на три табурета у нижней ступеньки трона его высочества. Правитель понимал язык Бальнибарби, хотя он несколько отличается от местного наречия. Он задал мне несколько вопросов о моих путешествиях и, желая показать, что со мной будут обращаться запросто, дал знак присутствующим удалиться, после чего, к моему величайшему изумлению, они мгновенно исчезли, как исчезает сновидение, когда мы внезапно просыпаемся. Некоторое время я не мог прийти в себя, пока правитель не уверил меня, что я нахожусь здесь в безопасности. Видя полное спокойствие моих двух спутников, привыкших к подобного рода приемам, я понемногу пришел в себя и вкратце рассказал его высочеству некоторые из моих приключений; но я не мог окончательно подавить своего волнения и часто оглядывался назад, чтобы взглянуть на те места, где стояли исчезнувшие слуги-призраки. Я удостоился чести обедать вместе с правителем, причем новый отряд привидений подавал кушанья и прислуживал за столом. Однако теперь все это не так пугало меня, как утром. Я оставался во дворце до захода солнца, но почтительно попросил его высочество извинить меня за то, что я не могу принять его приглашение остановиться во дворце. Вместе с своими друзьями я переночевал на частной квартире в городе, являющемся столицей этого островка, и на другой день утром мы снова отправились к правителю засвидетельствовать ему свое почтение и предоставить себя в его распоряжение.

Так мы провели на острове десять дней, большую часть дня у правителя, а ночь на городской квартире. Скоро я до такой степени свыкся с обществом теней и духов, что на третий или четвертый день они уже не вы-

ывали у меня ни малейшего волнения, или по крайней мере если у меня и осталось немного страха, то любопытство превозмогало его. Видя это, его высочество правитель предложил мне назвать имена каких мне вздумается лиц и в каком угодно числе среди всех умерших от начала мира и до настоящего времени и задать им какие угодно вопросы, лишь бы только они касались событий, происходивших при их жизни. И я во всяком случае могу быть уверен, что услышу только правду, так как ложь есть искусство, совершенно бесполезное на том свете.

Я почтительно выразил его высочеству свою признательность за такую высокую милость. В это время мы находились в комнате, откуда открывался красивый вид на парк, и так как мое воображение было настроено торжественно и мне рисовались величественные сцены, то я пожелал увидеть Александра Великого * во главе его армии, тотчас после битвы под Арбелой *. И вот, по мановению пальца правителя, он немедленно появился передо мной на широком поле под окном, у которого мы стояли. Александр был приглашен в комнату; с большими затруднениями я разбирал его речь на древнегреческом языке, с своей стороны он тоже плохо понимал меня. Он поклялся мне, что не был отравлен, а умер от лихорадки благодаря неумеренному пьянству.

Затем я увидел Ганибала * во время его перехода через Альпы, который объявил мне, что у него в лагере не было ни капли укуса *.

Я видел Цезаря и Помпея * во главе их войск, готовых вступить в сражение. Я видел также Цезаря в момент его последнего торжества. Затем я попросил вызвать римский сенат, поместив его в одной большой комнате и для сравнения с ним современный парламент в другой. Первый казался собранием героев и полубогов, второй — сборищем разносчиков, карманных воришек, грабителей и буянов.

По моей просьбе правитель сделал знак Цезарю и Бруту * приблизиться к нам. При виде Брута я проникся глубоким благоговением; в каждой черте этого благородного лица нетрудно было увидеть самую совершенную добродетель — величайшее бесстрашие и твердость духа, преданнейшую любовь к родине и благожелательность к

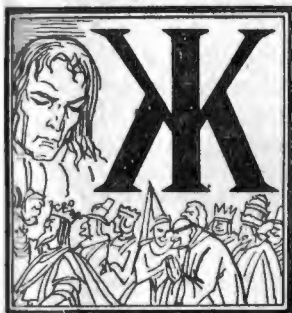

людям. С большим удовольствием я убедился, что оба эти человека находятся в отличных отношениях друг с другом, и Цезарь откровенно признался мне, что величайшие подвиги, совершенные им в течение жизни, далеко не могут сравниться со славой того, кто отнял у него эту жизнь. Я удостоился чести вести долгую беседу с Брутом, в которой он, между прочим, сообщил мне, что его предки: Юний, Сократ, Эпаминонд, Катон Младший, сэр Томас Мур *, и он сам всегда находятся вместе: секстумвират, к которому вся история человечества не может прибавить седьмого члена.

Я утомил бы читателя перечислением всех знаменитых людей, вызванных правителем для удовлетворения моего ненасытного желания видеть мир во все эпохи его древней истории. Больше всего я наслаждался лицезрением людей, истреблявших тиранов и узурпаторов и восстанавливавших свободу и попранные права угнетенных народов. Но я не способен передать волновавшие меня чувства в такой форме, чтобы заинтересовать читателя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Продолжение описания Глаббдобдриба. Поправки к древней и новой истории.

елая увидеть тех мужей древности, которые прославили свое имя умом и познаниями, я посвятил этому особый день. Мне пришло на мысль вызвать Гомера и Аристотеля * во главе всех их комментаторов; но последних оказалось так много, что несколько сот их принуждены были подождать на дворе и в других комнатах дворца.

С первого же взгляда я узнал этих двух героев и не только отличил их от толпы, но и друг от друга. Гомер был красивее и выше Аристотеля, держался очень прямо для своего возраста, и глаза у него были необыкновенно живые и проницательные. Аристотель был сильно сгорблен и опирался на палку; у него было худощавое лицо, прямые редкие волосы и глухой голос. Я скоро заметил, что оба великих мужа совершенно чужды остальной компании, никогда этих людей не видели и ничего о них не слышали. Один из призраков, имени которого я не назову, шепнул мне на ухо, что на том свете все эти комментаторы держатся на весьма почтительном расстоянии от своих принципалов, благодаря чувству стыда и сознанию своей виновности в чудовищном искажении для потомства смысла произведений этих авторов. Я познакомил Дидима и Евстафия * с Гомером и убедил его отнестись к ним лучше, чем, может быть, они заслуживали, ибо он скоро обнаружил, что оба комментатора слишком бездарны и не способны проникнуть в дух поэта. Но Аристотель потерял всякое терпение, когда я представил ему Скота и Рамуса * и стал излагать ему их взгляды; он спросил их, неужели и все остальное племя комментаторов состоит из таких же олухов, как они.

Затем я попросил правителя вызвать Декарта и Гассенди *, которым предложил изложить Аристотелю их

системы. Этот великий философ откровенно признал свои ошибки в естественной философии, потому что во многих случаях его рассуждения были основаны на догадках, как это приходится делать всем людям; и он высказал предположение, что Гассенди, разработавший в современном вкусе учение Эпикура *, и Декарт с его теорией вихрей будут одинаково отвергнуты потомством. Он предсказал ту же участь теории тяготения *, которую с таким рвением отстаивают современные ученые. При этом он заметил, что новые системы природы, подобно новой моде, меняются с каждым поколением и что даже тот, кто пытается доказать их математическим методом, успевает в этом не надолго и выходит из моды, когда наступают назначенные судьбой сроки.

В продолжение пяти дней я вел беседы также и со многими другими учеными древнего мира. Я видел большинство римских императоров. Я стал упрашивать правителя вызвать поваров Гелиогабала *, чтобы они приготовили для нас обед, но, за недостатком материалов, они не могли показать нам как следует своего искусства. Один илот Агесилая * сделал нам спартанскую похлебку, но, отведав ее, я не мог проглотить второй ложки.

Сопровождавшие меня на остров два джентльмена должны были съездить по делам домой на три дня. Это время я употребил на свидания с великими людьми, умершими в течение двух или трех последних столетий, славными в моем отечестве или других европейских странах. Будучи всегда большим поклонником древних знаменитых родов, я попросил правителя вызвать дюжину или две королей с их предками, в количестве восьми или девяти поколений. Но меня постигло мучительное и неожиданное разочарование. Вместо величественного ряда венценосных особ я увидел в одной династии двух скрипачей, трех ловких царедворцев и одного итальянского прелата; в другой — цирюльника, аббата и двух кардиналов. Но я питаю слишком глубокое почтение к коронованным головам, чтобы останавливаться дольше на этом щекотливом предмете. Что же касается графов, маркизов, герцогов и тому подобных лиц, то с ними я не был так щепетилен, и признаюсь, что не без удовольствия прослеживал до первоисточника своеобразные черточки, которые

ми отличаются некоторые знатные роды. Я без труда мог открыть, откуда в одном роду происходит длинный подбородок; почему другой род в двух поколениях изобилует мошенниками, а в двух следующих дураками; почему третий состоит из помешанных, а четвертый из негодяев; чем объясняются слова, произнесенные Полидором Виргилием * по поводу одного знатного рода: *Nec vir fortis, nec foemina casta**; каким образом жестокость, лживость и трусость стали характерными чертами некоторых фамилий, отличающими их так же ясно, как фамильные гербы; кто первый занес в тот или другой благородный род дифилис, перешедший в следующие поколения в форме золотушных опухолей. Все это перестало меня поражать, когда я увидел столько нарушений родословных линий пажками, лакеями, кучерами, игроками, скрипачами, комедиантами, полководцами и карманными воришками.

Особенно сильное отвращение вызвала у меня новая история. И в самом деле, когда я увидел воочию людей, которые в течение прошедшего столетия пользовались громкой славой при дворах королей, то понял, в каком рабстве держат мир продажные писаки, приписывающие величайшие военные подвиги трусам, мудрые советы — дуракам, искренность — льстецам, римскую доблесть — изменникам отечества, набожность — безбожникам, целомудрие — содомитам, правдивость — доносчикам. Я узнал, сколько невинных превосходных людей было приговорено к смерти или изгнанию благодаря пронкам могущественных министров, подкупавших судей, и фракционной злобе; сколько подлецов возводилось на высокие должности, облакалось доверием, властью, почетом и осыпалось материальными благами; какое огромное участие принимали в дворцовых движениях, государственных советах и сенатах сводники, проститутки, паразиты и шуты. Какое невысокое составилось у меня мнение о человеческой мудрости и честности, когда я получил правильные сведения о пружинах и мотивах великих мировых событий и революций и о тех ничтожных случайностях, которым они обязаны своим успехом.

Там я открыл недобросовестность и невежество тех, кто притязает писать анекдоты или секретные мемуары; кто отправляет на тот свет столько королей, поднося им кубок с ядом; кто подробно пересказывает происходив-

шие без свидетелей разговоры государя с первым министром; кто посвящает вас в мысли и намерения посланников и государственных секретарей, но, к несчастью, постоянно при этом ошибается. Там я узнал истинные причины многих великих событий, поразивших мир; увидел, как непотребная женщина может управлять потайной лестницей, потайная лестница — советом министров, а совет министров — сенатом. Один генерал сознался в моем присутствии, что он одержал победу просто благодаря своей трусости и дурному командованию, а один адмирал открыл, что он победил неприятеля вследствие плохой командовленности, между тем как он собирался сдать свой флот. Три короля торжественно объявили мне, что за все их царствование они ни разу не назначили на государственные должности ни одного достойного человека, разве что по ошибке или вследствие предательства какого-нибудь министра, которому они доверились, но они ручались, что подобная ошибка не повторилась бы, если бы им пришлось царствовать снова; и с большой убедительностью они доказали мне, что без развращенности нравов невозможно удерживать королевский трон, потому что положительный, смелый, настойчивый характер, который создается у человека добродетелью, является большим неудобством для государственной деятельности.

Я любопытствовал получить точные сведения, каким способом добываются знатные титулы и огромные богатства. Я ограничил свои исследования самой недавней эпохой, не касаясь, впрочем, настоящего времени, и страха причинить обиду хотя бы иностранцам (ибо, я надеюсь, читателю нет надобности говорить, что все сказанное мной по этому поводу не имеет ни малейшего касательства к моей родине). По моей просьбе было вызвано множество титулованных лиц и богачей и, после самых поверхностных расспросов, передо мной раскрылась такая картина бесчестия, что я не могу спокойно вспоминать об этом. Вероломство, угнетение, подкуп, обман, сводничество и тому подобные мерзости были еще самыми простыми средствами из упомянутых ими, и потому, как требовало того благоразумие, я отнесся к ним весьма снисходительно. Но, когда одни из них сознались, что своим величием и богатством они обязаны содомии и кровосмешению, другие — торговле своими женами и де-

черьми, третьи — измене своему отечеству или государю, четвертые — отраве, а большая часть — нарушению правосудия с целью погубить невинного, то такие открытия, — я надеюсь мне простят это, — побудили меня несколько умерить чувство глубокого почтения, которым я от природы проникнут к высокопоставленным особам, как и подобает маленькому человеку по отношению к лицам, наделенным высокими достоинствами.

Часто мне приходилось читать о великих услугах, оказанных монархам и отечеству, и я исполнился желанием увидеть лиц, которыми эти услуги были оказаны. Однако мне ответили, что имена их невозможно найти в архивах, за исключением немногих, которых история изобразила отъявленнейшими мошенниками и предателями; о большинстве их мне никогда не приходилось слышать ни слова. Все они появились передо мной с удрученным видом и в очень худом платье, заявляя мне в большинстве случаев, что умерли в нищете и немилости, иногда даже на эшафоте или на виселице.

Среди них находился человек, судьба которого показалась мне исключительной. Подле него стоял восемнадцатилетний юноша. Человек этот сказал мне, что много лет он командовал кораблем, и в морском сражении при Акциуме счастливая судьба помогла ему пробиться сквозь ряды неприятельского флота и потопить три первоклассных неприятельских корабля, а четвертый захватить в плен, что было единственной причиной бегства Антония * и последовавшей затем победы; юноша же, стоявший подле него, был его единственный сын, убитый в этом сражении. Он прибавил, что, сознавая свои заслуги, он явился по окончании войны в Рим ко двору Августа * с просьбой назначить его командиром большого корабля, капитан которого был убит; но ходатайство его было оставлено без внимания, и командование кораблем было поручено юноше, никогда не видевшему моря, сыну либертины *, служанки одной из любовниц императора. По возвращении на свой корабль, достойный человек был обвинен в нерадивом исполнении служебных обязанностей, и его судно передано одному пажу, фавориту вице-адмирала Публиколы; после этого он удалился на бедную ферму, вдали от Рима, где и окончил свою жизнь. Мне так хотелось узнать, насколько справедлива эта

история, что я попросил вызвать Агриппу*, который командовал римским флотом в сражении при Акциуме. Агриппа подтвердил справедливость рассказа и добавил к нему много подробностей в пользу капитана, из скромности преуменьшившего или утаившего большую часть своих заслуг в этом деле.

Я был поражен столь быстрым ростом развращенности этой империи, обусловленным поздно проникшей в нее роскошью. Вследствие этого на меня не произвели уже такого впечатления аналогичные явления в других странах, где всевозможные пороки царили гораздо дольше и где слава и добыча издавна монополизированы главнокомандующими, которые, быть может, меньше всего имеют право на то и на другое.

Так как все вызываемые с того света лица сохраняли в мельчайших подробностях внешность, которую они имели при жизни, то естественно, что мной овладели мрачные мысли относительно вырождения человечества за последнее столетие: насколько венерические болезни со всеми их последствиями и разновидностями изменили все черты лица англичанина, уменьшили рост, послабили нервы, размятчили сухожилия и мускулы, прогнали румянец, сделали все тело дряблым и бессильным.

Я опустил до того, что попросил вызвать английских поселян старого закала, некогда столь славных простотою нравов, пищи и одежды, честностью в торговле, подлинным свободолюбием, храбростью и любовью к отечеству. Сравнив живых с покойниками, я был сильно удручен при виде того, как все эти чистые отечественные добродетели опозорены внуками, которые, продавая свои голоса во время выборов в парламент, приобрели все пороки и развращенность, каким только можно научиться при дворе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Автор возвращается в Мальдонадо и оттуда едет в королевство Лаггнегг. Его арестовывают и отправляют во дворец. Прием, оказанный автору во дворце. Милостивое отношение короля к своим подданным.

Когда наступил день нашего отъезда, я простился с его высочеством правителем Глаббдобдриба и возвратился с двумя моими спутниками в Мальдонадо, куда после двухнедельного ожидания прибыл корабль, отправляющийся в Лаггнегг. Два моих друга и еще несколько лиц были настолько любезны, что снабдили меня провизией и проводили на корабль. Я провел в дороге месяц. Мы перенесли сильную бурю и вынуждены были взять курс на запад, чтобы достигнуть области пассатных ветров, дующих здесь на пространстве около шестидесяти лиг. 21 апреля 1708 года мы вошли в реку Ключмстниг, устье которой служит морским портом, лежащим на юго-восточной оконечности Лаггнегга. Мы бросили якорь на расстоянии одной лиги от города и потребовали сигналом лодмана. Менее чем через полчаса к нам на борт взошли два лодмана и провели нас между рифами и скалами, по очень опасному проходу, в большую бухту, где корабли могли стоять в совершенной безопасности на расстоянии одного кабельтова от городской стены.

Некоторые из наших матросов, со злым ли умыслом или по оплошности, рассказали лодманам, что у них на корабле есть иностранец, знаменитый путешественник. Последние сообщили об этом таможенному чиновнику, который подверг меня строгому допросу, когда я вышел на берег. Он говорил со мной на языке Бальнибарби, который благодаря оживленной торговле хорошо известен в этом городе, особенно между моряками и служащими в таможне. Я вкратце рассказал ему некоторые из моих приключений, стараясь придать рассказу воз-

можно больше правдоподобия и связности. Однако я считал необходимым скрыть свою национальность и назвался голландцем, так как у меня было намерение отправиться в Японию, куда, как известно, из всех европейских открыт доступ только голландцам *. Поэтому я сказал таможенному чиновнику, что, потерпев кораблекрушение у берегов Бальнибарби и будучи выброшен на скалу, я был поднят на Лапуту, или Летучий Остров (о котором таможеннику часто приходилось слышать), и теперь пытаюсь добраться до Японии, откуда мне может представиться случай возвратиться на родину. Чиновник ответил мне, что он должен арестовать меня, покуда не последуют распоряжения от двора, куда он напишет немедленно, и надеется получить ответ в течение двух недель. Мне отвели удобное помещение, у входа в которое был поставлен часовой. Однако я мог свободно гулять по большому саду; обращались со мною довольно хорошо, и содержался я все время на счет короля. Множество лиц просило разрешения посетить меня, главным образом из любопытства, ибо разнесся слух, что я прибыл из весьма отдаленных стран, о существовании которых здесь никто не слышал.

Я пригласил переводчиком одного молодого человека, прибывшего вместе со мною на корабле; он был уроженец Лаггнегга, но несколько лет прожил в Мальдонаде и в совершенстве владел обоими языками. При его помощи я мог разговаривать с посетителями, но разговор этот состоял лишь из их вопросов и моих ответов.

Письмо из дворца было получено к ожидаемому нам сроку. В нем содержался приказ привезти меня со свитой, под конвоем десяти человек, в Тральдрегдаб, или Трильдрегдриб (насколько я помню, это слово произносится двояко). Вся моя свита состояла из упомянутого бедного юноши, переводчика, которого я уговорил поступить ко мне на службу; по моей почтительной просьбе каждому из нас дали по мулу. За полдня до нашего отъезда был послан гонец уведомить короля о моем скором прибытии и попросить у его величества назначить день и час, когда он милостиво соизволит удостоить меня чести *лизать пыль у подножия его трона*. Таков стили здешнего двора, и я убедился на опыте, что это не простая формула. В самом деле, когда через два дня по

моем прибытии я получил аудиенцию, то мне приказали ползти на брюхе и лизать пол по дороге к трону; впрочем, из уважения ко мне, как к иностранцу, пол был так чисто вымыт, что пыли на нем осталось немного. Это была необычайная милость, оказываемая лишь самым высоким сановникам, когда они испрашивали аудиенцию. Больше того: пол иногда нарочно посыпают пылью, если лицо, удостоившееся высочайшей аудиенции, имеет много могущественных врагов при дворе. Мне самому случилось раз видеть одного важного сановника, у которого рот до такой степени был набит пылью, что, подползая к трону на надлежащее расстояние, он не способен был вымолвить ни слова. И ничем не избавиться от этой пытки, так как плевать и вытирать рот во время аудиенции в присутствии его величества считается большим преступлением. При этом дворе существует еще один обычай, к которому я отношусь с крайним неодобрением. Когда король желает мягким и милостивым образом казнить кого-нибудь из сановников, он повелевает посыпать пол особым ядовитым коричневым порошком, полизав который приговоренный умирает в течение двадцати четырех часов. Впрочем, следует отдать должное великому милосердию этого монарха и его попечению о жизни подданных (в этом отношении европейским монархам не мешало бы подражать ему) и к чести его сказать, что после каждой такой казни отдается строгий приказ на чисто вымыть пол в аудиенц-зале, и в случае небрежного исполнения этого приказа слугам угрожает опасность навлечь на себя немилость монарха. Я сам слышал, как его величество давал распоряжение отстегать плетью одного пажа за то, что тот, несмотря на свою очередь, злонамеренно пренебрег своей обязанностью и не позаботился об очистке пола после казни; благодаря этой небрежности был отравлен явившийся на аудиенцию молодой, подававший большие надежды вельможа, хотя король в то время вовсе не имел намерения лишить его жизни. Однако добрый монарх был настолько милостив, что освободил пажа от порки, после того как тот пообещал, что больше не будет так поступать без специального распоряжения короля.

Возвратимся, однако, к нашему повествованию: когда я дополз ярда на четыре до трона, я осторожно встал на

колени и, стукнув семь раз лбом о пол, произнес следующие слова, заученные мною накануне: *Икплинг глоффзс-робб сквут скромм блиоп мяшинальт звин тнодбокеф слиофед гардлаб ашт.* Это приветствие установлено законами страны для всех лиц, допущенных к королевской аудиенции. Перевести его можно так: *Да переживет ваше небесное величество солнце на одиннадцать с половиною лун!* Выслушав приветствие, король задал мне вопрос, который я хотя и не понял, но ответил ему, как меня научили: *Флют дрин ялерик дуольдам прастред мирпуш,* что означает: *Язык мой во рту моего друга.* Этими словами я давал понять, что прошу обратиться к услугам моего переводчика. Тогда был введен уже упомянутый мной молодой человек, с помощью которого я отвечал на все вопросы, которые его величеству было угодно задавать мне в течение часа с лишним. Я говорил на бальнибарбийском языке, а переводчик передавал все сказанное мною по-лаггнеггски.

Я очень понравился королю, и он приказал своему *блиффмарклубу*, то есть обер-гофмейстеру, отвести во дворце помещение для меня и моего переводчика, назначив мне довольствие и предоставив кошелек с золотом на прочие расходы.

Я прожил в этой стране три месяца, повинувшись желанию его величества, который осыпал меня высокими милостями и делал мне очень лестные предложения. Но я счел более благоразумным и справедливым провести остаток своих дней с женою и детьми.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Похвальное слово лаггнеццам. Подробное описание струльдбругов со включением многочисленных бесед автора по этому поводу со многими выдающимися людьми.

агггнеццы обходительный и великодушный народ. Хотя они не лишены некоторой гордости, свойственной всем восточным народам, тем не менее они очень любезны с иностранцами, особенно с теми, кто пользуется расположением двора. Я сделал много знакомств среди людей самого высшего общества и при посредстве переводчика вел с ними прият-

ные и поучительные беседы.

Однажды, когда я находился в избранном обществе, мне был задан вопрос: видел ли я кого-нибудь из *струльдбругов* или *бессмертных*? Я отвечал отрицательно и попросил объяснить мне, что может означать это слово в приложении к смертным существам. Мой собеседник ответил мне, что изредка у кого-нибудь из лагггнеццев рождается ребенок с круглым красным пятнышком на лбу, как раз над левой бровью; это служит несомненным признаком, что такой ребенок никогда не умрет. Пятнышко имеет сначала величину серебряной монеты в три пенса, но с течением времени разрастается и меняет свой цвет; в двенадцать лет оно делается зеленым и остается таким до двадцати пяти, затем цвет его переходит в темно-синий. В сорок пять лет пятно становится черным, как уголь, и увеличивается до размеров английского шиллинга, после чего не подвергается дальнейшим изменениям. Дети с пятнышком рождаются, впрочем, так редко, что, по мнению моего собеседника, во всем королевстве не наберется больше тысячи ста *струльдбругов* обоего пола; до пятидесяти человек живет в столице и среди них есть девочка, родившаяся около трех лет тому назад. Рождение таких детей не составляет принадлежности определенных семей, но является чистой случайностью,

так что даже дети *струльдбругов* смертны, как и все люди.

Признаюсь откровенно, этот рассказ привел меня в неописуемый восторг; и так как мой собеседник понимал язык Бальнибарби, на котором я очень хорошо говорил, то я не мог сдерживать своих чувств, выразив их, быть может, чересчур пылко. В восхищении я воскликнул: «Счастливая нация, где каждый рождающийся ребенок имеет надежду стать бессмертным! Счастливый народ, имеющий столько живых примеров добродетелей предков и столько наставников, способных научить мудрости, добытой опытом всех прежних поколений! Но стократ счастлив неслравненные *струльдбруги*, самой природой избавленные от подчинения общему бедствию человеческого рода, а потому обладающие умами независимыми и свободными от подавленности и угнетенного настроения, причиняемого постоянным страхом смерти!» Я выразил удивление, что не встретил при дворе ни одного из этих славных бессмертных; черное пятно на лбу — настолько бросающаяся в глаза примета, что я не мог бы не обратиться на нее внимания; между тем невозможно допустить, чтобы его величество, рассудительнейший монарх, не окружил себя столь мудрыми и опытными советниками. Разве что добродетель этих почтенных мудрецов слишком сурова для испорченных и распущенных придворных нравов; ведь мы часто познаем на опыте, с каким упрямством и легкомыслием молодежь не хочет слушаться трезвых советов старших. Как бы то ни было, если его величеству будет угодно разрешить мне свободный доступ к его особе, я воспользуюсь первым удобным случаем и при помощи переводчика подробно и свободно выскажу ему мое мнение по этому поводу. Однако угодно ли ему будет последовать моему совету или нет, сам я, во всяком случае, с глубочайшею благодарностью приму неоднократно высказанное его величеством милостивое предложение поселиться в его государстве и проведу всю свою жизнь в беседах со *струльдбругами*, этими высшими существами, если только они соблаговолят допустить меня в свое общество.

Человек, к которому я обратился с этой речью, потому что (как я уже заметил) он говорил на бальнибарбийском языке, взглянув на меня с улыбкой сожаления

по поводу моего невежества, сказал, что он рад всякому предлогу удержать меня в стране и просит моего позволения перевести всем присутствующим то, что мной было только что сказано. Закончив свой перевод, он в течение некоторого времени разговаривал с ними на местном языке, которого я совершенно не понимал; точно так же я не мог догадаться по выражению их лиц, какое впечатление произвела на них моя речь. После непродолжительного молчания мой собеседник сказал мне, что его и мои друзья (так он считал удобным выразиться) восхищены моими тонкими замечаниями по поводу великого счастья и преимущества бессмертной жизни и что они очень желали бы знать, какой образ жизни я избрал бы себе, если бы волей судьбы я родился *струльдбругом*.

Я отвечал, что не трудно быть красноречивым на столь богатую и увлекательную тему, особенно мне, так часто тешившему себя мечтами о том, как бы я устроил свою жизнь, если бы был королем, генералом или видным сановником; что же касается бессмертия, то я нередко размышлял о подробностях моего образа жизни и времяпрепровождения, если бы мне было суждено жить вечно.

Итак, если бы мне суждено было родиться на свет *струльдбругом*, то, едва только научившись понимать различие между жизнью и смертью и познав таким образом, в чем заключается мое счастье, я прежде всего приложил бы все свои усилия к тому, чтобы сделаться богатым. Преследуя эту цель при помощи бережливости и умеренности, я с полным основанием мог бы рассчитывать лет через двести стать первым богачом в королевстве. Далее, с самой ранней юности я предался бы изучению наук и искусств и таким образом со временем затмил бы всех своей ученостью. Наконец я вел бы тщательную летопись всех выдающихся общественных событий и беспристрастно зарисовывал бы характеры сменяющих друг друга монархов и выдающихся государственных деятелей, сопровождая эти записи своими размышлениями и наблюдениями. Я бы тщательно заносил в эту летопись все изменения в обычаях, языке, одежде, пище и развлечениях. Благодаря своим знаниям и наблюдениям я стал бы живым кладом премудрости и настоящим оракулом своего народа.

После шестидесяти лет я перестал бы мечтать о женитьбе, но был бы гостеприимен, оставаясь по-прежнему бережливым. Я занялся бы формированием умов подающих надежды юношей, убеждая их на основании моих воспоминаний, опыта и наблюдений, подкрепленных бесчисленными примерами, сколь полезна добродетель в общественной и личной жизни. Но самыми лучшими и постоянными моими друзьями и собеседниками были бы мои собратья по бессмертию, между которыми я бы избрал человек двенадцать, начиная от самых глубоких стариков и кончая своими сверстниками. Если бы между ними оказались нуждающиеся, я предложил бы им удобное помещение в моем доме и всегда приглашал бы их к своему столу, присоединяя к ним небольшое число наиболее выдающихся смертных; с течением времени я привык бы относиться равнодушно к смерти друзей и не без удовольствия смотрел бы на их потомков, вроде того как мы любимся ежегодной сменой гвоздик и тюльпанов в нашем саду, нисколько не сокрушаясь о тех, что цвели и увяли прошлое лето.

Мы, *струльдбруги*, будем обмениваться друг с другом собранными нами в течение веков наблюдениями и воспоминаниями, отмечать все большее и большее проникновение разврата в мир и бороться с ним на каждом шагу нашими предостережениями и наставлениями, каковые, в соединении с могущественным влиянием нашего личного примера, может быть, предотвратят непрестанное вырождение человечества, вызывавшее испокон веков столь справедливые сокрушения.

Ко всему этому прибавьте удовольствие быть свидетелем различных революций и уничтожения государств и империй, удовольствие видеть перемены во всех слоях общества — от высших до низших; древние города в развалинах; безвестные деревушки, ставшие резиденцией королей; знаменитые реки, высохшие в ручейки; океан, обнажающий один берег и наводняющий другой; открытие многих неизвестных еще стран; погружение в варварство культурнейших народов и приобщение к культуре народов самых варварских. Мне будет, вероятно, суждено также быть свидетелем многих великих открытий, например непрерывного движения и универсальной медицины.

Каких только чудесных открытий мы не сделали бы тогда в астрономии, обладая возможностью самолично проверять правильность наших собственных предсказаний, наблюдать появление и возвращение комет и все перемены в движениях солнца, луны и звезд!

Я распространился также на множество других тем, которые в изобилии были доставлены мне естественным желанием бесконечной жизни и подлунного счастья. Когда я кончил и содержание моей речи было переведено тем из присутствующих, которые не понимали ее, лаггнеццы начали оживленно разговаривать между собой на местном языке, по временам с насмешкой поглядывая на меня. Наконец господин, служивший мне переводчиком, сказал, что все просят его вывести меня из заблуждения, в которое я впал вследствие слабоумия, свойственного человеческой природе вообще, что до некоторой степени извиняет меня. Тем более, что порода *струльдбругов* составляет исключительную особенность их страны; ибо подобных людей нельзя встретить ни в Бальнибарби, ни в Японии, где он имел честь быть посланником его величества и где к его рассказу о существовании этого замечательного явления отнеслись с большим недоверием; да и мое удивление, когда он в первый раз упомянул мне о бессмертных, ясно свидетельствует, насколько новым был для меня этот факт и с каким трудом я верил своим ушам. Во время своего пребывания в обоих названных королевствах он вел долгие беседы с местными жителями и сделал наблюдение, что долголетие является общим желанием, заветнейшей мечтой всех людей и что всякий, стоящий одной ногой в могиле, старается как можно прочнее утвердить свою другую ногу на земле. Самые дряхлые старики дорожат каждым лишним днем жизни и смотрят на смерть, как на величайшее зло, от которого природа всегда побуждает бежать подальше. Только здесь, на острове Лаггнегге, нет этой бешеной жажды жизни, ибо у всех перед глазами живой пример долголетия — *струльдбруги*.

Придуманый мной образ жизни — безрассуден и нелеп, потому что предполагает вечную молодость, здоровье и силу, на что не вправе надеяться ни один человек, как бы необузданны ни были его желания. Вопрос, стало быть, не в том, предпочтет ли человек сохранить наве-

гда свежесть молодости и ее спутников — силу и здоровье, а в том, как он проведет бесконечную жизнь, подверженную всем невзгодам, которые приносит с собой старость. Ибо, хотя не много людей изъявляют желание остаться бессмертными на таких тяжелых условиях, все же собеседник мой заметил, что в обоих упомянутых королевствах, то есть в Бальнибарби и в Японии, каждый старается по возможности отдалить от себя смерть, в каком бы преклонном возрасте она ни приходила; и ему редко приходилось слышать о людях, добровольно лишивших себя жизни, разве что их побуждали к этому нестерпимые физические страдания или большое горе. И он спросил меня, не наблюдается ли то же самое явление и в моем отечестве, а также в тех странах, которые привелось посетить мне во время моих путешествий.

После этого предисловия он сделал мне подробное описание живущих среди них *струльдбругов*. Он сказал, что почти до тридцатилетнего возраста они ничем не отличаются от остальных людей; затем становятся малопомалу мрачными и угрюмыми, и меланхолия их растет до восьмидесяти лет. Это он узнал от них самих; так как их рождается не больше двух или трех в столетие, то они слишком малочисленны для того, чтобы можно было прийти к прочному выводу на основании объективных наблюдений. По достижении восьмидесятилетнего возраста, который здесь считается пределом человеческой жизни, они не только подвергаются всем недугам и слабостям, свойственным прочим старикам, но бывают еще подавлены страшной перспективой владеть такое существование вечно. *Струльдбруги* не только упрямы, сварливы, жадны, угрюмы, тщеславны и болтливы, но они не способны также к дружбе и лишены естественных добрых чувств, которые у них не простираются дальше, чем на внуков. Зависть и немощные желания непрестанно снедают их, причем главными объектами зависти являются у них, по-видимому, пороки молодости и смерть стариков. Размышляя над первыми, они с горечью сознают, что для них совершенно отрезана всякая возможность настаждения; а при виде похорон ропщут и жалуются, что для них нет надежды достигнуть тихой пристани, в которой находят покой другие. В их памяти хранится лишь усвоенное и воспринятое в юности или в зрелом возрасте,

да и то в очень несовершенном виде, так что при проверке подлинности какого-нибудь события или осведомлении о его подробностях надежнее полагаться на устные предания, чем на самые ясные их воспоминания. Наименее несчастными среди них являются впавшие в детство и совершенно потерявшие память; они внушают к себе больше жалости и участия, потому что лишены множества

дурных качеств, которые изобилуют у остальных бессмертных.

Если случится, что *струльдбруг* женится на женщине, подобно ему обреченной на бессмертие, то этот брак, благодаря снисходительности законов королевства, расторгается, лишь только младший из супругов достигает восьмидесятилетнего возраста. Ибо закон считает неразумной жестокостью отягчать бедственную участь безвинно осужденных на вечную жизнь бременем вечной жены.

Как только *струльдбругам* исполняется восемьдесят лет, для них наступает гражданская смерть; наследники немедленно получают их имущество; лишь небольшой паек оставляется для их пропитания, бедные же содержатся на общественный счет. По достижении этого возраста они считаются не способными к занятиям должностей, соединенных с доверием или доходами, они не могут ни покупать, ни брать в аренду землю, им не разрешается выступать свидетелями ни по уголовным, ни по гражданским делам, ни даже по тяжбам из-за границ земельных владений.

В девяносто лет у *струльдбругов* выпадают зубы и волосы; в этом возрасте они перестают различать вкус пищи, но едят и пьют все, что попадает под руку, без всякого удовольствия и аппетита. Болезни, которым они подвержены, продолжаются без усиления и ослабления. В разговоре они забывают названия самых обыденных вещей и имена лиц даже их ближайших друзей и родственников. Вследствие этого они не способны развлекаться чтением, так как их память не удерживает начала фразы, когда они доходят до ее конца; таким образом, они лишены единственного доступного для них развлечения.

Так как язык этой страны постоянно изменяется, то *струльдбруги*, родившиеся в одном столетии, с трудом понимают язык людей, родившихся в другом, а после двухсот лет вообще не способны вести разговор (кроме небольшого количества фраз, состоящих из общих слов) с окружающими их смертными, и таким образом они подвержены печальной участи чувствовать себя иностранцами в своем отечестве.

Вот как мне описали *струльдбругов*, и я думаю, что передаю это описание совершенно точно. Позднее я собственными глазами увидел пять или шесть *струльдбругов* различного возраста, и самым молодым из них было не меньше двухсот лет; мои друзья, приводившие их ко мне несколько раз, хотя и говорили им, что я великий путешественник и видел весь свет, однако *струльдбруги* не проявили никакого любопытства и не задали мне ни одного вопроса; они просили меня только дать им *сламску-даск*, то есть подарок на память. Это благовидный способ выпрашивания милостыни в обход закона, строго запрещающего *струльдбругам* нищенство, так как они содержатся на общественный счет, хотя, надо сказать правду, очень скудно.

Струльдбругов все ненавидят и презирают. Рождение каждого из них служит дурным предзнаменованием и записывается с большой аккуратностью; так что возраст каждого можно узнать, справившись в государственных архивах, которые, впрочем, не восходят дальше тысячи лет или по крайней мере были уничтожены временем или общественными волнениями. Но обыкновенный способ узнать лета *струльдбруга* — это спросить его, каких ко-

ролей и каких знаменитостей он может припомнить, и затем справиться с историей, ибо последний монарх, удержавшийся в его памяти, мог начать свое царствование только в то время, когда этому *струльдбругу* еще не исполнилось восьмидесяти лет.

Мне никогда не приходилось видеть такого омерзительного зрелища, какое представляли эти люди, причем женщины были еще противнее мужчин. Помимо обыкновенной уродливости, свойственной глубокой дряхлости, они с годами все явственнее становятся похожими на привидения, настолько ужасные, что это не поддается никакому описанию. Среди пяти или шести женщин я скоро различил тех, что были старше, хотя различие в годах между ними измерялось всего какой-нибудь сотней или двумястами лет.

Читатель легко поверит, что после всего мной услышанного и увиденного мое горячее желание быть бессмертным значительно поостыло. Я искренне устыдился заманчивых картин, которые рисовало мое воображение, и подумал, что ни один тиран не мог бы изобрести казни, которой я с радостью не принял бы, лишь бы только избавиться от такой жизни.

Король весело посмеялся, узнав о разговоре, происшедшем у меня с друзьями, и предложил мне взять с собой на родину парочку *струльдбругов*, чтобы излечить моих соотечественников от страха смерти. Я бы охотно принял на себя заботу и расходы по их перевозке, если бы основные законы королевства не запрещали *струльдбругам* оставлять свое отечество.

Нельзя не согласиться, что здешние законы относительно *струльдбругов* отличаются большой разумностью и что всякая другая страна должна была бы в подобных обстоятельствах ввести такие же законы. Иначе, благодаря алчности, являющейся необходимым следствием старости, эти бессмертные завладели бы со временем собственностью всей нации и присвоили бы себе всю гражданскую власть, что, вследствие их полной неспособности к управлению, привело бы к гибели государства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Автор оставляет Лаггнегг и отправляется в Японию. Отсюда он возвращается на голландском корабле в Амстердам, а из Амстердама в Англию.

полагаю, что рассказ о *струльдбругах* доставил некоторое развлечение читателю, так как он отличается необычностью; по крайней мере, я не помню, чтобы встречал что-нибудь подобное в других книгах путешествий, попадавшихся мне под руки. Если же я ошибаюсь, пусть извинением моим послужит то обстоятельство, что путешественники, описывая

одну и ту же страну, могут невольно остановиться на одних и тех же подробностях, не заслуживая вследствие этого упрека в заимствовании или списывании у тех, кто раньше их побывал в посещенных ими местах.

Между королевством Лаггнегг и Великой Японской империей существуют постоянные торговые сношения, и весьма вероятно, что японские писатели упоминают о *струльдбругах*; но мое пребывание в Японии было настолько кратковременным и мне настолько непонятен японский язык, что я не имел возможности узнать что-нибудь по этому поводу. Однако я надеюсь, что голландцы на основании моего рассказа заинтересуются бессмертными и исправят мои неточности.

Его величество очень уговаривал меня занять при его дворе какую-нибудь должность, но, видя мое твердое решение возвратиться на родину, согласился отпустить меня и соизволил даже собственноручно написать рекомендательное письмо к японскому императору. Он подарил мне также четыреста сорок четыре крупных золотых монеты (здесь любят четные числа) вместе с красным алмазом, который я продал в Англии за тысячу сто фунтов.

6 мая 1709 года я торжественно расстался с его величеством и со всеми моими друзьями. Король был на-

столько любезен, что повелея отряду своей гвардии сопровождать меня до Глангвенстальда, королевского порта, лежащего на юго-западной стороне острова. Через шесть дней я был на корабле, отплывавшем в Японию. После пятнадцатидневного пути корабль вошел в небольшой порт Ксамоши, расположенный в юго-восточной части Японии. Город построен на длинной косе, от которой идет узкий пролив; ведущий к северу в длинный морской рукав, на северо-западной стороне которого находится Иедо, столица империи. Высадившись на берег, я показывал таможенным чиновникам письмо его императорскому величеству от короля Лаггнегга. В таможене прекрасно знали королевскую печать величиной с мою ладонь. На ней изображен был король, помогающий хромому нищему подняться с земли. Городской магистрат, услышав об этом письме, принял меня как посла дружественной державы. Он снабдил меня экипажами и слугами и взял на себя расходы по моей поездке в Иедо. По прибытии туда я получил аудиенцию и вручил письмо. Оно было вскрыто с большими церемониями и прочитано императору через переводчика, который по приказанию его величества предложил мне выразить какую-нибудь просьбу, и она немедленно будет исполнена императором в уважение к его царственному брату, королю Лаггнегга. На обязанности этого переводчика лежало ведение дел с голландцами; поэтому он скоро догадался по моей внешности, что я европеец, и повторил слова его величества на голландском языке, которым он владел в совершенстве. Согласно ранее принятому решению, я отвечал, что я голландский купец, потерпевший кораблекрушение в одной далекой стране, откуда морем и сушей добрался в Лаггнегг, а из Лаггнегга прибыл на корабле в Японию, с которой, как мне было известно, мои соотечественники ведут торговлю; я надеюсь, что мне представится случай вернуться с кем-нибудь из них на родину, и в ожидании такого случая я почтительно прошу его величество разрешить мне под охраной отправиться в Нагасаки. Я попросил также, чтобы его величество, из уважения к моему покровителю королю Лаггнегга, милостиво освободил меня от совершения возлагаемого на моих соотечественников обряда попраания ногами распятия *, ибо заброшен в его страну несчастиями и не имею намерения вести

торговлю. Когда переводчик передал императору эту просьбу, его величество несколько удивился и сказал, что я первый из моих соотечественников обнаруживаю щепетильность в этом вопросе, так что у него закрадывается сомнение, действительно ли я голландец; из моих слов видно только, что я настоящий христианин; тем не менее, во внимание к моим доводам и главным образом из желания оказать любезность королю Лаггнегга необычным знаком своего благоволения, он соглашается на мою странную прихоть, но предупреждает, что придется действовать осторожно и он отдаст своим чиновникам приказание пропустить меня как бы по забывчивости; ибо если узнают об этом мои соотечественники-голландцы, то они, по уверению императора, перережут мне по дороге горло. Я выразил королю при помощи переводчика благодарность за столь исключительную милость. Так как в это время в Нагасаки собирался выступить отряд солдат, то офицер, начальствовавший над этим отрядом, получил приказ охранять меня по пути и специальные инструкции насчет распутия.

После весьма долгого и утомительного путешествия я прибыл в Нагасаки 9 июня 1709 года. Здесь скоро я познакомился с компанией голландских моряков, служивших на амстердамском корабле *Амбоина*, вместимостью в 450 тонн. Я долго жил в Голландии, учился в Лейдене и хорошо знал голландский язык. Матросы скоро узнали, откуда я прибыл, и стали с любопытством расспрашивать о моих путешествиях и о моей жизни. Я сочинил коротенькую, но правдоподобную историю, утаив большую часть событий. У меня было много знакомых в Голландии, и потому мне было не трудно придумать фамилию моих родителей, которые, по моим словам, были скромные поселяне из провинции Гельдерланд. Я предложил капитану корабля (некоему Теодору Вангрульту) взять с меня сколько ему будет угодно за доставку в Голландию; но, узнав, что я хирург, он удовольствовался половиной нормальной платы, с условием, чтобы я исполнял у него на корабле обязанности врача. Перед тем как отправиться в путь, матросы не раз спрашивали меня, исполнил ли я упомянутую выше церемонию, но я отделывался неопределенным ответом, что мной были исполнены все требования императора и двора. Одна-

ко шкипер, злобный парень, указал на меня офицеру, говоря, что я еще не топтал распятие. Но офицер, получивший секретный приказ не требовать от меня исполнения формальностей, дал негодяю в ответ двадцать бамбуковых ударов по плечам, после чего ко мне никто больше не приставал с подобными вопросами.

Во время этого путешествия не произошло ничего заслуживающего упоминания. До мыса Доброй Надежды был попутный ветер. Мы сделали там небольшую остановку, чтобы набрать пресной воды. 10 апреля 1710 года мы благополучно прибыли в Амстердам, потеряв в дороге только четырех человек: трое умерли от болезней, а четвертый упал с бизань-мачты в море у берегов Гвиней. Из Амстердама я скоро отправился на небольшом судне в Англию.

16 апреля мы бросили якорь в Даунсе. Я высадился на другой день утром и снова увидел свою родину после пяти с половиной лет отсутствия. Я отправился прямо в Редрифф, куда прибыл в два часа пополудни того же дня и застал жену и детей в добром здоровье.

Часть четвертая
ПУТЕШЕСТВИЕ
в страну гуигнгнмов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автор отправляется в путешествие капитаном корабля. Его экипаж составляет против него заговор; его содержат долгое время под стражей в каюте и высаживают на берег в неизвестной стране. Он направляется в глубь этой страны. Описание особенной породы животных йэху. Автор встречает двух гуингеммов.

провел дома с женой и детьми около пяти месяцев и мог бы назвать себя очень счастливым, если бы научился, наконец, познавать, что такое счастье. Я оставил мою бедную жену беременной и принял выгодное предложение занять должность капитана на корабле *Адвенчюр*, хорошем купеческом судне, вместимостью в 350 тонн. Я хорошо изучил мореходное искусство, а обязанности хирурга мне порядочно надоели; вот почему, не отказываясь при случае заняться и этим делом, я пригласил в качестве корабельного врача Роберта Пьюрефой, человека молодого, но ис-

кусного. Мы отплыли из Портсмута 7 сентября 1710 года; 14-го мы встретили у Тенерифа капитана Пококка, из Бристоля, который направлялся в Кампешу за сандаловым деревом. Но поднявшаяся 16-го числа буря разъединила нас; по возвращении в Англию я узнал, что корабль его потонул и из всего экипажа спасся один только юнга. Этот капитан был славный парень и хороший моряк, но отличался некоторым упрямством в своих мнениях, и этот недостаток погубил его, как погубил уже многих других. Ибо если бы он последовал моему совету, то теперь, подобно мне, преспокойно находился бы дома в своей семье.

На моем корабле несколько матросов умерло от горячки, так что я принужден был пополнить экипаж людьми с Барбадоса и других Антильских островов, у которых я останавливался, согласно данным мне хозяевами корабля инструкциям. Но скоро мне пришлось горько раскаяться в этом: оказалось, что большая часть набранных мною матросов были морские разбойники. Я имел пятьдесят человек на борту, и мне было поручено вступить в торговые сношения с индейцами, населяющими острова Южного океана, и произвести исследование этих широт. Негодяи, которых я взял на корабль, подговорили остальных матросов, и все они составили заговор с целью завладеть кораблем и арестовать меня. В одно прекрасное утро они привели свой замысел в исполнение: ворвались ко мне в каюту, связали меня по рукам и ногам и угрожали выбросить за борт, если я вздумаю сопротивляться. Мне оставалось только сказать им, что я их пленник и покоряюсь своей участи. Они заставили меня поклясться в этом и, когда я исполнил их требование, развязали меня, приковав лишь за ногу цепью к кровати и поставив возле моей двери часового с заряженным ружьем, которому приказали стрелять в меня при малейшей моей попытке к освобождению. Они присылали мне пищу и питье, а управление кораблем захватили в свои руки. Целью их было сделаться пиратами и грабить испанцев; однако вследствие своей малочисленности они не могли немедленно заняться этим. Поэтому они решили распродать товары, находившиеся на корабле, и направиться к острову Мадагаскару для пополнения экипажа, так как многие из них умерли во время мо-

его заключения. В течение многих недель разбойники плавали по океану, ведя торговлю с индейцами. Но я не знал взятого ими курса, так как все это время находился под строжайшим арестом в каюте, ежеминутно ожидая жестокой казни, которою они часто угрожали мне.

9 мая 1711 года ко мне в каюту спустился некий Джеймс Уэльч и объявил, что по приказанию капитана он высадит меня на берег. Я пытался было усовестить его, но напрасно, он отказался даже сказать мне, кто был их новым капитаном. Разбойники посадили меня в баркас, позволив надеть мое лучшее, почти новое платье и взять небольшой узел белья, а из оружия оставили мне только тесак; и они были настолько любезны, что не обыскали у меня карманов, в которых находились деньги и кое-какие мелочи. Отплыв от корабля на расстояние лиги, разбойники высадили меня на берег. Я просил сказать мне, что это за страна. Мои люди побожились, что знают об этом не больше меня, они сказали только, что капитан (как они называли его), распродав весь корабельный груз, решил отделаться от меня, лишь только они увидят где-нибудь землю. Затем они немедленно отчалили и, посоветовав мне как можно скорее идти в глубь страны, чтобы не быть захваченным приливом, пожелали мне счастливого пути.

Покинутый на произвол судьбы, я направился вперед наудачу и скоро выбрался с песчаного берега и присел на холмик отдохнуть и поразмыслить, что делать дальше. Отдых немного подкрепил мои силы, и я продолжал путь, решив отдаться в руки первым дикарям, которых встречу по дороге, и купить у них жизнь за несколько браслетов, стекляшек и других безделушек, какими обыкновенно запасаются моряки, отправляясь в подобные путешествия; несколько таких безделушек было и у меня. Местность была пересечена длинными рядами деревьев, которые, по-видимому, были посажены здесь не рукою человека, а росли сами по себе; между деревьями расстилались большие луга и поля, засеянные овсом. Я осторожно подвигался вперед, оглядываясь по сторонам из боязни, как бы кто-нибудь не напал на меня врасплох или не подстрелил сзади или сбоку из лука. Через несколько времени я вышел на проезжую дорогу, на которой заметил много следов человеческих ног, но еще боль-

ше отпечатков лошадиных копыт. Наконец я увидел в поле каких-то животных; два или три таких же животных сидели на деревьях. Их крайне странная и безобразная внешность несколько смутила меня, и я прилег за кустом, чтобы лучше разглядеть их. Некоторые подошли близко к тому месту, где я лежал, так что я мог видеть их очень отчетливо. Голова и грудь у них были покрыты густыми волосами, у одних выюющимися, у других гладкими; бороды их напоминали козлиные; вдоль спины и передней части лап тянулись узкие полоски шерсти; но остальные части их тела были голые, так что я мог видеть их кожу темно-коричневого цвета. Хвоста у них не было, и зад был голый. Вооруженные сильно развитыми крючковатыми и заостренными когтями на передних и задних лапах, они с ловкостью белки карабкались на самые высокие деревья. Они часто прыгали, скакали и бегали с удивительным проворством. Самки были несколько меньше самцов; на голове у них росли длинные гладкие волосы, но лица были чистые, а некоторые другие части тела были покрыты только легким пушком. Волосы как у самцов, так и у самок были различных цветов: коричневые, черные, красные и золотистые. В общем я никогда еще, во все мои путешествия, не встречал более безобразного животного, которое с первого же взгляда вызывало бы к себе такое отвращение. Полагая, что достаточно насмотрелся на них, я встал с чувством омерзения и гадливости и продолжал свой путь по дороге, в надежде, что она приведет меня к хижине какого-нибудь индейца. Но не успел я сделать нескольких шагов, как встретил одно из описанных мною животных, направлявшееся прямо ко мне. Заметив меня, чудовище остановилось и с ужасными гримасами вытаращило на меня глаза, как на существо, никогда им невиданное; затем, подойдя ближе, подняло свою переднюю лапу, — то ли из любопытства, то ли с злобным намерением, — я не мог определить. Тогда я вынул тесак и плашмя нанес им сильный удар по лапе животного, я не хотел бить его лезвием, ибо боялся, что навлеку на себя недовольство обитателей этой страны, если им станет известно, что я убил или изувечил принадлежащее им животное. Почувствовав боль, животное пустилось наутек и завизжало так громко, что из соседнего поля прибежало целое ста-

до, около сорока штук, таких же тварей, которые столпились вокруг меня с воем и ужасными гримасами. Я бросился к дереву и, прислонясь спиной к его стволу, стал размахивать тесаком, не подпуская к себе гнусных тварей. Однако же несколько представителей этой проклятой породы, ухватившись за ветви сзади меня, взобрались на дерево и начали оттуда пакостить мне на голову.

Вдруг в этот критический момент я увидел, что все животные бросились бежать во всю прыть. Тогда я решил отойти от дерева и продолжать путь, недоумевая, что бы могло так напугать их. Но, взглянув налево, я увидел спокойно двигавшуюся по полю лошадь; появление этой лошади, которую мои преследователи заметили раньше, и было причиной их поспешного бегства. Приблизившись ко мне, лошадь слегка вздрогнула, но скоро оправилась и стала смотреть мне прямо в лицо с выражением крайнего удивления. Она осмотрела мои руки и ноги и несколько раз обошла кругом меня. Я хотел было идти дальше, но лошадь загородила дорогу, продолжая кротко смотреть на меня и не выражая ни малейшего намерения причинить мне какое-либо насилие. Так мы и стояли некоторое время, оглядывая друг друга; наконец я набрался смелости протянуть руку к шее лошади с намерением погладить ее, насвистывая и пустив в ход приемы, какие обычно применяются жокеями с целью приручить незнакомого коня. Но животное отнеслось, как мне показалось, к моей ласке с презрением, замотало головой, нахмурилось и, тихонько подняв правую переднюю ногу, отстранило мою руку. Затем лошадь заржала три или четыре раза, но с такими разнообразными модуляциями, что я готов был подумать, уж не разговаривает ли она на своем языке.

Когда мы стояли таким образом друг против друга, к нам подошла еще одна лошадь. Она обратилась к первой с самым церемонным приветствием: они легонько постукались друг с другом правыми передними копытами и стали поочередно ржать, варьируя звуки на разные лады, так что они казались почти членораздельными. Затем они отошли от меня на несколько шагов, как бы с намерением посоветоваться, и начали прогуливаться рядышком взад и вперед, подобно людям, решающим важный во-

прос, но часто при этом посматривали на меня, словно наблюдая, чтобы я не удрал. Пораженный таким поведением неразумных животных, я пришел к заключению, что обитатели этой страны должны быть мудрейшим народом на земле, если только они одарены разумом в соответственной степени. Эта мысль подействовала на меня так успокоительно, что я решил продолжать путь, пока не достигну какого-нибудь жилья или деревни или не встречу кого-нибудь из туземцев, оставив лошадей беседовать между собой сколько им вздумается. Но первая из них, серая в яблоках, заметив, что я ухожу, повернула голову и, обращаясь ко мне, заржала так выразительно, что мне показалось, будто я понимаю, чего она хочет; я тотчас повернул назад и подошел к ней в ожидании дальнейших приказаний; при этом я всячески старался скрыть свой страх, ибо я начал уже немного побаиваться исхода этого приключения; и читатель легко может себе представить, что положение мое было не из приятных.

Обе лошади подошли ко мне вплотную и с большим вниманием начали рассматривать мое лицо и руки. Серый конь ощупал со всех сторон мою шляпу правым копытом передней ноги, отчего она так помялась, что мне пришлось снять ее и поправить; проделав это, я снова надел ее. Мои движения, по-видимому, сильно поразили серого коня и его товарища (караковой масти): последний прикоснулся к полам моего кафтана, и то обстоятельство, что они болтались свободно, снова привело в большое изумление обеих лошадей. Караковый конь погладил меня по правой руке, по-видимому удивляясь ее мягкости и цвету, но он так крепко сжал ее между копытом и бабкой, что я не вытерпел и закричал. После этого оба коня стали прикасаться ко мне осторожнее. Большое недоумение вызвали у них мои башмаки и чулки, которые они многократно ощупывали с ржанием и жестами, очень напоминая философа, пытающегося понять какое-либо новое и трудное явление.

Вообще поведение этих животных отличалось такой последовательностью и целесообразностью, такой обдуманностью и рассудительностью, что в конце концов у меня возникла мысль, уж не волшебники ли это, которые превратились в лошадей с каким-нибудь неведомым для меня умыслом и, повстречав по дороге чужестранца, ре-

шили позабавиться с ним, а может быть, были действительно поражены видом человека, по своей одежде, чертам лица и телосложению очень не похожего на людей, живущих в этой отдаленной стране. Придя к такому заключению, я решился обратиться к ним со следующей речью: «Господа, если вы действительно колдуны, как я имею достаточные основания полагать, то вы понимаете все языки; поэтому я осмеливаюсь доложить вашей милости, что я — бедный англичанин, которого злая судьба забросила на ваш берег; и я прошу разрешения сесть верхом на одного из вас, как на настоящую лошадь, и доехать до какого-нибудь хутора или деревни, где я могу отдохнуть и найти приют. В благодарность за эту услугу я подарю вам вот этот ножик или этот браслет», — тут я вынул обе вещицы из кармана. Во время моей речи оба коня стояли молча, как будто слушая меня с большим вниманием; когда я кончил, они стали оживленно что-то ржать другу другу, словно ведя между собой серьезный разговор. Для меня стало ясно тогда, что их язык отлично выражает чувства и что, при незначительном усилии, слова его можно разложить на звуки и буквы, пожалуй, даже легче, чем китайские слова.

Я отчетливо расслышал слово *йэху*, которое оба коня повторили несколько раз. Хотя я не мог понять его значения, все же, вслушиваясь внимательно в их разговор, я сам старался произнести это слово; как только лошади замолчали, я громко прокричал: *йэху, йэху*, всячески подражая ржанью лошади. Это, по-видимому, очень поразило их, и серый конь дважды повторил это слово, как бы желая научить меня правильному его произношению. Я стал повторять за ним возможно точнее и нашел, что с каждым разом делаю заметные успехи, хотя и очень далек от совершенства. После этого караковый конь попробовал научить меня еще одному слову, гораздо более трудному для произношения; согласно английской орфографии его можно написать так: *houyhnhnm* (*гуи-гн-гн-м*). Произношение этого слова давалось мне не так легко, как произношение первого, но после двух или трех попыток дело пошло лучше, и обе лошади были, по-видимому, удивлены моей смелостью.

Поговорив еще немного, вероятно по-прежнему обо мне, друзья расстались, постукав копытами, как и

при встрече; затем серый конь сделал мне знак, чтобы я шел вперед, и я счел благоразумным подчиниться его приглашению, пока не найду лучшего руководителя. Когда я замедлял свои шаги, конь начинал ржать: *ггуун*, *ггуун*. Догадавшись, что означает это ржание, я постарался, насколько мог, объяснить ему, что устал и не могу идти скорее; тогда конь останавливался, чтобы дать мне возможность отдохнуть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гуигенгм приводит автора к своему жилищу. Описание этого жилища. Прием, оказанный автору. Пища гуигенгмов. Затруднения автора вследствие отсутствия подходящей для него пищи и устранение этого затруднения. Чем питался автор в этой стране.

делаю около трех миль, мы подошли к длинному низкому строению, крытому соломой, со стенами из вбитых в землю и перевитых прутьями кольев. Теперь я почувствовал некоторое облегчение и вынул из кармана несколько безделушек, какими обыкновенно запасаются путешественники для подарков американским дикарям; я надеялся, что благодаря этим

безделушкам хозяева дома окажут мне более радушный прием. Лошадь знаком пригласила меня войти первым, и я очутился в просторной комнате с чистым глиняным полом; по одной ее стене, во всю длину, тянулись ясли с решетками для сена. Там были трое лошаков и две кобылицы: они не стояли возле яслей и не ели, как обычно это свойственно лошадям, а сидели по-собачьи, что меня крайне удивило. Но я еще более удивился, когда увидел, что другие лошади заняты домашними работами, исполняя, по-видимому, обязанности простых слуг. Все это окончательно укрепило меня в моем первоначальном предположении, что народ, сумевший так выдрессировать неразумных животных, несомненно, должен превосходить свою мудростью все другие народы земного шара. Серый конь вошел следом за мной, предупредив таким образом возможность дурного приема со стороны других лошадей. Он несколько раз заржал, повелительно, как хозяин, другие лошади почтительно отвечали ему.

Кроме этой комнаты, там было еще три, тянувшиеся одна за другой вдоль здания: мы прошли в них через три двери, расположенные по одной линии в виде просеки. Во второй комнате мы остановились; серый вошел

в третью комнату один, сделав мне знак обождать. Я остался во второй комнате и приготовил подарки для хозяина и хозяйки дома; это были два ножа, три браслета с фальшивыми жемчужинами, маленькое зеркальце и ожерелья из бус. Конь заржал три или четыре раза, и я насторожил уши в надежде, что в ответ раздастся человеческий голос; но я услышал такое же ржание, только в несколько более высоком тоне. Я начал думать тогда, что дом этот принадлежит очень важной особе, раз понадобилось столько церемоний, прежде чем быть допущенным к хозяину. Но чтобы важная особа могла обслуживаться только лошадьми — было выше моего понимания. Я испугался, уж не помутился ли мой рассудок от перенесенных мною лишений и страданий. Я сделал над собой усилие и внимательно осмотрелся кругом: комната, в которой я остался один, была убрана так же, как и первая, только более изысканно. Я несколько раз протер глаза, но передо мной находились все те же предметы. Я стал щипать себе руки и бока, чтобы проснуться, так как мне все еще казалось, что я сплю. После этого я окончательно пришел к заключению, что вся эта видимость есть не что иное, как волшебство и магия. Не успел я остановиться на этом предположении, как в дверях снова показался серый конь и знаками пригласил последовать за ним в третью комнату, где я увидел очень красивую кобылу с двумя жеребятами; поджав под себя задние ноги, они сидели на недурно сделанных, очень опрятных и чистых соломенных циновках.

Когда я вошел, кобыла тотчас встала и подошла ко мне; внимательно осмотрев мои руки и лицо, она отвернулась с выражением величайшего презрения; после этого она обратилась к серому коню, и я слышал, как в их разговоре часто повторялось слово *йэху*, значения которого я тогда еще не понимал, хотя и изучил его произношение прежде других слов. Но, к величайшему своему унижению, я скоро узнал, что оно значит. Случилось это таким образом: окончив переговоры с кобылой, серый конь, кивнув мне головой и повторяя слово *ггуун, ггуун*, которое я часто слышал от него в дороге и которое означало приказание следовать за ним, вывел меня на задний двор, где находилось другое строение в некотором отдалении от дома. Когда мы вошли туда, я

увидел трех таких же отвратительных тварей, с какими и повстречался вскоре по прибытии в эту страну; они пожирали коренья и мясо каких-то животных, — впоследствии я узнал, что то были трупы дохлых собак, ослов и коров. Все они были привязаны за шею к бревну крепкими ивовыми прутьями; пищу свою они держали в когтях передних ног и разрывали ее зубами.

Хозяин-жонь приказал своему слуге, гнедому лошаку, отвязать самого крупного из этих животных и вывести его во двор; поставив нас рядом, хозяин и слуга произвели тщательное сравнение нашей внешности, несколько раз повторяя при этом слово *йэху*. Невозможно описать ужаса и удивления, овладевших мной, когда я заметил, что это отвратительное животное по своему строению и точности напоминает человека. Правда, лицо у него было плоское и широкое, нос приплюснутый, губы толстые и рот огромный, но эти особенности свойственны всем вообще дикарям, потому что матери кладут своих детей ничком на землю и таскают их за спиной, отчего ребенок постоянно тыкается носом о плечи матери. Передние лапы *йэху* отличались от моих рук только длиной ногтей, загрубелостью, коричневым цветом ладоней и тем, что их тыльная сторона была покрыта волосами. Такое же сходство и такие же различия существовали и между нашими ногами; я сразу понял это, хотя лошади не могли ничего заметить, так как на мне были чулки и башмаки; то же надо сказать и относительно всего тела вообще, исключая только цвета кожи и волос, что было уже описано мною выше.

Но обеих лошадей повергало, по-видимому, в большое недоумение то обстоятельство, что благодаря платью, о котором они не имели никакого понятия, все остальные части моего тела сильно отличались от тела *йэху*. Гнедой лошак подал мне какой-то корень, взяв его между копытом и бабкой (каким образом делают это лошади, будет описано в своем месте); я взял его и, понюхав, самым вежливым образом возвратил ему; тогда он принес из хлева *йэху* кусок ослиного мяса, но оно издавало такой противный запах, что я с омерзением отвернулся; лошак бросил мясо *йэху*, и животное с жадностью сожрало его. Потом он показал мне охапку сена и полный гарнец овса; но я покачал головою, давая понять, что ни то ни

другое не годится мне в пищу. Тут я испугался, что мне придется умереть с голоду, если я не встречу здесь человека, подобного мне; что же касается двух гнусных *йэху*, то, будь в то время на моем месте даже величайший друг человеческого рода, я уверен, и он признал бы, что нет на свете одушевленных существ более отвратительных, чем эти твари; и чем ближе я с ними знакомился во время моего пребывания в этой стране, тем более усиливалась моя ненависть к ним. Заметя это отвращение по моим жестам, конь-хозяин велел отвести *йэху* назад в хлев. После этого он поднес ко рту переднее копыто, чем я был немало изумлен, хотя он совершил это движение с непринужденностью, свидетельствовавшей, что оно было для него самым естественным, и делал также другие знаки, желая узнать, что же я буду есть; но я не мог ответить на этот вопрос понятным для него образом, да если бы даже он и понял меня, было бы не легче, так как я не видел, откуда бы он мог достать мне подходящую пищу. Во время этих переговоров прошла мимо корова; я показал на нее пальцем и выразил желание подойти к ней и подоить ее. Меня поняли: ибо серый конь повел меня обратно в дом и приказал кобыле-служанке открыть одну комнату, где стояло много молока в деревянной и глиняной посуде, очень чистой и содержавшейся в большом порядке; кобыла подала мне большую кружку с молоком, и я с удовольствием напился, после чего почувствовал себя гораздо бодрее и свежее.

Около полудня к дому подкатила особенного устройства повозка, которую тащили четыре *йэху*. В повозке сидел старый конь, по-видимому, знатная особа; он сошел на землю, опираясь на задние ноги, потому что передняя левая нога у него была повреждена. Этот конь приехал обедать к моему хозяину, который принял его с большой любезностью. Они обедали в лучшей комнате, и на второе блюдо им подали овес, сваренный в молоке; гость ел это кушанье в горячем виде, а остальные лошади — в холодном. Их ясли располножены были кругообразно посреди комнаты и разгорожены на несколько отделений, возле которых все и уселись на подостланную солому. Над яслями помещалась большая решетка с сеном, разгороженная на столько же отделений, как и ясли, так что каждый конь и каждая кобыла ели отдельно свои пор-

ции сена и овсяной каши с молоком, очень благопристойно и аккуратно. Жеребята держали себя весьма скромно, а хозяева были крайне любезны и предупредительны к своему гостю. Серый велел мне подойти к нему и завести со своим другом длинный разговор обо мне, как я мог заключить по тому, что гость часто поглядывал на меня и собеседники то и дело произносили слово *йэху*.

Во время этого разговора я надел перчатки; серый хозяин, заметив это, был поражен и знаками стал спрашивать, что это я сделал со своими передними ногами; три или четыре раза он прикоснулся к ним своим копытом, как бы давая понять, что я должен привести их в прежнее состояние, что я и сделал, сняв перчатки и положив их в карман. Этот эпизод вызвал среди присутствующих оживленный разговор, и я заметил, что мое поведение расположило всех в мою пользу, в чем вскоре и имел случай убедиться. Мне было приказано произнести заученные мной слова, и во время обеда хозяин научил меня называть овес, молоко, огонь, воду и некоторые другие предметы, что давалось мне очень легко, так как еще смолоду я отличался большими способностями к языкам.

После обеда конь-хозяин отвел меня в сторону и дал понять мне знаками и словами свое огорчение по поводу того, что для меня не было подходящей еды. Овес на языке *гуигнгнмов* называется *глуинг*. Это слово я произнес два или три раза, так как хотя сначала я отказался от овса, однако по некотором размышлении нашел, что из него можно приготовить нечто вроде хлеба; а хлеб с молоком могли бы поддержать мое существование до тех пор, пока мне не представится случай уйти отсюда в какую-нибудь другую страну, где я найду таких же людей, как сам. Конь тотчас же приказал белой кобыле-служанке принести овса на деревянном блюде. Я кое-как поджарил этот овес на огне и стал тереть, пока не отстала шелуха, которую я постарался отвеять от зерна; затем я истолок зерно между двух камней, взял воды, приготовил тесто, испек его на огне и съел горячим, запивая молоком. Сначала это кушанье показалось мне крайне безвкусным, хотя оно очень распространено во многих европейских странах, но с течением времени я привык к нему. К тому же это был не первый случай в моей жизни, ког-

да приходилось довольствоваться самою грубою пищею, и я еще раз убедился в том, как мало взыскательна человеческая природа. Не могу не заметить при этом, что за все время моего пребывания на острове я ни одной минуты не был болен. Правда, иногда мне удавалось поймать в сети, сделанные из волос *йэху*, кролика или какую-нибудь птицу; иногда я находил съедобные травы, которые варил и ел в виде приправы к своим лепешкам, и изредка роскошествовал: сбивал себе масло и лакомился простоквашей. Сначала я очень болезненно ощущал отсутствие соли, но скоро привык обходиться без нее, и я убежден, что распространенное употребление этого вещества есть результат невоздержанности и соль была введена главным образом для возбуждения жажды; исключая, конечно, случаи, когда она необходима для предохранения от порчи мяса в далеких путешествиях или в местах, удаленных от рынков. Ведь мы не знаем ни одного животного, которое любило бы соль. Что касается меня, то должен признаться, что, покинув эту страну, я очень скоро научился переносить вкус соли в кушаньях, которые ел.

Но довольно об этом; я не хочу подражать другим путешественникам, наполняющим целые главы своих книг описанием пищи, как будто читателю так уж интересно, хорошо или дурно кушал автор. Однако мне было необходимо коснуться этого предмета, чтобы устранить всякие недоразумения относительно того, каким образом мог я просуществовать три года в такой стране и среди такого населения.

С наступлением вечера конь-хозяин распорядился отвести мне особое помещение в шести ярдах от дома и отдельно от хлева *йэху*. Я нашел там немного соломы и, покрывшись платьем, крепко заснул. Но вскоре я устроился гораздо удобнее, как читатель узнает из дальнейшего рассказа, посвященного более подробному описанию моего образа жизни в этой стране.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Автор обучается туземному языку. Гуигнгнм, его хозяин, помогает ему в занятиях. Язык гуигнгнмов. Много знатных гуигнгнмов приходит взглянуть из любопытства на автора.

Он вкратце рассказывает хозяину о своем путешествии.

оим главным занятием было изучение языка; и все в доме, начиная с хозяина (так я буду с этих пор называть серого коня) и его детей и кончая последним слугою, усердно помогали мне в этом. Им казалось каким-то чудом, что грубое животное обнаруживает такую смысленность и сообразительность. Я показывал на предмет пальцем и спрашивал его на-

звание, которое запоминал; затем, оставшись наедине, записывал в свой путевой дневник. Заботясь об улучшении выговора, я просил кого-нибудь из членов семьи произносить почаще трудные слова. Особенно охотно помогал мне в этих занятиях гнедой лошак, слуга моего хозяина.

Произношение *гуигнгнмов* — носовое и гортанное, и из всех известных мне европейских языков язык их больше всего напоминает голландский или немецкий, но он гораздо изящнее и выразительнее. Император Карл V сделал почти аналогичное наблюдение *, сказав, что если бы ему пришлось разговаривать со своею лошадью, то он обращался бы к ней по-немецки.

Любознательность и нетерпение моего хозяина были так велики, что он посвящал много часов своего досуга на обучение меня языку. Он был убежден (как рассказывал мне потом), что я *йэху*; но моя понятливость, вежливость и опрятность поражали его, так как подобные качества были совершенно не свойственны этим животным. Более всего его сбивала с толку моя одежда, и он нередко задавался вопросом, составляет ли она часть моего тела или нет, ибо я никогда не снимал ее, пока все в доме не засыпали, и надевал рано утром, когда ни-

кто еще не проснулся. Мой хозяин сгорал желанием узнать, откуда я прибыл и каким образом приобрел видимость разума, обнаруживавшегося во всех моих поступках; ему хотелось поскорее услышать из моих собственных уст всю историю моих приключений. Он надеялся, что ждать ему придется недолго: настолько велики были успехи, сделанные мной в заучивании и произношении слов и фраз. Для облегчения запоминания я расположил все выученные мною слова в порядке английского алфавита и записал их с соответствующим переводом. Спустя некоторое время я решился делать свои записи в присутствии хозяина. Мне стоило не малого труда объяснить ему, что я делаю, ибо *гуигнгнмы* не имеют ни малейшего представления о книгах и письменности.

Приблизительно через десять недель я уже способен был понимать большинство вопросов моего хозяина, а через три месяца мог довольно сносно отвечать на них. Мой хозяин особенно интересовался, из какой страны я прибыл к ним и каким образом научился подражать разумным существам, так как *йэху* (на которых, по его мнению, я был паразитично похож головой, руками и лицом, то есть теми частями тела, которые не были скрыты одеждой), при всех свойственных им задатках хитрости и большом предрасположении к злобе, поддаются дрессировке хуже всех других животных. На это я ответил, что я прибыл по морю очень издалека со многими другими подобными мне существами в большой полой посудине, сделанной из досок, и что мои спутники высадили меня на этом берегу и оставили на произвол судьбы. С большими затруднениями и только при помощи знаков мне удалось сделать свою речь понятной. Мой хозяин ответил мне, что я, должно быть, ошибаюсь или *говорю то, чего не было*. (Дело в том, что на языке *гуигнгнмов* совсем нет слов, обозначающих ложь и обман.) Ему казалось невозможным, чтобы за морем были какие-либо земли и чтобы кучка диких зверей двигала по воде деревянное судно, куда им вздумается. Он уверен, что никто из *гуигнгнмов* не в состоянии соорудить такого судна, а тем более доверить управление им *йэху*.

Слово *гуигнгнм* на языке туземцев означает лошадь, а по своей этимологии — *совершенство природы*. Я ответил хозяину, что мне еще трудно выражать свои мысли,

но я прилагаю все усилия к лучшему усвоению языка и надеюсь, что в скором времени буду в состоянии рассказать ему много чудес. Это так заинтересовало хозяина, что он просил свою жену, детей и прислугу не упускать ни одного случая для усовершенствования моих познаний в языке и сам посвящал ежедневно два или три часа занятиям со мной. Скоро всюду по окрестностям разнеслась молва о появлении удивительного *йэху*, который говорит, как *гуигнгнм*, и в своих словах и поступках как будто обнаруживает проблески разума, так что многие знатные кони и кобылы часто приходили к нам взглянуть на меня. Им доставляли удовольствие разговоры со мной; они задавали мне много вопросов, на которые я отвечал, как умел. Благодаря всем этим благоприятным обстоятельствам я сделал такие успехи, что через пять месяцев по приезде понимал все, что мне говорили, и мог довольно сносно объясняться сам.

Гуигнгнмы, приходившие в гости к моему хозяину с целью повидать меня и поговорить со мной, с трудом верили, чтобы я был настоящий *йэху*, потому что по своему внешнему виду тело мое сильно отличалось от *йэху*. *Гуигнгнмы* были удивлены тем, что видят у меня голую кожу и волосы только на голове, лице и руках; однако спустя две недели после моего прибытия одна случайность открыла хозяину мою тайну.

Я уже сказал читателю, что с наступлением ночи, когда весь дом ложился спать, я раздевался и укрывался своим платьем. Однажды рано утром хозяин послал за мной своего камердинера, гнедого лошака; когда он вошел, я крепко спал; прикрывавшее меня платье свалилось, а рубашка задрапась выше пояса. Проснувшись от произведенного им шума, я заметил, что он находится в некотором замешательстве. Кое-как исполнив свое поручение, он в большом испуге прибежал к своему господину и смущенно рассказал ему все, что увидел. Я сейчас же узнал об этом, ибо когда, наскоро одевшись, я отправился засвидетельствовать свое почтение его милости, то первым делом хозяин спросил меня, что означает рассказ слуги, доложившего, будто во время сна я совсем не тот, каким бываю всегда; и будто некоторые части моего тела совершенно белые, другие — желтые или по крайней мере не такие белые, а некоторые — совсем темные.

До сих пор я сохранял тайну моей одежды, чтобы как можно больше отличаться от гнусной породы *йэху*; но после этого случая было бесполезно продолжать вести себя так же. Кроме того, моя одежда и башмаки сильно износились, и недалеко было время, когда они совсем развалятся и мне придется заменить их каким-нибудь изделием из кожи *йэху* или других животных и, следовательно, выдать всю свою тайну. Поэтому я сказал моему хозяину, что в стране, откуда я прибыл, подобные мне существа всегда закрывают свое тело искусно выделанной шерстью некоторых животных, отчасти из скромности, а отчасти для защиты тела от жары и стужи. Что же касается лично меня, то, если ему угодно, я готов немедленно представить доказательство справедливости сказанного мной; я только прошу извинения, что не обнажу перед ним тех частей тела, которые сама природа научила нас скрывать. Выслушав меня, хозяин сказал, что вся моя речь показалась ему крайне странной и особенно ее последняя часть; он не мог понять, каким образом природа внушает нам скрывать то, что сама же она дала нам. Ни сам он, ни его домочадцы не стыдятся никакой части тела; впрочем, я могу поступать, как мне будет угодно. В ответ на его приглашение я расстегнул кафтан и снял его, затем снял жилет, башмаки, чулки и штаны; спустив рубашку до поясницы, я обмотал ею, как поясом, середину тела, чтобы скрыть мою наготу.

Хозяин наблюдал все мои действия с огромным любопытством и удивлением. Он брал одну за другой все принадлежности моего туалета между копытом и бабкой и рассматривал их с большим вниманием; потом он легонько погладил мое тело и несколько раз осмотрел его со всех сторон. Обследовав меня, он заявил, что без всяких сомнений я — настоящий *йэху* и отличаюсь от остальных индивидов моей породы только мягкостью, белизною и гладкостью кожи, отсутствием волос на некоторых частях тела, формой и длиной ногтей и, наконец, тем, что притворяюсь, будто постоянно хожу на задних ногах. Он не пожелал производить дальнейший осмотр и разрешил мне одеться, за что я был очень благодарен ему, так как очень продрог.

Я выразил хозяину большое неудовольствие по поводу того, что он так часто называет меня *йэху*, этой гнус-

ной скотиной, к которой я питаю глубочайшее отвращение и презрение. Я просил его сделать мне милость не называть меня этим словом и предложил изгнать его из употребления по отношению ко мне как в его семье, так и среди его друзей, которым он показывает меня. Я просил его также сохранить тайну искусственной оболочки моего тела, по крайней мере до тех пор, пока она совершенно не износится; что же касается его слуги, гнедого лошака, то его милость пусть соизволит приказать ему молчать.

На все это мой хозяин благосклонно согласился, и таким образом тайна моей одежды была сохранена до тех пор, пока она не стала изнашиваться, так что я должен был ухитриться чем-нибудь заменить ее, но об этом будет рассказано ниже. С своей стороны, хозяин выразил желание, чтобы я как можно старательнее продолжал изучать их язык, так как он больше поражен моим умом и способностями к членораздельной речи, чем видом моего тела, покрыто ли оно одеждой или нет, и с большим нетерпением ожидает услышать от меня чудеса, которые я обещал рассказать ему.

С этих пор хозяин с еще большим рвением стал обучать меня: он водил меня с собой в гости и просил всех обращаться со мною вежливо, потому что, по его словам, такое обхождение приводит меня в хорошее настроение, и я становлюсь более занятым.

Не ограничиваясь принятым на себя трудом обучать меня языку, хозяин задавал мне ежедневно, когда я бывал в его обществе, множество вопросов относительно меня самого, на которые я отвечал с большой готовностью; таким образом, у него постепенно составилось некоторое общее, хотя и очень несовершенное, представление о том, что я собирался рассказать ему. Было бы скучно излагать шаг за шагом мои успехи в языке, позволившие мне вести длинный разговор на серьезные темы, скажу только, что первый мой более или менее обстоятельный рассказ о себе был приблизительно таков.

Я прибыл, как уже пробовал разъяснить ему, из весьма отдаленной страны вместе с пятью-десятью такими же существами, как и я. Мы плавали по морям в большой деревянной посудине, размерами превосходящей дом его милости. Тут я описал хозяину судно в возможно бо-

лее понятных выражениях и при помощи развернутого носового платка показал, каким образом оно приводится в движение ветром. После ссоры, происшедшей между нами, продолжал я, я был высажен на этот берег и пошел вперед, куда глаза глядят, пока не подвергся нападению отвратительных *йэху*, от которых его появление освободило меня. Тогда хозяин спросил меня, кто сделал этот корабль и как случилось, что *гуигнгнмы* моей страны предоставили управление им диким животным. На это я ответил, что я только в том случае решусь продолжать свой рассказ, если он даст мне честное слово не обижаться, что бы он ни услышал; при этом условии я исполню свое обещание и расскажу ему множество удивительных вещей. Он согласился. Тогда я сказал ему, что корабль был построен такими же существами, как и я, которые во всех странах, где мне приходилось путешествовать, так же как и в моем отечестве, являются единственными разумными творениями, господствующими над всеми остальными животными, и что, по прибытии сюда, я был так же поражен при виде разумного поведения *гуигнгнмов*, как поразили бы его или его друзей проблиски ума в том создании, которое ему угодно было назвать *йэху*; я должен, конечно, признать полное сходство моего тела с телом этих животных, но не могу понять причину их вырождения и одичания. Я прибавил далее, что если судьба позволит мне возвратиться когда-нибудь на родину и я расскажу там об этом путешествии, как я решил это сделать, то мне никто не поверит, и каждый будет думать, будто я говорю то, чего не было, и что я выдумал свои приключения от начала до конца; и, несмотря на все мое уважение к нему, к его семье и его друзьям, я, помня его обещание не обижаться, беру на себя смелость утверждать, что мои соотечественники едва ли признают вероятным, чтобы *гуигнгнмы* были где-нибудь господствующей породой, а *йэху* грубыми скотами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Понятие гуигнгнмов об истине и лжи. Речь автора вызывает негодование у его хозяина. Более подробный рассказ автору о себе и о своих путешествиях.

озяин слушал меня с выражением большого замешательства на лице, так как *сомнение* и *недоверие* настолько неизвестны в этой стране, что *гуигнгнмы* не знают, как вести себя, когда обстоятельства принуждают их испытывать эти чувства. И я помню, что когда в моих продолжительных беседах с хозяином о качествах людей, живущих в других частях све-

та, мне приходилось упоминать о *лжи* и *обмане*, то он лишь с большим трудом понимал, что я хочу сказать, несмотря на то, что отличался большой остротой ума. Он рассуждал так: способность речи дана нам для того, чтобы понимать друг друга и получать сведения о различных предметах; но если кто-нибудь станет *утверждать то, чего нет*, то назначение нашей речи совершенно извращается, потому что в этом случае тот, к кому обращена речь, не может понимать своего собеседника; и он не только не получает никакого осведомления, но оказывается в состоянии худшем, чем неведение, потому что его уверяют, что белое — черно, а длинное — коротко. Этим ограничивались все его понятия относительно способности *лгать*, в таком совершенстве известной и так широко распространенной во всех человеческих обществах.

Но возвратимся к нашему рассказу. Когда я уверил своего хозяина, что *йэху* являются единственными господствующими животными на моей родине, что, по его словам, было совершенно недоступно его пониманию, он пожелал узнать, нет ли у нас *гуигнгнмов* и если есть, то чем они занимаются. Я ответил ему, что их у нас очень много и летом они пасутся на лугах, а зимою их держат в особых домах и кормят сеном и овсом, где слуги *йэху*

чистят их скребницами, расчесывают им гривы, обмывают поги, задают корм и готовят постель.

— Теперь я понимаю вас, — заметил мой хозяин, — из сказанного вами ясно, что как ваши *йэху* ни льстят себя мыслью, будто они разумные существа, все-таки господами у вас являются *гуигнгнмы*, и я от всей души желал бы, чтобы и наши *йэху* были так же послушны.

Тут я стал упрашивать его милость позволить мне не продолжать рассказ, так как я уверен, что подробности, которых он ожидает от меня, будут для него очень неприятны. Но он настаивал, говоря, что желает знать все, как хорошее, так и дурное. Я отвечал, что буду повиноваться, и сообщил, что наши *гуигнгнмы*, которых мы называем лошадьми, самые красивые и самые благородные из всех животных; они отличаются силой и быстротой, и когда принадлежат особам богатым, то ими пользуются для путешествий, для бегов, запрягают в элегантные экипажи и обращаются с ними очень ласково и заботливо, пока они здоровы и поги у них крепкие, но едва только силы изменяют им, как их продают и им приходится выполнять тяжелую работу до тех пор, пока они не околеют; а после смерти с них сдирают кожу, продают ее за бесценок, труп же бросают на съедение собакам и хищным птицам. Но судьба лошадей простой породы не так завидна. Большая часть их принадлежит крестьянам и извозчикам, которые заставляют их выполнять более тяжелую работу и кормят их хуже. Я подробно описал ему нашу манеру ездить верхом, форму и употребление уздечки, седла, шпор, кнута, упряжи и колес. Я прибавил, что к копытам наших лошадей мы прикрепляем пластины из особого твердого вещества, называемого железом, для предохранения их от повреждений о каменистые дороги, по которым мы больше всего ездим.

Энергично выразив свое величайшее негодование, мой хозяин был особенно поражен тем, что мы осмеливаемся садиться верхом на *гуигнгнма*, так как он был уверен, что самый слабый его слуга способен сбросить наземь самого сильного *йэху* или же, упав с ним на землю и катаясь на спине, раздавить скотину досмерти. На это я ответил, что наших лошадей дрессируют с трех или четырех лет для различных целей, к которым мы их предназначаем; что тех, которые не поддаются этой дрес-

сировке, запрягают в телеги; что в молодом возрасте их жестоко бьют кнутом за каждую своевольную выходку, что самцов, предназначенных для упряжи или верховой езды, по достижении двухлетнего возраста обыкновенно кастрируют, чтобы выгнать из них дурь и сделать более ручными и послушными; что все они очень чувствительны к наградам и наказаниям; но пусть его милость бла-

говолит принять во внимание, что, подобно здешним *йэху*, наши *гуигнгнмы* не обладают ни малейшими проблесками разума.

Мне пришлось прибегнуть ко множеству иносказаний, чтобы дать моему хозяину правильное представление о

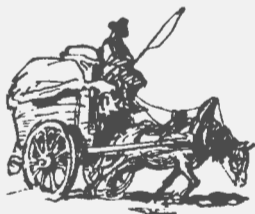

том, что я говорил: дело в том, что язык *гуигнгнмов* но отличается обилием и разнообразием слов, ибо потребностей и страстей у них меньше, чем у нас. Но невозможно описать благородного возмущения моего хозяина, вызванного рассказом о нашем варварском обращении с *гуигнгнмами* и особенно описанием нашего обычая кастрировать их, чтобы сделать их более покорными и помешать производить потомство. Он согласился с тем, что если есть страна, в которой только одни *йэху* одарены разу-

мом, то по всей справедливости им и должно принадлежать господство над остальными животными, так как разум в конце концов всегда возобладает над грубой силой; но, рассматривая внимательно строение нашего тела, в частности моего, он находит, что ни одно животное, одинаковой с нами величины, не является так худо приспособ-

ленным для употребления этого разума на службу повседневным жизненным потребностям. Поэтому его интересует вопрос, с кем имеют большее сходство существа, среди которых я жил: со мною или с здешними *йэху*. Я стал уверять его, что я так же хорошо сложен, как и большинство моих сверстников, но что подростки и самки гораздо более деликатны и нежны и кожа у самок обы-

кновенно бывает бела, как молоко. Хозяин ответил мне, что я действительно отличаюсь от других *йэху*, что я гораздо опрятнее их и далеко не так безобразен, но с точки зрения реальных преимуществ, сравнение с ними будет, по его мнению, не в мою пользу. Так, мои ногти мне совсем ни к чему ни на передних, ни на задних ногах; передние мои ноги, собственно, нельзя даже назвать ногами, так как он никогда не видел, чтобы я ходил на них; они слишком деликатны, чтобы выдержать соприкосновение с твердой землей, и я по большей части держу их открытыми, а если иногда и закрываю, то покровы эти не той формы и не так прочны, как те, что я ношу на

задних ногах; таким образом, я не могу ходить уверенно, потому что если одна из моих задних ног поскользнется, то я неизбежно должен буду упасть. Затем он стал находить недостатки в остальных частях моего тела: плоское лицо, выдающийся нос, глаза, помещенные прямо во лбу, так что я не могу смотреть по сторонам, не пово-

рачивая головы; не могу есть, не прибегая к помощи передних ног, для чего, вероятно, природа и наделила их столькими суставами. Он не понимал назначения расчлененных отростков на концах моих задних ног; по его

мнению, не покрытые кожей какого-нибудь другого животного, они слишком нежны для твердых и острых камней, да и все мое тело не имеет никакой защиты от стужи и зноя, кроме платья, и я обречен на скучное и утомительное занятие ежедневно надевать и сбрасывать его. Наконец, по его наблюдениям, все животные этой страны питают инстинктивное отвращение к *йэху*, причем более

слабые убегают от *йэху*, а те, что посильнее, прогоняют их от себя. Таким образом, если даже допустить, что мы одарены разумом, все же непонятно, как мы могли не только победить эту общую к нам антипатию всех живых существ, но даже приручить их и заставить служить себе.

Однако он не стал вести дальнейшего обсуждения этого вопроса, потому что ему больше хотелось выслушать историю моей жизни, узнать, где я родился и что со мною было до моего прибытия сюда.

Я заверил его, что с величайшей охотой готов удовлетворить его любопытство, но сильно сомневаюсь, удастся ли мне быть достаточно ясным относительно явлений,

о которых у его милости не может быть никакого представления, так как я не заметил в этой стране ничего похожего; тем не менее я буду всячески стараться выражать свои мысли путем сравнений и прошу его любезной помощи, когда я встречу затруднение в подыскании нужных слов. Его милость обещал исполнить мою просьбу.

Я сказал ему, что родился от почтенных родителей на острове, называемом Англией, который так далеко отсюда, что самый крепкий слуга его милости едва ли мог бы добежать до него в течение годичного движения солнца; что я изучал хирургию, то есть искусство излечивать ра-

ны и повреждения, полученные от несчастных случайностей или нанесенные чужой рукой; что моя родина находится под управлением самки той же породы, что и я, которую мы называем королевой; что я покинул родину с целью разбогатеть и по возвращении жить с семьей в достатке; что в последнее свое путешествие я был капитаном корабля и под моей командой находилось около пятидесяти *йэху*, из которых многие умерли в пути, и я принужден был заменить их другими *йэху*, набранными среди различных народов; что наш корабль дважды подвергался опасности потонуть: один раз во время сильной бури, а другой — наскочив на скалу. Здесь мой хозяин остановил меня и спросил, каким образом я мог уговорить чужеземцев из разных стран отважиться на совместное со мной путешествие после всех понесенных мною потерь и испытанных опасностей. Я отвечал, что это были люди, отчаявшиеся в своей судьбе, которых выгнали с родины нищета или преступление. Одни были разорены бесконечными тяжбами; другие промотали свое имущество благодаря пьянству, разврату и азартной игре; многие из них обвинялись в измене, убийстве, воровстве, отравлении, грабеже, клятвопреступлении, подлоге, чеканке фальшивой монеты, дезертирстве и переходе на сторону неприятеля; большинство были беглые из тюрем; они не отважились вернуться на родину из страха быть повешенными или сгнить в заточении и потому были вынуждены искать средств к существованию в чужих краях.

Во время этого рассказа моему хозяину угодно было несколько раз перебить меня. Мне часто пришлось прибегать к иносказаниям, чтобы дать ему представление о многочисленных преступлениях, принудивших большую часть моего экипажа покинуть свою родину. Понадобилось несколько дней, прежде чем он научился понимать меня. Он был в полном недоумении, что могло побудить этих людей к совершению подобных преступлений. Чтобы объяснить ему это, я постарался дать ему некоторое представление о свойственной всем нам ненасытной жажде власти, об ужасных последствиях сластолюбия, неводержности, злобы и зависти. Все это приходилось определять и описывать при помощи примеров и сравнений. После моих объяснений хозяин с удивлением и негодо-

ванием поднял глаза к небу, как мы делаем это, когда наше воображение бывает поражено чем-нибудь никогда невиданным и неслыханным. Власть, правительство, война, закон, наказание и тысяча подобных понятий не имели соответствующих терминов на языке *гуигенмов*, что почти лишало меня возможности дать моему хозяину сколько-нибудь правильное представление о том, что я говорил ему. Но, обладая от природы большим умом, укрепленным размышлением и беседами, он в заключение довольно удовлетворительно уяснил себе, на что бывает способна природа человека в наших странах, и пожелал, чтобы я дал ему более подробное описание той части света, которую мы называем Европой, и особенно моего отечества.

ГЛАВА ПЯТАЯ

По повелению своего хозяина автор знакомит его с положением Англии. Причины войн между европейскими государями. Автор приступает к изложению английской конституции.

усть читатель благоволит принять во внимание то обстоятельство, что нижеследующее извлечение из моих многочисленных бесед с хозяином содержит только наиболее существенное из того, что было мной сказано в течение около двух лет; его милость требовал от меня все больших подробностей по мере того, как я совершенствовался в языке *гуингн-*

мов. Я изложил ему как можно яснее общее положение Европы, рассказал о торговле и промышленности, науках и искусствах; и ответы, которые я давал ему на вопросы, возникавшие у него по разным поводам, служили в свою очередь неиссякаемым источником для новых бесед. Но я ограничусь здесь только самым существенным из того, что было нами сказано относительно моей родины, приводя эти разговоры в возможно более строгий порядок; при этом я не стану обращать внимания на хронологическую последовательность и другие побочные обстоятельства, я буду только заботиться об истине. Меня беспокоит лишь то, что я вряд ли сумею точно передать доводы и выражения моего хозяина, и они сильно пострадают как от моей неумелости, так и от их перевода на наш варварский язык.

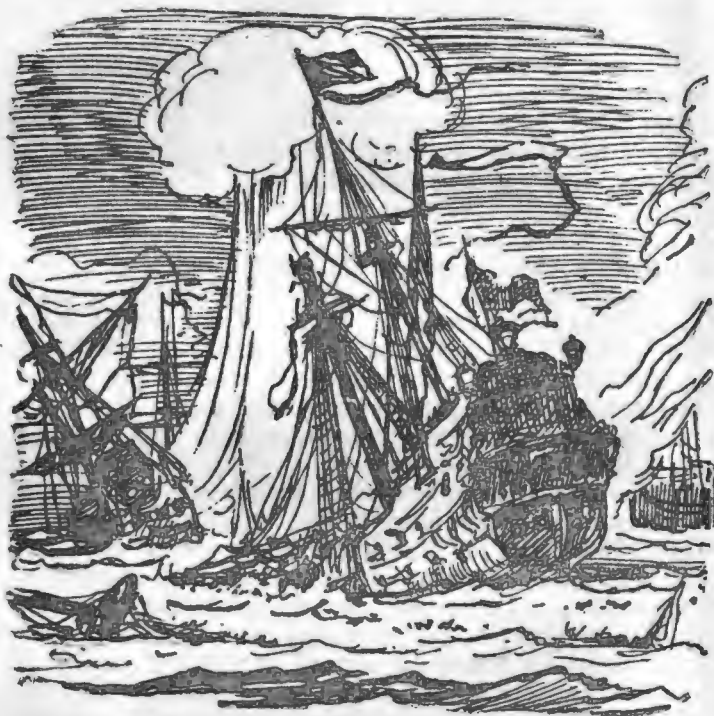
Итак, исполняя желание его милости, я рассказал про последнюю английскую революцию, произведенную принцем Оранским, многолетнюю войну с Францией, начатую этим принцем и возобновленную его преемницей, ныне царствующей королевой Анной, войну, в которой приняли участие все великие христианские державы и которая продолжается и до сих пор *. По просьбе моего хозяина я вычислил, что в течение этой войны было убито должно

быть около миллиона *йэху*, взято около ста городов и в три раза более этого сожжено или затоплено кораблей.

Хозяин спросил меня, что же служит обыкновенно причиной или поводом, побуждающим одно государство воевать с другим. Я отвечал, что их несчетное количество, но я ограничусь перечислением немногих, наиболее важных. Иногда таким поводом является честолюбие монархов, которым все бывает мало земель или людей, находящихся под их властью; иногда — испорченность министров, увлекающих своих государей в войну, чтобы заглушить и отвлечь жалобы подданных на их дурное управление. Различие мнений стоило многих миллионов жизней; * например, является ли тело хлебом или хлеб телом; является ли сок некоторых ягод кровью или вином; нужно ли считать свист грехом или добродетелью; что лучше: целовать кусок дерева или бросать его в огонь; какого цвета должна быть верхняя одежда: черного, белого, красного или серого; какова она должна быть: короткая или длинная, широкая или узкая, грязная или чистая, и т. д., и т. д. Я прибавил, что войны наши бывают наиболее ожесточенными, кровавыми и продолжительными именно в тех случаях, когда они обусловлены различием мнений, особенно если это различие касается вещей несущественных.

Иногда война между двумя государями разгорается из-за решения вопроса, кому из них надлежит изложить третьего, хотя ни один из них не имеет на то никакого права. Иногда один государь нападает на другого из страха, как бы тот не напал на него первым; иногда война начинается потому, что неприятель силен, а иногда, наоборот, потому, что он слишком слаб. Нередко у наших соседей нет того, что есть у нас, или же есть то, чего нет у нас: тогда мы деремся, пока они не отберут у нас наше или не отдадут нам свое. Вполне извинительным считается нападение на страну, если население ее изнурено голодом, истреблено чумою или обессилено внутренними раздорами. Точно так же признается справедливой война с самым близким союзником, если какой-нибудь его город расположен удобно для нас или кусок его территории округлит и завершит наши владения. Если какой-нибудь монарх посылает свои войска в страну, население которой бедно и невежественно, то половину его

он может самым законным образом истребить, а другую половину обратить в рабство, чтобы вывести этот народ из варварства и приобщить к благам цивилизации. Весьма распространен также следующий очень царственный и благородный образ действия: государь, приглашенный соседом помочь ему против вторгшегося в его пределы не-

приятеля, благополучно изгнав последнего, захватывает владения союзника, на помощь которому пришел, а его самого убивает, заключает в тюрьму или изгоняет. Кровное родство и брачные союзы являются весьма частой причиной войн между государями, и чем ближе это родство, тем больше они склонны к вражде. Бедные нации алчны, богатые надменны, а надменность и алчность все-

гда не в ладах. По всем этим причинам ремесло солдата считается у нас самым почетным, так как солдат есть *йэху*, нанимающийся хладнокровно убивать возможно большее число подобных себе существ, не причинивших ему ни малейшего зла.

Кроме того, в Европе существует особый вид нищих

государей, неспособных вести войну самостоятельно и отдающих свои войска внаем богатым государствам за определенную поденную плату с каждого солдата, из каковой платы они удерживают в свою пользу три четверти, что составляет существеннейшую статью их доходов; таковы государи Германии и других северных стран Европы.

— Все, что вы сообщили мне, — сказал мой хозяин, — по поводу войн, как нельзя лучше доказывает действия того разума, на обладание которым вы притязаете; к счастью, однако, ваше поведение не столько опасно, сколько позорно, ибо природа создала вас так, что вы не можете причинить особенно много зла.

В самом деле, ваш рот расположен в одной плоскости с остальными частями лица так, что вы вряд ли можете кусать друг друга, разве что по обоюдному согласию. Затем ваши когти на передних и задних ногах так коротки и нежны, что каждый наш *йэху* легко справится с дюжиной ваших собратьев. Поэтому, что касается приведенных вами чисел убитых в боях, то, мне кажется, простите, вы *говорите то, чего нет*.

При этих словах я покачал головой и не мог удержаться от улыбки. Военное искусство было мне не чуждо, и потому я обстоятельно описал ему, что такое пушки, кулеврины*, мушкеты, карабины, пистолеты, пули, порох, сабли, штыки, сражения, осады, отступления, атаки, мины и контрмины, бомбардировки, морские сражения, потопление кораблей с тысячью матросов, десятки тысяч убитых с каждой стороны; стоны умирающих, взлетающие в воздух члены, дым, шум, смятение, смерть под лошадиными копытами; бегство, преследование, победа; поля, покрытые трупами, брошенными на съедение собакам, волкам и хищным птицам; разбой, грабежи, изнасилования, пожары, разорение. И, желая похвастаться перед ним храбростью моих дорогих соотечественников, я сказал, что сам был свидетелем, как при осаде одного города они взорвали на воздух сотню неприятельских солдат и столько же в одном морском сражении, так что куски человеческих тел падали, точно с неба, к общему удовольствию всех зрителей.

Я хотел было пуститься в дальнейшие подробности, но хозяин приказал мне замолчать. Всякий, кто знает природу *йэху*, сказал он, без труда поверит, что такое гнусное животное способно на все описанные мною действия, если его сила и хитрость окажутся равными его злобе. Но мой рассказ увеличил его отвращение ко всей этой породе и поселил в уме его беспокойство, которого он никогда раньше не испытывал. Он боялся, что, привыкнув слушать подобные гнусные слова, он со временем

станет относиться к ним с меньшим отвращением. Хотя он гнушался *йэху*, населяющих эту страну, все же он не больше порицал их за их противные качества, чем *гнэйх* (хищную птицу) за ее жестокость или острый камень за то, что он повредил его копыто. Но, узнав, что существа, притязавшие на обладание разумом, способны совершать подобные ужасы, он опасается, что развращенный разум, пожалуй, хуже какой угодно звериной тупости. Поэтому он склонен думать, что мы одарены не разумом, а какой-то особенной способностью, содействующей росту наших природных пороков, подобно тому как волнуемый поток, отражая уродливое тело, не только увеличивает его, но еще более обезображивает.

Тут он заявил, что уже достаточно наслушался о войне как в этот наш разговор, так и раньше. Теперь его немного смущал другой вопрос. Я сообщил ему, что некоторые матросы моего бывшего экипажа покинули свою родину, потому что были разорены *законом*; хотя я уже объяснил ему смысл этого слова, однако он недоумевал, каким образом закон, назначение которого охранять интересы каждого, может привести кого-нибудь к разорению. Поэтому он желал услышать от меня более обстоятельные разъяснения относительно того, что я понимаю под законом и его применением, согласно практике, существующей в настоящее время у меня на родине, ибо, по его мнению, природа и разум являются достаточными руководителями разумных существ, какими мы считаем себя, и ясно показывают нам, что мы должны делать и чего должны избегать.

Я ответил его милости, что законы есть область, в которой я мало сведущ, так как все мое знакомство с ними ограничивается обращением к стряпчим, безуспешно защищавшим мою жалобу на причиненные мне несправедливости; все же, по мере сил, я постараюсь удовлетворить его любопытство.

Я сказал, что у нас есть целая корпорация людей, смолоду обученных искусству доказывать при помощи пространных речей, что белое черно, а черное бело, соответственно деньгам, которые им за это платят. Эта корпорация держит в рабстве весь народ. Например, если моему соседу понравилась моя корова, то он нанимает стряпчего с целью доказать, что он вправе отнять у

меня мою корову. С своей стороны, для защиты моих прав мне необходимо нанять другого стряпчего, так как закон никому не позволяет защищаться в суде самостоятельно. Кроме того, мое положение законного собственника оказывается в двух отношениях невыгодным. Во-первых, мой стряпчий, привыкнув почти с колыбели

защищать ложь, чувствует себя не в своей стихии, когда ему приходится отстаивать правое дело. И, оказавшись в положении неестественном, всегда действует крайне неуклюже и подчас даже злонамеренно. Невыгодно для меня также и то, что мой стряпчий должен проявлять крайнюю осмотрительность, иначе он рискует получить замечание со стороны судей и навлечь неприязнь своих собратьев за унижение профессионального достоинства. Таким образом, у меня только два

способа сохранить свою корову. Либо я подкупаю двойным гонораром стряпчего противной стороны, который подводит своего клиента, намекнув суду, что справедливость на его стороне. Либо мой защитник изображает мои претензии как явно несправедливые, высказывая предположение, что корова принадлежит моему противнику; если он сделает это достаточно искусно, то расположение судей в мою пользу обеспечено.

— Ваша милость должна знать, что судьями у нас называются лица, на которых возложена обязанность решать всякого рода имущественные тяжбы, а также уголовные дела; выбираются они из числа самых искусных стряпчих, состарившихся и обленившихся. Выступая всю свою жизнь против истины и справедливости, судьи эти с роковой необходимостью потворствуют обману, клятвопреступлению и насилию, и я знаю, что сплошь и рядом они отказываются от крупных взяток, предлагаемых им правой стороной, лишь бы только не подорвать авторитет сословия совершением поступка, не соответствующего его природе и достоинству.

В этом судейском сословии установилось правило, что

однажды вынесенное решение может, по аналогичному поводу, применяться вновь; на этом основании они с великою заботливостью сохраняют все старые решения, попирающие справедливость и здравый человеческий смысл. Эти решения известны у них под именем *прецедентов*; на них ссылаются, как на авторитет, для оправдания самых несправедливых мнений, и судьи никогда не упускают случая руководствоваться этими прецедентами.

При разборе тяжб они тщательно избегают касаться сущности дела; зато горячатся и кричат до хрипоты, пространно излагая обстоятельства, не имеющие к делу никакого отношения. Так, в упомянутом уже случае они никогда не выразят желанья узнать, какое право имеет мой противник на мою корову и какие доказательства этого права он может представить; но проявят величайший интерес к тому, рыжая ли упомянутая корова или черная; длинные у нее рога или короткие; круглое ли то поле, на котором она паслась, или четырехугольное; дома ли ее доят или на пастбище; каким болезням она подвержена и т. п.; после этого они начнут справляться с прецедентами, будут откладывать дело с одного срока на другой и через десять, двадцать или тридцать лет придут, наконец, к какому-нибудь решению.

Следует также принять во внимание, что это судебское сословие имеет свой собственный язык, особый жаргон, недоступный пониманию обыкновенных смертных, на котором пишутся все их законы. Эти законы умножаются с таким усердием, что ими совершенно затемнена подлинная сущность истины и лжи, справедливости и несправедливости; поэтому потребовалось бы не меньше тридцати лет, чтобы разрешить вопрос, мне ли принадлежит поле, доставшееся мне от моих предков, владевших им в шести поколениях, или какому-либо чужеземцу, живущему за триста миль от меня.

Судопроизводство над лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях, отличается несравненно большей быстротой и метод его гораздо похвальнее: судья первым делом осведомляется о настроении власти имущих, после чего без труда приговаривает обвиняемого к повешению или оправдывает, строго соблюдая при этом букву закона.

Тут мой хозяин прервал меня, выразив сожаление, что

такие существа, как эти судейские, одаренные, по-видимому, судя по данному мной описанию, удивительными способностями, не поощряются к лучшему употреблению своих талантов, например к наставлению других в мудрости и добродетели. В ответ на это я уверил его милость, что во всем, не имеющем отношения к их профессии, они являются обыкновенно самыми невежественными и глупыми из всех нас, неспособными вести самый простой разговор, заклЯтыми врагами всякого знания и всякой науки, так же склонными извращать здравый человеческий смысл во всех других областях, как они извращают его в своей профессии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Продолжение описания Англии. Характеристика первого, или главного, министра при европейских дворах.

ой хозяин все же был совершенно неспособен понять, какие мотивы побуждают это состояние законников тревожиться, беспокоиться и вступать в союз с несправедливостью просто для нанесения вреда своим ближним; он не мог также постичь, что я подразумеваю, когда говорю, что за свой труд они получают плату. В ответ на это мне пришлось с

большими затруднениями описать ему употребление денег, материал, из которого они изготавливаются, и цену благородных металлов; я сказал ему, что когда *йэху* собирает большое количество этого драгоценного вещества, то он может приобрести все, что ему вздумается: красивые платья, великолепные дома, большие пространства земли, самые дорогие яства и напитки; ему открыт выбор самых красивых самок. И так как одни только деньги способны доставить все эти блага, то нашим *йэху* все кажется, что денег у них недостаточно на расходы или на сбережения, в зависимости от того, к чему они больше предрасположены: к мотовству или к скупости. Я сказал также, что богатые пожинают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача, и что громадное большинство нашего народа вынуждено влачить жалкое существование, работая изо дня в день за скудную плату, чтобы меньшинство наслаждалось всеми благами жизни. Я подробно остановился на этом вопросе и разных связанных с ним частностях, но его милость плохо усваивал мою мысль, ибо он исходил из положения, что все животные имеют право на свою долю земных плодов, особенно те, которые господствуют над остальными. Поэтому он выразил желание знать, каковы же эти дорогие яства и почему некоторые из нас нуждаются в них. Тогда я перечислил все самые изысканные кушанья, какие я только

мор припомнить, и описал различные способы их приготвления, заметив, что за приправами к ним, различными напитками и бесчисленными пряностями приходится посылать корабли за море во все страны света. Я сказал ему, что нужно по крайней мере трижды объехать весь земной шар прежде, чем удастся достать провизию для завтрака какой-нибудь знатной самки наших *йэху* или чашку, в которой он должен быть подан. «Бедна же, однако, страна, — сказал мой собеседник, — которая не может прокормить своего населения!» Но особенно его поразило то обстоятельство, что описанные мной обширные территории совершенно лишены пресной воды и население их вынуждено посылать в заморские земли за питьем. Я ответил ему на это, что Англия (дорогая моя родина), по самому точному подсчету, производит разного рода съестных припасов в три раза больше, чем способно потребить ее население, а что касается питья, то из зерна некоторых злаков и из плодов некоторых растений мы извлекаем или выжимаем сок и получаем таким образом превосходные напитки; в такой же пропорции у нас производится все вообще необходимое для жизни. Но для удовлетворения сладостлюбия и неумеренных желаний самцов и тщеславия самок мы посылаем большую часть предметов первой необходимости в другие страны, откуда взамен вывозим материалы, усугубляющие наши болезни, пороки и прихоти. Отсюда неизбежно следует, что огромное количество моих соотечественников вынуждено добывать себе пропитание нищенством, грабежом, воровством, мошенничеством, сводничеством, клятвопреступлением, подкупом, подделкой, ложью, игрой, угодничеством, бахвальством, торговлей избирательными голосами, бумагомаранием, звездочетством, отравлением, развратом, ханжеством, клеветой, вольнодумством и тому подобными занятиями; читатель может себе представить, сколько труда мне понадобилось, чтобы растолковать *гуигнгнму* каждое из этих слов.

Я объяснил ему, что вино, привозимое к нам из чужих стран, служит не для восполнения недостатка в воде и в других напитках, но влага эта веселит нас, одурманивает, рассеивает грустные мысли, наполняет мозг фантастическими образами, убаюкивает несбыточными надеждами, прогоняет страх, приостанавливает на неко-

торое время деятельность разума, лишает нас способности управлять движениями нашего тела и в заключение погружает в глубокий сон; правда, нужно признать, что от такого сна мы просыпаемся всегда больными и удрученными и что употребление этой влаги рождает у нас всякие недуги, делает нашу жизнь несчастной и сокращает ее.

Кроме всего этого, большинство населения добывает у нас средства к существованию снабжением богачей и вообще друг друга предметами первой необходимости и роскоши. Например, когда я захожусь у себя дома и одеваюсь, как мне полагается, я пошу на своем теле работу по крайней мере ста человек; постройка и обстановка моего дома требуют еще большего числа рабочих, а чтобы парадить мою жену, нужно увеличить это число еще в пять раз.

Я собрался было рассказать ему еще об одном классе людей, добывающем себе средства к жизни уходом за больными, потому что несколько раз упоминал уже его милости, что много матросов на моем корабле погибло от болезней; но тут мне пришлось затратить много времени на то, чтобы растолковать ему мои намерения. Для него было вполне понятно, что *каждый гуигенн* слабеет и отяжелевает за несколько дней до смерти или получает случайно какое-нибудь поранение. Но он не мог допустить, чтобы природа, все произведения которой совершенны, способна была породить в нашем теле болезни, и просил меня разъяснить причину этого непостижимого бедствия. Я рассказал ему, что мы употребляем в пищу тысячу различных веществ, которые часто оказывают на наш организм прямо противоположное действие; что мы едим, когда мы не голодны, и пьем, не чувствуя никакой жажды; что целые ночи напролет мы пьем крепкие напитки и ничего при этом не едим, что располагает нас к лени, приводит к воспалению внутренностей, расстраивает желудок или препятствует пищеварению; что занимающиеся проституцией самки *йэху* приобретают особую болезнь, от которой гниют кости, и заражают этой болезнью каждого, кто попадает в их объятия; что эта болезнь, как и многие другие, передается от отца к сыну, так что многие из нас уже при рождении на свет носят в себе зачатки недугов; что понадобилось бы слишком

много времени для перечисления всех болезней, которым подвержено человеческое тело, так как не менее пяти или шести сот их поражают каждый его член и сустав; словом, всякая часть нашего тела, как внешняя, так и внутренняя, подвержена множеству болезней. Для искоренения этого зла у нас существует целый класс специально обученных людей, которые лечат больных или делают вид, будто лечат. И так как я обладаю некоторыми сведениями в этом искусстве, то в знак благодарности к его милости могу посвятить его в тайны и методы, практикуемые представителями этого класса.

Основное положение их науки гласит, что все болезни происходят от переполнения, откуда они справедливо заключают, что прежде всего необходимо опорожнить тело или естественным путем, или через рот. Для достижения этого они берут разные травы, минералы, смолы, масла, раковины, соли, соки, водоросли, экскременты, древесную кору, змей, жаб, лягушек, пауков, мясо и кости покойников, птиц, животных и рыб и изготовляют из всего этого микстуру, на запах и на вкус самую противную, самую тошнотворную и самую омерзительную, какую только возможно себе представить, так что желудок немедленно с отвращением извергает ее вою; они называют ее рвотным. Или же, приготовив из тех же веществ с придачей некоторых ядов столь же пакостное и непереносимое для кишок лекарство, заставляют принимать его (смотря по настроению медика) то через верхнее, то через нижнее отверстие; лекарство это, расслабляя брюхо, гонит из него все его содержимое и называется слабительным или клистиром. В самом деле, так как природа (рассуждают медики) назначила человеку верхнее отверстие только для введения внутрь твердых и жидких веществ, а ниж-

нее для извержения, а при всех болезнях природа, по остроумной теории этих ловкачей, как бы выбивается из седла, то для водворения ее на место с телом больного нужно обращаться прямо противоположным образом и изменить назначение каждого отверстия: вводить твердые и жидкие вещества через кишечник, а опорожнении производить через рот.

Но кроме действительных болезней, мы подвержены множеству болезней мнимых, против которых врачи изобрели мнимое лечение; эти болезни имеют свои названия и соответствующие лекарства; ими всегда страдают сами наши *йэху*.

Особенно отличается это племя в искусстве прогноза; тут они редко совершают промах; действительно, в случае настоящей болезни, более или менее злокачественной, медики обыкновенно предсказывают смерть, которая всегда в их власти, между тем как излечение от них не зависит; поэтому при неожиданных признаках улучшения, после того как ими уже был произнесен приговор, они, не желая прослыть лжепророками, умеют доказать свою мудрость своевременно данной дозой лекарства.

Равным образом они бывают весьма полезны мужьям и женам, если те устали носить супружеские цепи, старшим сыновьям, первым министрам и часто государям.

Мне уже раньше приходилось беседовать с моим хозяином о природе правительства вообще и в частности о нашей превосходной конституции, вызывающей заслуженное удивление и зависть всего света. Но когда я однажды произнес слово министр, то мой хозяин, опустя некоторое время, попросил меня объяснить ему, какую именно новизну *йэху* обозначаю я этим словом.

Я ответил ему, что первый, или главный, министр государства, особу которого я намереваюсь описать, является существом совершенно неподверженным радости и горю, любви и ненависти, жалости и гневу; по крайней мере он не проявляет никаких страстей, кроме неистовой жажды богатства, власти и почестей; он пользуется словами для самых различных целей, но только не для выражения своих мыслей; он никогда не говорит правды, иначе как с намерением, чтобы ее приняли за ложь, и лжет только в тех случаях, когда хочет выдать свою ложь за правду;

люди, о которых он дурно отзывается за глаза, могут быть уверены, что они находятся на пути к почестям; если же он начинает хвалить вас перед другими или в глаза, с того самого дня вы человек погибший. Наихудшим предзнаменованием для вас бывает обещание министра, особенно когда оно подтверждается клятвой; после этого каждый благоразумный человек удаляется и оставляет всякую надежду.

Есть три способа, при помощи которых можно достигнуть поста главного министра. Первый способ — умение распорядиться женой, дочерью или сестрой, второй — донос на своего предшественника или подкоп под него и, наконец, третий — яростное нападение в общественных собраниях на испорченность двора. Однако мудрый государь отдает предпочтение тем, кто применяет последний способ, ибо эти фанатики всегда с наибольшим раболепием будут потакать прихотям и страстям своего господина. Достигнув власти, министр, в распоряжении которого все должности, укрепляет свое положение путем подкупа большинства сенаторов или членов большого совета; в заключение, оградив себя от всякой ответственности особым актом, называемым амнистией (я изложил его милости его сущность), они удаляются от общественной деятельности, отягченные награбленным у народа богатством.

Дворец первого министра служит школой, где воспитываются для такого же рода деятельности: пажи, лакеи, швейцары, подражая своему господину, становятся такими же министрами в своей сфере и в совершенстве изучают три главных элемента этого искусства: наглость, ложь и подкуп. Вследствие этого каждый из них имеет у себя свой двор, составленный из лиц высшего круга; подчас благодаря ловкости и бесстыдству им удастся, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, стать преемниками своего господина.

Первым министром управляет обыкновенно какая-нибудь старая распутница или лакей-фаворит; они являются каналами, по которым разливаются все милости министра, и по справедливости могут быть названы подлинными правителями государства.

Однажды, когда я рассказывал о нашем дворянстве, хозяин удостоил меня комплиментом, которого я совсем

не добивался. Он сказал, что я, наверное, родился в благородной семье, так как по сложению, цвету кожи и чистоплотности я значительно превосхожу всех *цзху* его родины, хотя, по-видимому, и уступаю последним в силе и ловкости, что, по его мнению, обусловлено моим образом жизни, отличающимся от образа жизни других животных; кроме того, я не только одарен способностью речи, но также некоторыми зачатками разума и такой степени, что все его знакомые считают меня чудом.

Он обратил мое внимание на то, что среди *гуингнмон* белые, гнедые и темно-серые хуже сложены, чем серые и яблоках, караковые и воронье; они не обладают такими природными талантами и в меньшей степени поддаются развитию; поэтому всю свою жизнь они остаются в положении слуг, даже и не мечтая о лучшей участи, ибо все их притязания были бы признаны здесь противоестественными и чудовищными.

Я выразил его милости мою нижайшую благодарность за доброе мнение, которое ему угодно было составить обо мне; но уверил его в то же время, что происхождение мое очень невысокое и что мои родители были скромные почтенные люди, которые едва имели возможность дать мне приличное образование; я сказал ему, что наше дворянство совсем не таково, каким он представляет его себе; что молодые дворяне с самого детства воспитываются в праздности и роскоши и, как только достигнут известного возраста, тратят свои силы в дурном обществе; промотав таким образом почти все состояние, они женятся ради денег на женщинах низкого происхождения, не отличающихся ни красотой, ни здоровьем, которых они ненавидят и презирают. Плодом этих браков обыкновенно являются золотушные, рахитические или уродливые дети; при таких условиях дворянские фамилии редко продолжают более трех поколений, разве только жены предусмотрительно выбирают среди соседей и прислуги здоровых отцов в целях улучшения и продолжения рода. Слабое, болезненное тело, худоба, землистый цвет лица — вот верные признаки благородной крови; здоровое и крепкое сложение считается даже бесчестьем для человека знатного, ибо при виде такого здоровяка все тотчас делают вывод, что его настоящим от-

ном был конюх или кучер. Недостатки физические сопровождаются недостатками умственными и нравственными, так что люди эти сочетают в себе все недостатки: хандру, тупоумие, невежество, самодурство, чувственность и спесь. И вот, без согласия этого блестящего класса не может быть издан, отменен или изменен ни один закон; эти же люди безапелляционно решают все наши имущественные дела.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Глубокий патриотизм автора. Замечания хозяина относительно описанных автором английской конституции и английского правления, с приведением параллелей и сравнений. Наблюдения хозяина над человеческой природой.

читатель будет, пожалуй, удивлен, каким образом я мог решиться изобразить наше племя в столь непривлекательном виде перед породой существ, и без того очень склонявшихся к самому неблагоприятному мнению о человеческом роде благодаря моему полному сходству с тамошними йэху. Но я должен чистосердечно признаться, что сопоставление множества добродетелей этих прекрасных четвероногих с человеческой испорченностью раскрыло мне глаза и так расширило мой умственный кругозор, что поступки и страсти человека предстали мне в совершенно новом свете, и я пришел к заключению, что не стоит щадить честь моего племени; впрочем, мне бы это и не удалось в присутствии лица со столь пронизательным умом, как мой хозяин, ежедневно изобличавший меня в тысяче пороков, которых я вовсе не замечал до сих пор и которые у нас, людей, не считались бы даже малыми недостатками. Равным образом, следуя его примеру, я почувствовал глубокую ненависть ко всякой лжи и притворству, и истина стала мне столь любезной, что я решил пожертвовать всем ради нее.

Но я хочу быть вполне откровенным с читателем и сознаюсь, что у меня был еще более могущественный мотив не церемониться при описании быта и нравов моих соотечественников. Не прожив в этой стране даже года, я проникся такой любовью и уважением к ее обитателям, что принял твердое решение никогда больше не возвращаться к людям и провести остаток дней своих среди этих удивительных гуигнгнмов, созерцая всяческую добродетель и следуя ей, в стране, где перед моими глаза-

ми вовсе не было дурных примеров и поощрений к пороку. Но судьба, мой вечный враг, постановила не отпустить на мою долю столь огромного счастья. Однако я не без удовольствия думаю сейчас, что в рассказах о моих соотечественниках я смягчил их недостатки, насколько это было возможно в присутствии столь проницательного ума, и каждый пункт оборачивал так, чтобы представить его в наиболее выгодном освещении. Ибо есть разве живое существо, которое не питало бы слабости и не относилось бы снисходительно к месту своего рождения?

Я передал только самое существенное из моих многочисленных бесед с хозяином, продолжавшихся почти все время, когда я имел честь состоять у него на службе, и для краткости опустил гораздо больше, чем приведено мной здесь.

Когда я ответил на все вопросы хозяина и его любопытство было, по-видимому, вполне удовлетворено, он послал однажды рано утром за мной и, пригласив меня сесть на некотором от него расстоянии (честь, которой раньше я никогда не удостоивался), сказал, что он много размышлял по поводу рассказанного мной как о себе, так и о моей родине и пришел к заключению, что мы являемся особенной породой животных, наделенных, благодаря какой-то непонятной для него случайности, крохотной частицей разума, каковой мы пользуемся лишь для усугубления своих прирожденных недостатков и для приобретения пороков, от природы нам несвойственных. Заглушая в себе многие дарования, которыми наделила нас природа, мы необыкновенно искусны по части умножения наших первоначальных потребностей и, по-видимому, проводим всю свою жизнь в суетных стараниях удовлетворить их при помощи изобретенных нами средств. Что касается меня самого, то я, очевидно, не обладаю ни силой, ни ловкостью среднего *йэху*: нетвердо хожу на задних ногах; ухитрился сделать свои когти совершенно непригодными для защиты и удалить с подбородка волосы, предназначенные служить защитой от солнца и непогоды. Наконец, я не могу ни быстро бегать, ни взбираться на деревья, подобно моим братьям (как он все время называл их), местным *йэху*.

Существование у нас правительства и законов, очевидно, обусловлено большим несовершенством нашего разу-

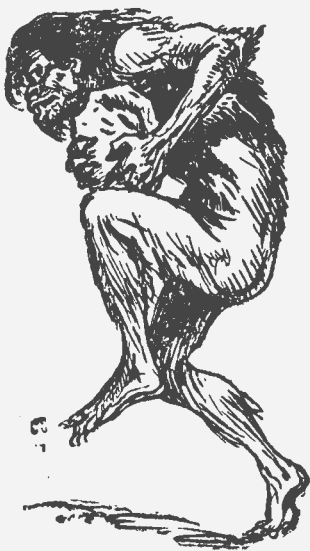
ма, а следовательно, и добродетели; ибо для управления разумным существом достаточно одного разума; таким образом, мы, по-видимому, вовсе не притязаем на обличение им, даже если судить по моему рассказу; хотя он ясно заметил, что я стараюсь утаить многие подробности для более благоприятного представления о моих соотечественниках и часто *говорю то, чего нет*.

Еще более он укрепился в этом мнении, когда заметил, что, подобно полному сходству моего тела с телом *йэху*, кроме немногих отличий не в мою пользу: меньшей силы, ловкости, быстроты, коротких когтей и еще некоторых особенностей искусственного происхождения, — образ нашей жизни, наши нравы и наши поступки, согласно нарисованной мной картине, обнаруживают большое сходство между нами и *йэху* также и в умственном отношении. *Йэху*, сказал он, ненавидят друг друга больше, чем животные иной породы; причину этого явления обыкновенно усматривают в их внешнем безобразии, которое они видят у других представителей своей особи, но не замечают у себя самих. Поэтому он склонен считать не таким уж неразумным наш обычай носить одежду и при помощи этого изобретения прятать друг от друга телесные недостатки, которые иначе были бы невыносимы. Но теперь он находит, что им была допущена ошибка и что причины раздоров среди этих скотов здесь, у него на родине, те же самые, что и описанные мной причины раздоров среди моих соплеменников. В самом деле, сказал он, если вы дадите пятерым *йэху* корм, которого хватило бы для пятидесяти, то они, вместо того чтобы спокойно приступить к еде, затевают драку, и каждый старается захватить все для себя. Поэтому, когда *йэху* кормят вне дома, то к ним обыкновенно приставляют слугу; дома же их держат на привязи, на некотором расстоянии друг от друга. Если падет корова от старости или от болезни и *гуигнгим* не успеет вовремя взять ее труп для своих *йэху*, то к нему стадами сбегаются окрестные *йэху* и набрасываются на добычу; тут между ними завязываются целые сражения, вроде описанных мной; они наносят когтями страшные раны друг другу, но убивать противника им удается редко, потому что у них нет изобретенных нами смертоносных орудий. Иногда подобные сражения между *йэху* соседних местностей начинаются без всякой

видимой причины; *йэху* одной местности всячески стараются напасть на соседей врасплох, прежде чем те успели приготовиться. Но если они терпят почему-либо неудачу, то возвращаются домой и, за отсутствием неприятеля, начинают между собою то, что я назвал гражданской войной.

В некоторых местах этой страны попадаются разноцветные блестящие камни, к которым *йэху* питают настоящую страсть; и если камни эти крепко сидят в земле, как это иногда случается, они роют когтями с утра до ночи, чтобы вырвать их, после чего уносят свою добычу и кучами зарывают ее у себя в логовищах; они действуют при этом с крайней осторожностью, беспрестанно оглядываясь по сторонам из боязни, как бы товарищи не открыли их сокровищ. Мой хозяин никак не мог понять причину столь неестественного влечения и узнать, для чего нужны *йэху* эти камни; но теперь ему кажется, что влечение это проистекает от той самой скупости, которую я приписываю человеческому роду. Однажды, ради опыта, он потихоньку убрал кучу этих камней с места, куда один из его *йэху* зарыл их; скaredное животное, заметив исчезновение своего сокровища, подняло такой громкий и жалобный вой, что сбежалось целое стадо *йэху* и стало подвывать ему; ограбленный с яростью набросился на товарищей, стал кусать и царапать их, потом затосковал, не хотел ни есть, ни спать, ни работать, пока хозяин не приказал слуге потихоньку положить камни на прежнее место; обнаружив свои драгоценности, *йэху* сразу же оживился и пришел в хорошее настроение, но заботливо спрятав сокровище в более укромное место и с тех пор всегда был покорным и работающим.

Хозяин утверждал также, да я и сам наблюдал это, что наиболее ожесточенные сраже-

ния между *йэху* происходят чаще всего на полях, изобилующих драгоценными камнями, потому что поля эти подвергаются постоянным нашествиям окрестных *йэху*.

Когда два *йэху*, продолжал хозяин, находят в поле такой камень и вступают в борьбу за обладание им, то сплошь и рядом он достается третьему, который, пользуясь случаем, схватывает и уносит его. Мой хозяин усматривал тут некоторое сходство с нашими судебными процессами; в интересах нашей репутации я не стал разубеждать его, ибо упомянутое им разрешение спора было гораздо справедливее многих наших судебных постановлений. В самом деле, здесь тяжущиеся не теряют ничего, кроме оспариваемого ими друг у друга камня, между тем как наши суды не прекращают дела до тех пор, пока наконец не разорят обе тяжущиеся стороны.

Продолжая свою речь, мой хозяин сказал, что ничто так не отвратительно у *йэху*, как их прожорливость; они набрасываются без разбора на все, что попадается им под ноги: траву, коренья, ягоды, протухшее мясо или все это вместе; и замечательной их особенностью является то, что пищу, похищенную ими или добытую грабежом где-нибудь вдали, они предпочитают гораздо лучшей пище, приготовленной для них дома. Если добыча их велика, они едят до тех пор, пока вмещает брюхо, после чего инстинкт указывает им особый корень, вызывающий радикальное очищение желудка.

Здесь попадает еще один очень сочный корень, правда редко, и найти его не легко; *йэху* старательно разыскивают этот корень и с наслаждением его сосут; он производит на них то же действие, какое производит на нас вино. Под его влиянием они то обнимаются, то дерутся, режут, гримасничают, издают нечленораздельные звуки, пошатываются, спотыкаются, падают в грязь и засыпают.

Я обратил внимание, что в этой стране *йэху* являются единственными животными, которые подвержены болезням; однако этих болезней у них гораздо меньше, чем у наших лошадей. Все они обусловлены не дурным обращением с ними, а нечистоплотностью и обжорством этих гнусных скотов. Язык *гуигнгнмов* знает только одно общее название для всех этих болезней, образованное от имени самого животного: *гнийэху*, то есть болезнь *йэху*;

средством от этой болезни является микстура, составленная из кала и мочи этих животных и насильно вливаемая больному *йэху* в глотку. По моим наблюдениям, лекарство это приносит большую пользу, и, в интересах общественного блага, я смело рекомендую его моим соотечественникам, как превосходное средство против всех недугований, вызванных пресыщением.

Что касается науки, системы управления, искусства, промышленности и тому подобных вещей, то мой хозяин

признался, что в этом отношении он не находит почти никакого сходства между *йэху* его страны и нашей. Ибо его интересовали только те черты, в которых обнаруживается сходство нашей природы. Правда, он слышал от некоторых любознательных *гуигнгнмов*, что в большинстве стад *йэху* бывают своего рода вожди (подобно тому как в наших зверинцах стада оленей имеют обыкновенно своих вожаков), которые всегда являются самыми безобразными и злобными из всего стада. У каждого такого вождя бывает обыкновенно фаворит, имеющий чрезвычайное с ним сходство, обязанность которого заключается в том, что он лижет ноги и зад своего господина и доставляет самок в его логовище; в благодарность за это его время от времени награждают куском ослиного мяса. Этот фаворит является предметом ненависти всего стада, и потому, для безопасности, всегда держится возле своего

господина. Обыкновенно он остается у власти до тех пор, пока не найдется еще худшего *йэху*; и едва только он удаляется в отставку, как все *йэху* этой области, молодые и старые, самцы и самки, во главе с его преемником, плотно обступают его и обдают с головы до ног своими испражнениями. Насколько все это приложимо к нашим дворам, фаворитам и министрам, мой хозяин предложил определить мне самому.

Я не осмелился возразить что-нибудь на эту злобную клевету, ставившую человеческий разум ниже чутья любой охотничьей собаки, которая обладает достаточной сообразительностью, чтобы различить лай наиболее опытного кобеля в своре и следовать за ним, никогда при этом не ошибаясь.

Особенностью *йэху*, не менее поражавшей моего хозяина, было непонятное их пристрастие к нечистоплотности и грязи, в то время как у всех других животных так естественна любовь к чистоте. Мне было бы не трудно снять с моих соплеменников обвинение, будто они одни отличаются нечистоплотностью, если бы в стране *гуигн-гнмов* существовали свиньи, но, к моему несчастью, их там не было. Хотя эти четвероногие более благообразны, чем *йэху*, они, однако, по справедливости не могут, как я скромно полагаю, похвастаться большей чистоплотностью; его милость, наверное, согласился бы со мной, если бы увидел, как противно они едят и как любят валяться и спать в грязи.

Мой хозяин упомянул еще об одной особенности, которая была обнаружена его слугами у некоторых *йэху* и осталась для него совершенно необъяснимой. По его словам, иногда *йэху* приходит фантазия забиться в угол, лечь на землю, выть, стонать и гнать от себя каждого, кто подойдет, несмотря на то, что такие *йэху* молоды, упитаны и не нуждаются ни в пище, ни в питье; слуги никак не могут взять в толк, что может у них болеть. Единственным лекарством против этого недуга является тяжелая работа, которая неизменно приводит пораженного им *йэху* в нормальное состояние. На этот рассказ я ответил молчанием из любви к моим соотечественникам, хотя для меня очевидно, что описанное состояние есть зачаток хандры — болезни, которою страдают обыкновенно только праздные и сластолюбивые богачи и от которой я

взялся бы вылечить их, подвергнув режиму, применяемому в таких случаях *гигиенными*.

Далее его милость сказал, что ему часто случалось наблюдать, как самка *йэху*, завидя проходящих мимо молодых самцов, прячется за холм или за куст, откуда по временам выглядывает, делая при этом много смешных жестов и гримас; было замечено, что в такие моменты от нее распространяется весьма неприятный запах. Если некоторые из самцов приближаются к ней, она медленно удаляется, поминутно оглядываясь, затем в притворном страхе убегает в укромное место, прекрасно зная, что самец последует за ней туда.

Если в стадо забегает чужая самка, то две или три представительницы ее пола окружают ее, таращат на нее глаза, что-то лепечут, гримасничают, обнюхивают ее со всех сторон; затем отворачиваются с жестами презрения и отвращения.

Быть может, мой хозяин несколько сгустил краски, передавая мне результаты собственных наблюдений или рассказы, слышанные им от других; однако я не мог не прийти к несколько курьезному и очень прискорбному заключению, что зачатки разврата, кокетства, пристрастной критики и злословия присущи от рождения всему женскому полу.

Я все ожидал, что мой хозяин обвинит *йэху* в противоестественных наклонностях, которые так распространены у нас среди обоих полов. Однако природа, по-видимому, мало опытный наставник в этих утонченных наслаждениях, и они целиком порождены искусством и разумом на нашей части земного шара.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Автор описывает некоторые особенности йэху. Великие добродетели гуигнгнмов. Воспитание и упражнения их молодого поколения. Национальное собрание.

Так как я понимал природу человеческую лучше, чем, по моим предположениям, мог понимать ее мой хозяин, то мне было нетрудно приложить изобретенный им характер йэху к себе самому и к моим соотечественникам; и мне казалось, что при помощи самостоятельных наблюдений я совершу дальнейшие открытия. Поэтому я часто просил его милость по-

зволить мне посещать окрестные стада йэху, на что он всегда любезно соглашался, будучи вполне уверен, что отвращение, питаемое мной к этим скотам, предохранит меня от всякого дурного влияния с их стороны; но его милость приказал своему слуге, сильному гнедому лошаку, очень славному и добродушному созданию, сопровождать меня, и я сознаюсь, что без его охраны не отважился бы предпринимать такие экскурсии. Я уже рассказал читателю, какой прием оказали мне эти противные животные по прибытии моем в страну. Впоследствии я три или четыре раза чуть было не попал в их лапы, когда удалялся на некоторое расстояние от дома, не захватив с собой тесака. У меня есть основание думать, что животные эти смотрели на меня, как на одного из себе подобных, чему я сам часто содействовал, засучивая рукава и показывая им мои обнаженные руки и грудь, когда мой охранитель находился подле меня. В таких случаях они старались подойти как можно ближе и подражали моим движениям на манер обезьян, но всегда с выражением величайшей ненависти; так дикие галки преследуют прирученную, на которой колпачок и чулочки, если она случайно залетает в их стаю.

Йэху с детства отличаются удивительным проворством. Однако раз мне удалось поймать трехлетнего сам-

ца; я всячески старался успокоить его ласками, но чертенок начал так отчаянно орать, царапаться и кусаться, что я вынужден был отпустить его, и хорошо сделал, потому что на шум сбежалось все стадо; но видя, что детеныш невредим (он в это время удрал), а гнедой лошак стоит подле меня, *йэху* не посмели подойти к нам. Я почувствовал, что тело молодого *йэху* издает резкий кислый запах, похожий на запах хорька и лисицы, но гораздо более неприятный. Я забыл упомянуть еще об одной подробности (хотя, вероятно, читатель извинил бы меня, если бы я опустил ее совсем): когда я держал этого паршивца в руках, он загадил мне все платье своими жидкими желтыми испражнениями; к счастью, мы находились подле небольшого ручейка, в котором я тщательно вымылся; однако же я не решился показаться на глаза к своему хозяину до тех пор, пока платье совершенно не проветрилось.

По моим наблюдениям, *йэху* являются самыми невосприимчивыми к обучению животными и неспособны ни к чему большему, как только к тасканию тяжестей. Однако я думаю, что этот недостаток объясняется главным образом упрямым и недоверчивым характером этих животных. Ибо они хитры, злобны, вероломны и мстительны. Они сильны и дерзки, но вместе с тем трусливы, что делает их наглými, низкими и жестокими. Замечено, что рыжеволосые обоих полов более похотливы и злобны, чем остальные, которых они значительно превосходят силой и ловкостью.

Гуигнгнмы держат *йэху*, которыми они пользуются в качестве рабочего скота, в хлевах недалеко от дома; остальных же выгоняют на поля, где те роют коренья, едят различные травы, разыскивают падаль, а иногда ловят хорьков и *люхимухс* (вид полевой крысы), которых с жадностью пожирают. Природа научила этих животных рыть когтями глубокие норы на склонах холмов, в которых они живут поодиночке; только логовище самок побольше, так что в них могут поместиться еще два или три детеныша.

Они с детства плавают, как лягушки, и могут долго держаться под водой, где часто ловят рыбу, которую самки носят своим детенышам.

Так как я прожил в этой стране целых три года, то читатель, наверное, ожидает, что, по примеру других пу-

тешественников, я дам ему подробное описание нравов и обычаев туземцев, которые действительно были главным предметом моего изучения.

Так как благородные *гуигнгны* от природы высоко-нравственны, одарены всеми добродетелями и не имеют ни малейшего понятия о том, что такое зло в разумном существе, то основное правило их жизни — это совершенствование разума, который полностью управляет их поступками. Для них разум не является, как для нас, инстанцией проблематической, снабжающей одинаково правдоподобными доводами за и против; наоборот, он действует на мысль с непосредственной убедительностью, как это и должно быть, когда он не осложнен, не затемнен и не запятнан страстью и корыстью. Я помню, какого труда стоило мне растолковать моему хозяину значение слова *мнение* или каким образом утверждение может быть спорным; ведь разум учит нас утверждать или отрицать только то, в чем мы уверены, а чего не знаем, того не вправе ни утверждать, ни отрицать. Таким образом, споры, пререкания, прения и упорное отстаивание ложных или сомнительных положений суть пороки, неизвестные *гуигнгнам*. Равным образом, когда я попытался разъяснить ему наши различные системы естественной философии, он засмеялся: разве мыслимо, чтобы существо, притязающее на разумность, вменяло себе в заслугу знание домыслов других существ, притом относительно вещей, где это знание, даже если бы оно было достоверно, не могло бы иметь никакого практического значения. В этом отношении мысли его вполне согласовались с изречениями Сократа, как они переданы Платоном *, и мне кажется, что, упоминая об этом факте, я оказываю величайшую честь царю нашей философии. С тех пор я часто думал, какие опустошения произвела бы эта доктрина в библиотеках Европы и сколько путей к славе было бы закрыто для ученого мира.

Дружба и благожелательность являются двумя главными добродетелями *гуигнгмов*, и они не ограничиваются отдельными особями, но простираются на всю расу. Таким образом, чужестранец из самых далеких мест встречает здесь такой же прием, как и самый близкий сосед, и куда бы он ни пришел, везде чувствует себя как дома. *Гуигнгны* строго соблюдают приличия и учти-

вость, но они совершенно незнакомы с тем, что мы называем этикетом. Они не балуют своих жеребят, но заботы, проявляемые родителями по отношению к воспитанию детей, диктуются исключительно разумом. И я заметил, что мой хозяин так же ласково относится к детям соседа, как и к своим собственным. *Гуигнгны* думают, что природа учит их одинаково любить всех подобных им, и один только разум устанавливает различие между индивидуумами, соответственно высоте их добродетели.

Мать семейства *гуигнгмов* производит на свет по одному ребенку каждого пола, а когда почему-либо теряет одного из своих питомцев, что бывает очень редко, другая пара дает осиротелым родителям одного из своих жеребят. Такая предосторожность является необходимою, чтобы предохранить страну от перенаселения. Но *гуигнгны* низшей породы не так строго ограничены в этом отношении; им разрешается производить по три детеныша каждого пола, которые становятся потом слугами в благородных семьях.

При заключении браков *гуигнгны* тщательно заботятся о таком подборе мастей супругов, чтобы были предотвращены неприятные их сочетания у потомства. У самца ценится по преимуществу сила, а у самки миловидность, — и тут играет роль не любовь, а стремление предохранить расу от вырождения; поэтому если случится, что самка отличается силой, то при выборе ей супруга обращают внимание прежде всего на его красоту; ухаживание, любовь, подарки, приданое, вдовьи доли совершенно неизвестны *гуигнгнам*, и на их языке вовсе не существует слов для выражения этих понятий. Молодая пара встречается и сочетается браком просто для исполнения воли родителей и друзей; подобные браки совершаются ежедневно, и молодые смотрят на них, как на необходимое действие всякого разумного существа. Такие вещи, как развод или прелюбодеяние, там не слыханы, и супружеская чета проходит свой жизненный путь с теми же дружескими чувствами и взаимным доброжелательством, какие она питает ко всем представителям своего племени, встречающимся на ее пути; им неизвестны ревность, припадки нежности, ссоры и досада друг на друга.

Их система воспитания юношества обоего пола по-

истине удивительна и вполне заслуживает нашего подражания. Молодым *гуигнгнмам* не дают ни зернышка овса, кроме некоторых дней, пока они не достигнут восемнадцати лет; им позволяют пить молоко только в самых редких случаях. Летом они пасутся два часа утром и два часа вечером, подобно своим родителям; но слугам разрешается пастись только половину этого времени, и большая часть корма приносится ими домой, где они и поедают его в свободные от работы часы.

Воздержанность, трудолюбие, физические упражнения и опрятность суть вещи, равно обязательные для молодежи обоего пола; и мой хозяин находил уродливым наш обычай давать самкам воспитание, отличное от воспитания самцов, исключая только ведение домашнего хозяйства; вследствие этого, по его справедливому замечанию, половина нашего населения годна только на то, чтобы рожать детей; доверять же заботу о наших детях таким пикчемным животным значит, прибавил он, давать лишнее свидетельство нашей дикости.

Гуигнгнмы развивают в молодежи силу, прыть, смелость, упражняя жеребят в бегании по крутым подъемам и твердой каменной почве; затем, когда они бьют все в мыле, их заставляют окунуться с головой в пруд или в реку. Четыре раза в год молодежь определенного округа собирается, чтобы показать свои успехи в беганье, прыганье и других упражнениях, требующих силы и ловкости. Победитель или победительница награждается сочиненным в честь их гимном. В день такого праздника слуги пригоняют на арену стадо *йэху*, нагруженных сеном, овсом и молоком для угощения *гуигнгнмов*, после чего эти скоты немедленно прогоняются, чтобы вид их не вызывал отвращения у собрания.

Через каждые четыре года в весеннее равноденствие здесь происходит совет представителей всей нации, собирающийся на равнине в двадцати милях от дома моего хозяина и продолжающийся пять или шесть дней. На этом совете обсуждается положение различных округов: достаточно ли они снабжены сеном, овсом, коровами и *йэху*. И если в этом отношении оказывается недостаток (что случается очень редко), он тотчас пополняется общими взносами, которые всегда принимаются единодушно. На этом же совете производится распределение детей.

Например, если у какого-нибудь *гуигенма* два самца, то он меняется с другим, у которого две самки, и если какая-нибудь семья лишилась ребенка, а мать его не может больше рожать детей, то собрание решает, какая другая семья в округе должна произвести на свет нового ребенка, чтобы восполнить потерю.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Большие прения в генеральном собрании гуигнгнмов и как они окончились. Знания гуигнгнмов. Их постройки. Обряды погребения. Недостатки их языка.

дно из таких больших собраний происходило, когда я жил в этой стране, за три месяца до моего отъезда; мой хозяин участвовал в нем в качестве представителя от нашего округа. На этом собрании обсуждался давнишний большой вопрос, можно сказать, единственный вопрос, вызывавший разногласия у *гуигнгнмов*. По возвращении домой мой хозяин под-

робно рассказал мне о происходивших прениях.

Вопрос, вызвавший разногласия, был таков: не следует ли стереть вовсе с лица земли всех *йэху*? Один из членов собрания, высказывавшийся за утвердительное решение вопроса, представил много сильных и веских аргументов в защиту своего мнения. Он утверждал, что *йэху* являются не только самыми грязными, гнусными и безобразными животными, каких когда-либо производила природа, но отличаются также крайним упрямством, непослушанием, злобой и мстительностью; что, не будь за ними постоянного надзора, они сосали бы молоко у коров, принадлежащих *гуигнгнмам*, убивали бы и пожирали их кошек, вытапывали бы овес и траву и совершали тысячу других проступков. Он напомнил собранию общераспространенное предание, гласившее, что *йэху* не всегда существовали в их стране, но много лет тому назад на одной горе завелась пара этих животных, и были ли они порождены действием солнечного тепла на разлагающуюся тину и грязь или образовались из ила и морской пены, так это и осталось неизвестным; что эта пара начала размножаться и ее потомство скоро стало так многочисленно, что наводнило и загадило всю страну; что для избавления от этого бедствия *гуигнгнмы* устроили генеральную облаву на *йэху*, в результате которой им удалось

оцепить все стадо; истребив взрослых, *гуигнгнмы* забрали каждый по два детеныша, поместили их в хлевах и приручили, насколько вообще может быть приручено столь дикое животное: им удалось научить их таскать и возить тяжести. В означенном предании есть, по-видимому, много правды, так как нельзя себе представить, чтобы эти создания могли быть *илнгниамши* (или *аборигенами* страны): настолько велика ненависть к ним не только *гуигнгнмов*, но и всех вообще животных, населяющих эту страну; и хотя *йэху* благодаря своему злобному нраву вполне заслужили эту ненависть, все же она никогда не достигла бы таких размеров, если бы они были исконными обитателями, иначе их давно бы уже истребили. Оратор заявил, что *гуигнгнмы* поступили в высшей степени неблагоразумно, задумав приручить *йэху* и оставив в пренебрежении ослов, кротких животных, более смысленных и послушных, не имеющих дурного запаха и вместе с тем достаточно сильных, хотя и уступающих другим животным в ловкости; правда, крик их не очень приятен, все же он гораздо терпимее ужасного воя *йэху*.

После того как еще несколько народных представителей высказало свои мнения по этому поводу, мой хозяин внес в собрание предложение, основная мысль которого была внушена ему мной. Он считал достоверным предание, упомянутое почтенным членом собрания, выступавшим здесь со своим словом, но утверждал, что двое *йэху*, впервые появившиеся в их стране, прибыли к ним из-за моря; что они были покинуты товарищами и, высадившись на берег, укрылись в горах; затем, из поколения в поколение, потомки их вырождались и с течением времени сильно одичали по сравнению со своими одноплеменниками, живущими в стране, откуда прибыли двое их прародителей. В подкрепление своего мнения он сослался на то, что с некоторого времени у него живет один удивительный *йэху* (он подразумевал меня), о котором большинство собрания слышало и которого многие даже видели. Тут хозяин рассказал, как он нашел меня; он сообщил, что все мое тело покрыто искусственным изделием, состоящим из кожи и шерсти других животных; что я владею даром речи и в совершенстве изучил язык *гуигнгнмов*; что я изложил ему события, которые привели меня сюда; что он видел меня без покровов и нашел,

что я вылитый *йэху*, только кожа моя побелее, волос меньше да когти покороче. Он передал далее собранию, как я пытался убедить его, будто на моей родине и в других странах *йэху* являются господствующими разумными животными и держит *гуигнгнмов* в рабстве; как он наблюдал, у меня все качества *йэху*, хотя я и являюсь существом немного более цивилизованным благодаря слабым проблескам разума; впрочем, в этом отношении я стою

настолько же ниже *гуигнгнмов*, насколько возвышаюсь над здешними *йэху*. Он упомянул о рассказанном ему мной нашем обычае кастрировать молодых *гуигнгнмов* с целью сделать их более смирными и заявил, что операция эта легкая и безопасная и что нет ничего постыдного учиться мудрости у животных, например трудолюбию и предусмотрительности у муравья, а строительному искусству у ласточки (так я передаю слово *лиханнх*, хотя им обозначается гораздо более крупная птица); что эту операцию можно применить здесь к молодым *йэху*, и она не только сделает их более послушными и пригодными для работ, но и положит конец, в течение одного поколения, целому племени, так что не придется лишать их жизни, и что тем временем хорошо бы *гуигнгнмам* заняться воспитанием ослов, которые не только являются животными, во всех отношениях более ценными, но обладают еще тем преимуществом, что могут работать с пяти лет, тогда как *йэху* ни к чему не пригодны раньше двенадцати.

Вот все, что в тот момент счел уместным сообщить мне хозяин относительно занятий большого совета. По ему угодно было скрыть от меня одну частность, касавшуюся лично меня, пагубные последствия которой я вскоре почувствовал, как об этом узнает читатель в свое время. Этот момент я считаю началом всех последующих несчастий моей жизни.

У *гуигнгнмов* нет письменности, и поэтому все их знания сохраняются путем предания. Но так как в жизни народа столь согласного, от природы расположенного ко всяческой добродетели, управляемого исключительно разумом и отрезанного от всякого общения с другими нациями, происходит мало сколько-нибудь важных событий, то его история легко удерживается в памяти, не обременяя ее. Я уже заметил, что *гуигнгнмы* не подвержены никаким болезням и поэтому не нуждаются во врачах; однако у них есть отличные лекарства, составленные из трав, которыми они лечат случайные ушибы и порезы бабки и мягкой части подошвы об острые камни, равно как повреждения и поранения других частей тела.

Они считают годы и месяцы по обращениям солнца и луны, но у них нет подразделения времени на недели. Они достаточно хорошо знакомы с движением этих двух светил и понимают природу затмений; это предельное достижение их астрономии.

Зато нужно признать, что в поэзии они превосходят всех остальных смертных: меткость их сравнений, подробность и точность описаний действительно неподражаемы. Темой стихов является либо возвышенное изображение дружбы и доброжелательства, либо восхваление победителей на бегах или других телесных упражнениях. Постройки их, несмотря на большую грубость и незатейливость, не лишены удобств и отлично приспособлены для защиты от зноя и стужи. У них растет одно дерево, которое, достигнув сорока лет, делается шатким у корня и рушится с первой бурей; заострив совершенно прямой ствол этого дерева отточенным камнем (употребление железа им неизвестно), *гуигнгнмы* втыкают полученные таким образом колья в землю, на расстоянии десяти дюймов друг от друга, и переплетают их овсяной соломой или прутьями. Крыша и двери делаются таким же способом.

Гуигнгнмы пользуются углублением между бабкой и копытом передних ног так же, как мы пользуемся руками, и проявляют при этом ловкость, которая сначала казалась мне совершенно невероятной. Я видел, как белая кобыла из нашего дома вдела таким образом нитку в иголку (которую я дал ей, чтобы произвести опыт). Они доят коров, жнут овес и исполняют всю работу, которую мы делаем руками. При помощи особенно твердого кремня они обтачивают другие камни и выделывают клинья,

топоры и молотки. Орудиями, изготовленными из этих кремней, они косят также сено и жнут овес, который растет здесь на полях, как трава. *Йэху* привозят снопы с поля в телегах, а слуги топчут их ногами в особых крытых помещениях, вымолачивая зерно, которое хранится в амбарах. Они выделывают грубую глиняную и деревянную посуду и обжигают первую на солнце.

Если не происходит несчастного случая, *гуигнгнмы* умирают только от старости, и их хоронят в самых глухих и укромных местах, какие только можно найти. Друзья и родственники покойного не выражают ни радости,

ни горя, а сам умирающий не обнаруживает ни малейшего сожаления, покидая этот мир, словно он возвращается домой из гостей от какого-нибудь соседа. Помню, как однажды мой хозяин пригласил к себе своего друга с семьей по одному важному делу; в назначенный день явилась только жена друга с двумя детьми, притом поздно вечером; она извинилась прежде всего за мужа, который, по ее словам, сегодня утром *схнувх*. Слово это очень выразительно на тамошнем языке, но не легко поддается переводу; буквально оно означает *возвратиться к своей праматери*. Потом она извинилась за себя, сказав, что муж ее умер утром, и она долго совещалась со слугами относительно того, где бы удобнее положить его тело; и я заметил, что она была у нас такая же веселая, как и все остальные. Через три месяца она умерла.

Гуигнгнмы живут обыкновенно до семидесяти или семидесяти пяти лет; очень редко до восьмидесяти. За несколько недель до смерти они чувствуют постепенный упадок сил, но он не сопровождается у них страданиями. В течение этого времени их часто навещают друзья, потому что они не могут больше выходить из дому с обычной своей легкостью и непринужденностью. Однако за десять дней до смерти — срок, в исчислении которого они редко ошибаются, — *гуигнгнмы* возвращают визиты, сделанные им ближайшими соседями; они садятся при этом в удобные сани, запряженные *йэху*. Кроме этого случая они пользуются такими санями только в глубокой старости, при далеких путешествиях, или когда им случается повредить ноги. И вот, отдавая последние визиты, умирающие *гуигнгнмы* торжественно прощаются со своими друзьями, словно отправляясь в далекую страну, где они решили провести остаток своей жизни.

Не знаю, стоит ли отметить, что в языке *гуигнгнмов* нет слов, выражающих что-либо относящееся ко злу, кроме тех, которые обозначают уродливые черты или дурные качества *йэху*. Таким образом, рассеянность слуги, проступок ребенка, камень, порезавший ногу, ненастную погоду и тому подобные вещи они обозначают прибавлением к слову эпитета *йэху*. А именно: *гхнм йэху*, *гвна-гольм йэху*, *инлхмндвихлма йэху*, а плохо построенный дом называют *инголмгнмроглнв йэху*.

Я с большим удовольствием дал бы более обстоятельное описание нравов и добродетелей этого превосходного народа, но, намереваясь опубликовать в близком будущем отдельную книгу, посвященную исключительно этому предмету, я отсылаю читателя к ней. В настоящее же время перехожу к изложению постигшей меня печальной катастрофы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Домашнее хозяйство автора и его счастливая жизнь среди гуигнгнмов. Он совершенствуется в добродетели благодаря общению с ними. Беседы автора с гуигнгнами. Хозяин объявляет автору, что он должен покинуть страну. От горя он лишается чувств, но подчиняется. С помощью приятеля-слуги ему удается смастерить лодку; он пускается в море наудачу.

устроил свое маленькое хозяйство по своему вкусу. Хозяин велел отделать для меня помещение по тамошнему образцу в шести ярдах от главного дома. Стены и пол своей комнаты я обмазал глиной и покрыл камышовыми матами собственного изготовления. Я набрал конопли, которая растет там в диком состоянии, и смастерил что-то вроде матраца. Я наполнил

его перьями птиц, пойманных мной в силки из волос *йэху* и очень приятных на вкус. Я сделал себе два стула при деятельной помощи гнедого лошака, взявшего на себя всю более тяжелую часть работы. Когда платье мое изнашивалось и превратилось в лохмотья, я сшил себе новое из шкурок кроликов и других красивых зверьков, приблизительно такой же величины, называемых *ннухнох* и покрытых очень нежным пухом. Из таких же шкурок я сделал себе очень сносные чулки. Я снабдил свои башмаки деревянными подошвами, подвязав их к верхам, а когда изнашивались верхи, я заменил их подсушенной на солнце кожей *йэху*. В дуплах деревьев я часто находил мед, который разводил водой или ел его со своим овсяным хлебом. Никто лучше меня не познал истинности двух пословиц: *природа довольствуется немногим* и *нужда — мать изобретательности*. Я наслаждался прекрасным телесным здоровьем и полным душевным спокойствием; мне нечего было бояться предательства или непостоянства друга и оскорблений тайного или явного врага. Мне не приходилось прибегать к подкупу, лести и сводничеству, чтобы снискать милости великих мира и их

фаворитов. Мне не нужно было ограждать себя от обмана и насилия; здесь не было ни врачей, чтобы разрушить мое тело, ни юристов, чтобы разорить меня, ни доносчиков, чтобы подслушивать мои слова, или подглядывать за мной, или возводить на меня ложные обвинения для получения условленной платы; здесь не было зубоскалов, пересудчиков, клеветников, карманных воров, разбойников, взломщиков, стряпчих, сводников, шутов, игроков, политиканов, остряков, ипохондриков, скучных болтунов, спорщиков, насильников, убийц, мошенников, виртуозов; не было лидеров и членов политических партий и кружков; не было пособников порока соблазнами и примером; не было тюрем, топоров, виселиц, наказания кнутом и позорных столбов; не было обманщиков-купцов и плутов-ремесленников; не было чванства, тщеславия, притворной дружбы; не было франтов, буянов, пьяниц; не было сварливых, расточительных жен; не было тупых, спесивых педантов; не было назойливых, требовательных, вздорных, шумливых, крикливых, пустых, самомнящих, бранчливых сквернословов-приятелей; не было негодяев, поднявшихся из грязи благодаря своим порокам, и благородных людей, брошенных в грязь за свои добродетели; не было вельмож, скрипачей, судей и учителей танцев.

Я имел честь быть представленным *гуигнгнмам*, приходившим в гости к моему хозяину, и его милость любезно разрешал мне присутствовать в комнате и слушать их разговор. И он и его гости часто задавали мне вопросы и внимательно выслушивали мои ответы. Иногда я удостоивался чести сопровождать моего хозяина при его визитах. Я никогда не позволял себе выступать с речью и только отвечал на вопросы, притом с искренним сожалением, что приходится терять много времени, которое могло бы с пользой пойти на расширение моих знаний; но мне доставляла бесконечное наслаждение роль скромного слушателя при этих беседах, где говорилось только о деле, и речи выражались в очень немногих, но весьма полновесных словах; где (как я сказал уже) соблюдалась величайшая учтивость без малейшей церемонности; где речи говорящего всегда доставляли удовольствие как ему самому, так и его собеседникам; где не перебивали друг друга, не скучали, не горячились; где не было расхождения мнений. *Гуигнгнмы* полагают, что разговор в обще-

стве хорошо прерывать краткими паузами, и я нахожу, что они совершенно правы; ибо во время этих небольших перерывов беседы в умах рождаются новые мысли, которые сильно оживляют обмен мнений. Обычными темами разговоров являются дружба и доброжелательство, порядок и благоустройство, иногда видимые явления природы или преданья старины; пределы и границы добродетели, непогрешимые законы разума или какие-либо постановления, которые предстоит принять на ближайшем генеральном совете; часто также различные красоты поэзии. Могу прибавить без тщеславия, что достаточный материал для разговора часто давала им моя особа, так как мое присутствие служило для хозяина поводом рассказать друзьям повесть моей жизни и описать мою родину; выслушав его, они обыкновенно отзывались не очень почтительно о человеческом роде; по этой причине я не буду повторять того, что они говорили. Я лишь позволю себе заметить, что его милость, к великому моему удивлению, постиг природу *йэху* всех стран, по-видимому, гораздо лучше, чем я сам. Он перечислял все наши пороки и безрассудства и открывал много таких, о которых я никогда не упоминал ему; для этого ему достаточно бывало предположить, на что оказались бы способны *йэху* его родины, если бы были наделены малой частицей разума; и он заключал, с весьма большим правдоподобием, сколь презренным и жалким должно быть такое создание.

Я чистосердечно сознаюсь, что все мои скудные знания, имеющие какую-нибудь ценность, я почерпнул из мудрых речей моего хозяина и из его бесед с друзьями; и я с большей гордостью повиновался бы их наставлениям, чем сам предписывал бы свою волю величайшему и мудрейшему парламенту Европы. Я удивлялся силе, красоте и быстроте обитателей этой страны; и столь редкое соединение добродетелей в столь обходительных существах наполняло меня глубочайшим уважением. Сначала я, правда, не испытывал того естественного благоговения, которым проникнуты к ним *йэху* и все другие животные, но постепенно это чувство овладело мной, притом гораздо скорее, чем я предполагал; оно соединилось с почтительной любовью и живой признательностью за то, что они удостоили выделить меня из остальных представителей моей породы.

Когда я думал о моей семье, моих друзьях и моих соотечественниках или о человеческом роде вообще, то видел в людях, в их внешности и душевном складе то, чем они были на самом деле, — *йэху*, может быть, несколько более цивилизованных и наделенных даром слова, но употребляющих свой разум только на развитие и умножение пороков, которые присущи их братьям из этой страны лишь в той степени, в какой их наделила ими природа. Когда мне случалось видеть свое отражение в озере или ручье, я с ужасом отворачивался и наполнялся ненавистью к себе; к обыкновенному *йэху* я относился с большей снисходительностью, чем к собственной особе. Благодаря постоянному общению с *гуигнгнмами* и восторженному отношению к ним я стал подражать их походке и телодвижениям, которые вошли у меня теперь в привычку, так что друзья часто говорят мне тоном упрека, что я *бегаю, как лошадь*, но я принимаю эти слова как очень лестный для себя комплимент. Не стану также отрицать, что в разговоре я склонен подражать интонациям и манерам *гуигнгнмов*, и без малейшей обиды слушаю насмешки над собой по этому поводу.

Во время всего этого благоденствия, когда я считал себя устроившимся на всю жизнь, мой хозяин прислал за мной однажды утром немного раньше, чем обыкновенно. По виду его я заметил, что он был в некотором смущении и не знал, как приступить к своей речи. После непродолжительного молчания он сказал мне, что не знает, как я отнесусь к тому, что он собирается сказать. На последнем генеральном собрании, когда был поднят вопрос об *йэху*, представители нации выразили ему свое неодобрение за то, что он держит в своем доме *йэху* (они понимали меня) и обращается с ним скорее как с *гуигнгнмом*, чем как с диким животным. Им известно, что он часто разговаривает со мной, словно находя какую-нибудь пользу или удовольствие в подобном обществе. Такое поведение противно разуму и природе, и ничего подобного этому ранее у них не бывало. А посему собрание увещевает его либо обходиться со мной, как с остальными представителями моей породы, либо приказать мне отплыть туда, откуда я прибыл. Первое предложение было решительно отвергнуто всеми *гуигнгнмами*, когда-либо видевшими меня и разговаривавшими со мной, отвергну-

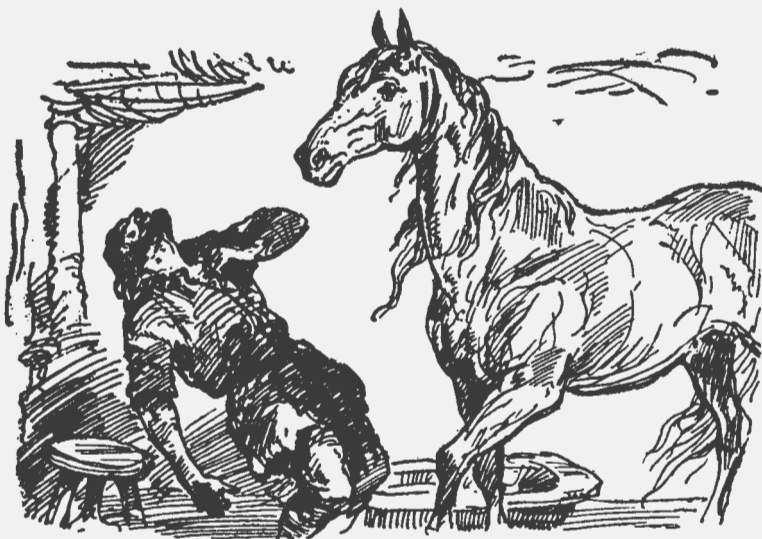
то на том основании, что, обладая некоторыми зачатками разума и природной порочностью этих животных, я вполне способен сманить *йэху* в покрытую лесом горную часть страны и стаями приводить их ночью для нападения на домашний скот *гуигнгнмов*, что так естественно для породы, прожорливой и питающей отвращение к труду.

Мой хозяин добавил, что окрестные *гуигнгнмы* ежедневно побуждают его привести в исполнение совет собрания и он не может больше откладывать. Он сомневается, что я буду в силах доплыть до моей родины, и выражает поэтому желание, чтобы я соорудил себе повозку вроде тех, которые я ему описывал и на которой мог бы ехать по морю; в этой работе мне окажут помощь как его собственные слуги, так и слуги его соседей. Что же касается его самого, заключил свою речь хозяин, то он был бы согласен держать меня у себя на службе всю мою жизнь, ибо он находит, что я излечился от некоторых дурных привычек и наклонностей, всячески стараясь подражать *гуигнгнмам*, насколько это по силам моей низменной природе.

Я должен обратить внимание читателя, что постановления генерального собрания этой страны называются здесь *нгглоайн*, что в буквальном переводе означает *увещание*, ибо *гуигнгнмы* не понимают, каким образом разумное существо можно принудить к чему-нибудь; можно только советовать ему, увещевать его; и кто не повинуется разуму, не вправе притязать на звание разумного существа.

Речь его милости крайне меня огорчила и повергла в полное отчаяние; не будучи в силах вынести постигшее меня горе, я упал в обморок у ног хозяина, который подумал, что я умер (как он признался мне, когда я очнулся), ибо *гуигнгнмы* не подвержены таким слабостям. Я отвечал еле слышным голосом, что смерть была бы для меня слишком большим счастьем; что хотя я несколько не осуждаю *увещание* собрания и настойчивость его друзей, все же, как мне кажется по слабому моему и порочному разумению, решение могло бы быть и менее суровым, оставаясь совместимым с разумом; что я не мог бы проплыть и лиги, между тем как до ближайшего материка или острова, вероятно, больше ста лиг; что многих

материалов, необходимых для сооружения маленького судна, на котором я мог бы отправиться в путь, вовсе нет в этой стране; но что я все же сделаю попытку в знак повинования и благодарности его милости, хотя считаю предприятие безнадежным и, следовательно, смотрю на себя как на человека, обреченного на гибель; что перспектива верной смерти является наименьшим из зол, которым я подвергаюсь, ибо, если даже допустить, что каким-

либо чудом мне удастся спасти свою жизнь, каким образом могу я примириться с мыслью проводить дни свои среди *йэху* и снова впасть в свои старые пороки, не имея перед глазами примеров, наставляющих меня и удерживающих на путях добродетели. Однако я прекрасно знаю, что все решения мудрых *гуигнгнмов* покоятся на очень прочных основаниях, и не мне, жалкому *йэху*, поколебать их своими доводами; поэтому, выразив хозяину мою нижайшую благодарность за предложение дать мне на помощь своих слуг при сооружении судна и испросив достаточное время для такой трудной работы, я сказал ему, что постараюсь сохранить постылую жизнь и если воз-

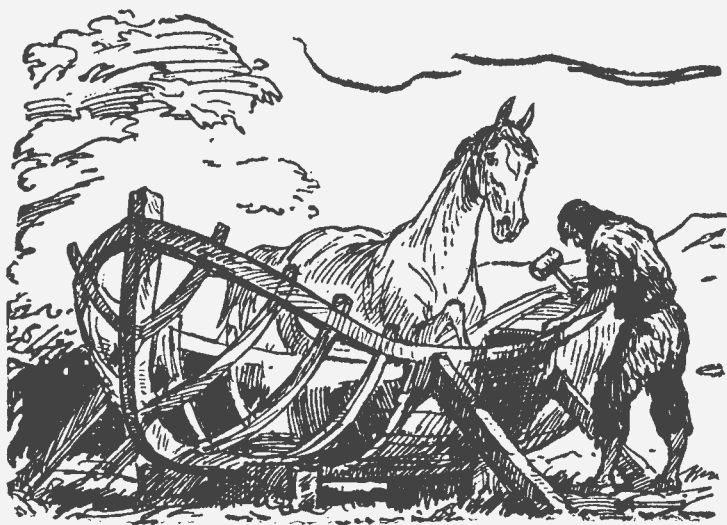
вращусь в Англию, то питаю надежду принести пользу своим соотечественникам, восхваляя достославных *гуигнмов* и выставляя их добродетели как образец для подражания человеческого рода.

Его милость в немногих словах очень любезно ответил мне и предоставил два месяца на постройку лодки; он приказал гнедому лошаку, моему товарищу-слуге (ибо на столь далеком расстоянии я вправе называть его так), исполнять мои распоряжения, так как я сказал моему хозяину, что помощи одного работника мне будет достаточно и я знаю, что гнедой очень расположен ко мне.

Я начал с того, что отправился с ним на берег, где мой взбунтовавшийся экипаж приказал мне высадиться. Я взошел на холм и, осмотревшись кругом, как будто заметил на северо-востоке небольшой остров; я вынул тогда подзорную трубу и мог ясно различить его; по моим предположениям, он находился на расстоянии около пяти лиг. Однако для гнедого остров был просто синеватым облаком: не имея никакого понятия о существовании других стран, он не мог различить отдаленные предметы на море с таким искусством, как мы, люди, так много общающиеся с этой стихией.

Открыв остров, я не делал дальнейших изысканий и решил, что он будет, если возможно, первым пристанищем в моем изгнании, а затем я положился на милость судьбы.

Мы возвратились с гнедым лошаком домой и, посоветовавшись, отправились в близлежащую рощу, где я своим ножом, а он острым кремнем, очень искусно прикрепленным по тамошнему способу к деревянной рукоятке, нарезали много дубовых веток толщиной в обыкновенную палку и несколько более крупных. Но я не буду утомлять читателя подробным описанием моих работ; достаточно будет сказать, что в течение шести недель с помощью гнедого лошака, выполнившего более тяжелую часть работы, я соорудил нечто вроде индейской пироги, только гораздо больших размеров, и покрыл ее шкурами *йэху*, крепко сшитыми одна с другой пеньковыми нитками моего собственного изготовления. Парус я сделал точно так же из шкур упомянутых животных, выбрав для этого те, что принадлежали самым молодым из них, так как шкуры старых *йэху* были слишком грубыми и толстыми; я за-

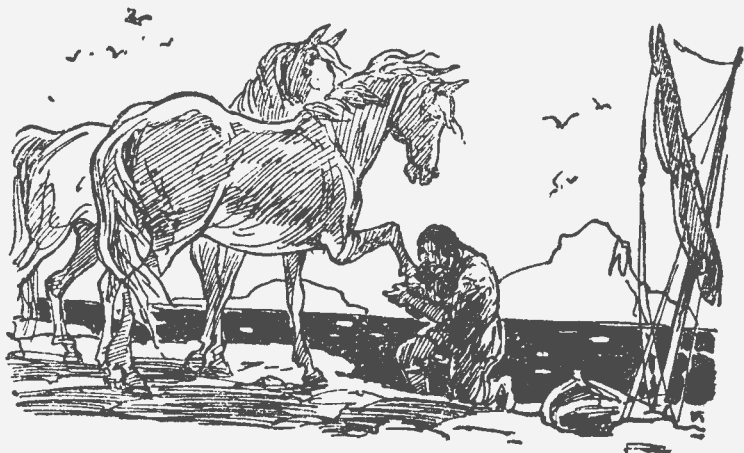

готовил также четыре весла, сделал запас вареного мяса, кроликов и домашней птицы и взял с собой два сосуда, один наполненный молоком, а другой — пресной водой.

Я испытал свою пирогу в большом пруду подле дома моего хозяина и исправил все обнаружившиеся у нее изъяны, замазав щели жиром *йэху* и приведя ее в такое состояние, чтобы она могла вынести меня и мой груз. Сделав все, что было в силах, я погрузил лодку на телегу, и она очень осторожно была отвезена *йэху* на морской берег, под наблюдением гнедого лошака и еще одного слуги.

Когда все было готово и наступил день отъезда, я простился с моим хозяином, его супругой и всем семейством; глаза мои были наполнены слезами, и сердце изнывало от горя. Но его милость, отчасти из любопытства, а отчасти, может быть, из доброжелательства (если только я вправе сказать так без тщеславия), пожелал увидеть меня в моей пироге и попросил нескольких своих соседей сопровождать его. Около часа мне пришлось подождать прилива; заметив, что ветер очень благоприятно дует по направлению к острову, куда я решил держать

путь, я вторично простился с моим хозяином; но, когда я собирался пасть ниц, чтобы поцеловать его копыто, он оказал мне честь, осторожно подняв его к моим губам. Мне известны нападки, которым я подвергся за упоминание этой подробности. Моим клеветникам покажется не-

вероятным, чтоб столь знатная особа снизошла до оказания подобного благоволения такому ничтожному существу, как я. Мне памятна также наклонность некоторых путешественников хвастаться оказанными им необыкновенными милостями. Но если бы эти критики были больше знакомы с благородством и учтивостью *гуигнгнмов*, они скоро изменили бы свое мнение.

Засвидетельствовав свое почтение остальным *гуигнгнмам*, сопровождавшим его милость, я сел в пирогу и отчалил от берега.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Опасное путешествие автора. Он прибывает в Новую Голландию, рассчитывая поселиться там. Один из туземцев ранит его стрелой из лука. Его схватывают и насильно сажают на португальский корабль. Очень любезное обращение с ним капитана. Автор возвращается в Англию.

начал это безнадежное путешествие 15 февраля 1715 года в 9 часов утра. Ветер был попутный; тем не менее сначала я пользовался только веслами, но, рассудив, что скоро я почувствую усталость, а ветер может измениться, я отважился поставить свой маленький парус; таким образом, при содействии отлива я шел, по моим предположениям, со скоро-

стью полутора лиг в час. Мой хозяин и его друзья оставались на берегу, пока я совсем почти не скрылся из виду; и до меня часто доносились возгласы гнедого лошака (который всегда любил меня): *гнуй илла ниха мэйджах йэху* (береги себя хорошенько, милый йэху).

Я намеревался по возможности открыть какой-нибудь необитаемый островок, где бы я мог добывать средства к существованию собственным трудом; перспектива подобной жизни больше прельщала меня, чем пост первого министра при самом блестящем европейском дворе: столь ужасной казалась мне мысль возвратиться в общество *йэху* и жить под их властью. Ибо в желанном мною уединении я мог по крайней мере отдаваться своим мечтам и с наслаждением размышлять о добродетелях неподражаемых *гуигнгнмов*, не подвергаясь опасности снова погрязнуть в пороках и разврате моего племени.

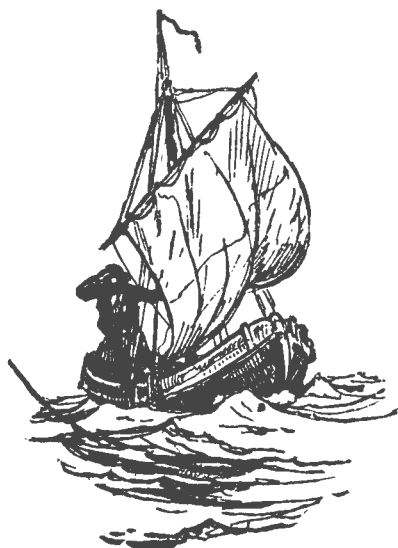
Читатель, может быть, помнит мой рассказ о заговоре против меня матросов, заключивших меня в капитанской каюте; о том, как я оставался там несколько недель, не зная, в каком направлении мы едем, и о том, как матросы, высадившие меня на берег, с клятвами, искренними или притворными, уверяли меня, что им неизвестно,

В какой части света мы находимся. Однако я считал тогда, что мы плывем в десяти градусах к югу от мыса Доброй Надежды или под 45° южной широты. Я заключал об этом на основании случайно подслушанных нескольких слов между матросами об их намерении идти на Мадагаскар и о том, что теперь они находятся к юго-западу от этого острова. Хотя это было простой догадкой, все же я решил держать курс на восток, надеясь достигнуть юго-западных берегов Новой Голландии, а может быть, желанного мной острова к западу от этих берегов. Ветер все время был западный, и в шесть часов вечера, когда по моим расчетам мной было пройдено на восток по крайней мере восемнадцать лиг, я заметил в полумиле от себя маленький островок, которого вскоре достиг. Это был голый утес с маленькой бухточкой, размытой в нем бурями. Поставив в ней свою пирогу, я взобрался на утес и ясно различил на востоке землю, тянувшуюся с юга на север. Ночь я провел в пироге, а рано поутру снова отправился в путь и в семь часов достиг юго-восточного берега Новой Голландии *. Это утвердило меня в давно уже составленном мнении, что карты помещают эту страну по крайней мере на три градуса восточнее, чем она лежит в действительности; много лет тому назад я высказал это предположение моему уважаемому другу мистеру Герману Моллю * и сообщил ему основания, приведшие меня к такому выводу, но он предпочел следовать мнению других авторитетов.

Я не заметил туземцев у места, где высадился, и так как со мной не было оружия, то я не решался углубляться внутрь материка. На берегу я нашел несколько ракушек и съел их сырыми, не рискнув развести огонь из боязни привлечь к себе внимание туземцев. Три дня я питался устрицами и другими ракушками, чтобы сберечь свою провизию; к счастью, я нашел ручеек с пресной водой, которая сильно подкрепила меня.

На четвертый день, отважившись пройти немножко дальше в глубь материка, я увидел на холмике двадцать или тридцать туземцев, приблизительно в пятистах ярдах от меня. Все они, мужчины, женщины, дети, были совершенно голые и сидели, должно быть, около костра, насколько я мог заключить по густому дыму. Один из них заметил меня и показал другим; тогда пятеро муж-

чин направились ко мне, оставив женщин и детей у костра. Я со всех ног пустился наутек к берегу, бросился в лодку и отчалил. Дикари, увидя, что я убегаю, помчались за мной и, прежде чем я успел отъехать на достаточно далекое расстояние, пустили мне вдогонку стрелу, которая глубоко вонзилась мне в левое колено (шрам от раны останется у меня до могилы). Я испугался, как бы

стрела не оказалась отравленной, поэтому, усиленно работав веслами и оказавшись за пределами их выстрелов (день был очень тихий), я старательно высосал рану и кое-как перевязал ее.

Я был в затруднении и не знал, что мне предпринять; опасаясь вернуться к месту, где я высадился, я взял курс на север, причем был вынужден идти на веслах, потому что ветер был хотя и незначительный, но встречный, северо-западный. Осматриваясь кругом в поисках удобного места для высадки, я заметил на северо-востоке парус, который с каждой минутой обрисовывался

все явственнее; я был в некотором сомнении, поджидать ли его или нет; однако в заключение моя ненависть к породе *йэху* превозмогла: повернув пирогу, пользуясь парусом и веслами, я направился к югу и вошел в ту же бухточку, откуда отплыл поутру, предпочитая лучше отдаться в руки варваров, чем жить среди европейских *йэху*. Я подвел свою пирогу к самому берегу, а сам спрятался за камнем у упомянутого мной ручейка с прекрасной водой.

Корабль подошел к этой бухточке на расстояние полумили и отправил к берегу шлюпку с бочками за пресной водой (так как место было, по-видимому, хорошо известно капитану); однако я заметил шлюпку, лишь когда она подходила к самому берегу, и было слишком поздно искать другого убежища. При высадке на берег матросы заметили мою пирогу и, внимательно осмотрев ее, легко догадались, что хозяин ее находится где-нибудь недалеко. Четверо из них, хорошо вооруженные, стали обшаривать каждую щелочку, каждый кустик и, наконец, нашли меня, лежащего ничком за камнем. Некоторое время они с удивлением смотрели на мой странный шутовской наряд, кафтан из кроличьих шкурок, башмаки с деревянными подошвами и меховые чулки; однако они решили, что я не туземец, так как все туземцы ходили голые. Один из матросов, говоривший по-португальски, приказал мне встать и спросил меня, кто я. Я отлично его понял (так как знаю этот язык) и, поднявшись на ноги, сказал, что я несчастный *йэху*, изгнанный из страны *гуигнгнмов*, и умоляю позволить мне удалиться. Матросы были удивлены, услышав ответ на своем родном языке, и по цвету моего лица признали во мне европейца; но они не могли понять, что я разумел под словами *йэху* и *гуигнгнмы*, и смеялись над странными интонациями моей речи, напоминавшими конское ржанье. Все время я дрожал от страха и ненависти и снова стал просить позволения удалиться, тихонько отступая по направлению к моей пироге, но они удержали меня, пожелав узнать, из какой страны я родом, откуда я прибыл, и задавали множество других вопросов. Я ответил им, что я родом из Англии, откуда я уехал около пяти лет тому назад, когда их страна и моя были в мире между собой. Поэтому я надеюсь, что они не будут обращаться со мной враждебно, тем более

что я не хочу им никакого зла; я просто бедный *йэху*, ищущий какого-нибудь пустынного места, где бы я мог провести остаток моей несчастной жизни.

Когда они заговорили, мне показалось, что я никогда не слышал и не видел ничего более противоестественного; это было для меня так же чудовишно, как если бы в Англии заговорили собака или корова или в стране *гуигнгнмов* — *йэху*. Почтенные португальцы были не менее поражены моим странным костюмом и чудной манерой произношения, хотя они прекрасно меня понимали.

Они говорили со мной очень любезно и заявили, что их капитан, наверное, перевезет меня даром в Лиссабон, откуда я могу вернуться к себе на родину; что двое матросов отправятся обратно на корабль уведомить капитана о том, что они видели, и получить его распоряжения; а тем временем, если я не дам им торжественного обещания не убегать, они удержат меня силой. Я счел за лучшее подчиниться их предложению. Они очень любопытствовали узнать мои приключения, но я проявил большую сдержанность; тогда они решили, что несчастья повредили мой рассудок. Через два часа шлюпка, которая ушла нагруженная бочками с пресной водой, возвратилась с приказанием капитана доставить меня на борт. Я упал на колени и умолял оставить меня на свободе; но все было напрасно, и матросы, связав меня веревками, бросили в

лодку, откуда я был перенесен на корабль и доставлен в каюту капитана.

Капитан назывался Педро де Мендес и был человек очень учтивый и благородный; он попросил меня дать какие-нибудь сведения о себе и пожелал узнать, чего я хочу — есть или пить; при этом он поручился, что со мной будут обращаться на корабле, как с ним самим, наговорил мне кучу любезностей, так что я был поражен, встретив такую обходительность у *йэху*. Однако я оставался молчаливым и угрюмым и чуть не упал в обморок от одного только запаха этого капитана и его матросов. Наконец я попросил, чтобы мне принесли чего-нибудь поесть из запасов, находившихся в моей пирогe. Но капитан приказал подать мне цыпленка и отличного вина и распорядился, чтобы мне приготовили постель в очень чистой каюте. Я не захотел раздеваться и лег в постель, как был; через полчаса, когда по моим предположениям экипаж обедал, я украдкой выскользнул из своей каюты и, пробравшись к борту корабля, намеревался броситься в море и спастись вплавь, лишь бы только не оставаться среди *йэху*. Но один из матросов помешал мне; узнав о моем покушении, капитан велел запереть меня в моей каюте.

После обеда дон Педро пришел ко мне и пожелал узнать причины, побудившие меня решиться на такой отчаянный поступок. Он уверял меня, что его единственное желание — оказать мне всяческие услуги, какие только в его силах; он говорил так трогательно и убедительно, что мало-помалу я согласился обращаться с ним, как с животным, одаренным некоторыми зачатками разума. В немногих словах я рассказал ему о своем путешествии, о бунте экипажа на моем корабле, о стране, куда меня высадили бунтовщики, и о моем трехлетнем пребывании в ней. Капитан принял мой рассказ за бред или галлюцинацию, что меня крайне оскорбило, так как я совсем отучился от лжи, так свойственной *йэху* во всех странах, где они господствуют, и позабыл об их всегдашней склонности относиться недоверчиво к словам себе подобных. Я спросил его, разве у него на родине существует обычай *говорить то, чего нет*, уверив его при этом, что я почти забыл значение слова ложь и что, проживи я в *Гуигангии* хотя бы тысячу лет, я никогда бы не услы-

шал там лжи даже от самого последнего слуги; что мне совершенно безразлично, верит он мне или нет, однако в благодарность за его любезность я готов отнестись снисходительно к его природной порочности и отвечать на все возражения, какие ему угодно будет сделать мне, так что он сам легко обнаружит истину.

Капитан, человек умный, после множества попыток уличить меня в противоречии на какой-нибудь части моего рассказа, в заключение составил себе лучшее мнение о моей правдивости. Но он заявил, что раз я питаю такую глубокую привязанность к истине, то должен дать ему честное слово не покушаться больше на свою жизнь во время этого путешествия, иначе он будет держать меня под замком до самого Лиссабона. Я дал требуемое им обещание, но заявил при этом, что готов претерпеть самые тяжкие бедствия, лишь бы только не возвращаться в общество *йэху*.

Во время нашего путешествия не произошло ничего замечательного. В благодарность капитану я соглашался иногда, уступая его настоятельным просьбам, вступать с ним в разговор, стараясь не обнаруживать своей антипатии к человеческому роду; несмотря на мои усилия, она все же часто прорывалась у меня, но капитан делал вид, что ничего не замечает. Большую же часть дня я проводил в своей каюте, чтобы не встречаться ни с кем из матросов. Капитан не раз уговаривал меня снять мое дикарское одеяние, предлагая лучший свой костюм, но я все отказывался, гнушаясь покрыть себя вещью, прикасавшейся к телу *йэху*. Я попросил его только дать мне две чистые рубашки, которые, будучи выстираны после того, как он носил их, не могли, казалось мне, особенно сильно замарать меня. Я менял их каждый день и стирал собственноручно.

Мы прибыли в Лиссабон 15 ноября 1715 года. Перед высадкой на берег капитан набросил мне на плечи свой плащ, чтобы оградить меня от насмешек уличной толпы. Он провел меня к своему дому и по моей настойчивой просьбе поместил в самом верхнем этаже, в комнате, выходящей окнами во двор. Я заклинал его никому не говорить то, что я сообщил ему о *гуигнгнмах*, потому что малейший намек на мое пребывание у них не только привлечет ко мне толпы любопытных, но, вероятно, подверг-

нет также опасности заключения в тюрьму или сожжения на костре по приговору инквизиции. Капитан уговорил меня заказать себе новое платье, но я ни за что не соглашался, чтобы портной снял с меня мерку; но так как дон Педро был почти одного со мной роста, то платья, сшитые для него, были мне как раз впору. Он снабдил меня также другими необходимыми для меня вещами, совершенно новыми, которые я, впрочем, перед употреблением проветривал целые сутки.

Капитан был не женат, и прислуга его состояла всего из трех человек, ни одному из которых он не позволял прислуживать за столом; вообще все его обращение было таким предупредительным, он проявлял столько подлинной человечности и понимания, что я постепенно примирился с его обществом. Под влиянием его увещаний я решился даже посмотреть в заднее окошко. Потом я начал переходить в другую комнату, откуда выглянул было на улицу, но сейчас же в испуге отшатнулся. Через неделю капитан уговорил меня сойти вниз посидеть у выходной двери. Страх мой постепенно уменьшался, но ненависть и презрение к людям как будто возрастали. Наконец я набрался храбрости выйти с капитаном на улицу, но плотно затыкал при этом ностабакком или рутой.

Через десять дней по моем приезде дон Педро, которому я рассказал кое-что о своей семье и домашних делах, заявил мне, что долг моей чести и совести требует, чтобы я вернулся на родину и жил дома с женой и детьми. Он сказал, что в порту стоит готовый к отплытию английский корабль, и выразил готовность снабдить меня всем необходимым для дороги. Было бы скучно повторять его доводы и мои возражения. Он говорил, что совершенно невозможно найти такой пустынный остров, на каком я мечтал поселиться, но в собственном доме я хозяин и могу проводить время каким угодно затворником.

В конце концов я покорился, находя, что ничего лучшего мне не остается. Я покинул Лиссабон 24 ноября, на английском коммерческом корабле, но кто был его хозяином, я так и не спросил. Дон Педро проводил меня на корабль и дал в долг двадцать фунтов. Он любезно со мной распрощался и, расставаясь, обнял меня, но при этой ласке я едва сдержал свое отвращение. В пути я не

разговаривал ни с капитаном, ни с матросами и, сказавшись больным, заперся у себя в каюте. Пятого декабря 1715 года мы бросили якорь в Даунсе около девяти часов утра, и в три часа пополудни я благополучно прибыл к себе домой в Росергис.

Жена и дети встретили меня с большим удивлением и радостью, так как они давно считали меня погибшим; но я должен откровенно сознаться, что вид их наполнил меня только ненавистью, отвращением и презрением, особенно когда я подумал о близкой связи, существовавшей между нами. Ибо, хотя со времени моего злополучного изгнания из страны *гуигнгимов* я принудил себя выносить вид *йэху* и общался с доном Педро де Мендес, все же моя память и воображение были постоянно наполнены добродетелями и идеями возвышенных *гуигнгимов*. И мысль, что благодаря соединению с одной из самок *йэху* я стал отцом еще нескольких этих животных, наполняла меня величайшим стыдом, смущением и отвращением.

Как только я вошел в дом, жена заключила меня в объятия и поцеловала меня; за эти годы я настолько отвык от прикосновения гнусных животных, что не выдержал и упал в обморок, продолжавшийся больше часу. Когда я пишу эти строки, прошло уже пять лет со времени моего возвращения в Англию. В течение первого года я не мог видеть жену и детей; даже их запах был для меня нестерпим; тем более я не в силах был садиться с ними за стол в одной комнате. И до сих пор они не смеют прикасаться к моему хлебу или пить из моей чашки, до сих пор я не могу позволить им пожимать мне руку. Первые же свободные деньги я истратил на покупку двух жеребцов, которых держу в прекрасной конюшне; после них моим наибольшим любимцем является конюх, так как запах, который он приносит из конюшни, действует на меня самым оживляющим образом. Лошади достаточно хорошо понимают меня; я разговариваю с ними по крайней мере четыре часа ежедневно. Они не знают, что такое узда или седло, очень ко мне привязаны и дружны между собою.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Правдивость автора. С каким намерением опубликовал он этот труд. Он порицает путешественников, отклоняющихся от истины. Автор отвергает какой-либо злой умысел при написании этой книги. Ответ на одно возражение. Метод насаждения колоний. Прехвала родине. Беспорное право короны на страны, описанные автором. Трудность завоевать их. Автор окончательно расстается с читателем: он излагает планы своего образа жизни в будущем, дает добрые советы и заканчивает книгу.

так, любезный читатель, я дал тебе правдивое описание моих путешествий, продолжавшихся шестнадцать лет и свыше семи месяцев, в котором я работал не столько о прикрасах, сколько об истине. Может быть, подобно другим путешественникам, я мог бы удивить тебя странными и невероятными рассказами, но я предпочел излагать голые факты наипро-

стейшим способом и слогом, ибо главным моим намерением было осведомлять тебя, а не забавлять.

Нам, путешественникам в далекие страны, редко посещаемые англичанами или другими европейцами, нетрудно сочинить описание диковинных животных, морских и сухопутных. Между тем главная цель путешественника — просвещать людей и делать их лучшими, совершенствовать их умы как дурными, так и хорошими примерами того, что они передают касательно чужих стран.

От всей души я желал бы издания закона, который обязывал бы каждого путешественника, перед получением им разрешения на опубликование своих путешествий, давать перед лордом верховным канцлером клятву, что все, что он собирается печатать, есть безусловная истина, по его добросовестному мнению. Тогда публика не подвергалась бы больше риску быть обманутой, как это обыкновенно бывает теперь, оттого что некоторые писатели, желая сделать свои сочинения более занимательны-

ми, угощают доверчивого читателя самой грубой ложью. В юности я с огромным наслаждением прочел немало книг о путешествиях; но, объехав с тех пор почти весь земной шар и убедившись в несостоятельности множества басен на основании собственных наблюдений, я проникся большим отвращением к такого рода чтению и с негодованием смотрю на столь бесстыдное злоупотребление человеческим轻信. И так как моим знакомым угодно было признать скромные мои усилия бесполезными для моей родины, то я поставил своим правилом, которому неуклонно следую, *строжайше придерживаться истины*; да у меня и не может возникнуть ни малейшего искушения отступить от этого правила, пока я храню в своей памяти наставления и пример моего благородного хозяина и других достопочтенных *гуигнгнмов*, скромным слушателем которых я так долго имел честь состоять.

*Nec, si miserum Fortuna Sinonem
Finxit, unum etiam, mendacemque improba fingeret*.*

Я отлично знаю, что сочинения, не требующие ни таланта, ни знаний и никаких вообще дарований, кроме хорошей памяти или аккуратного дневника, не могут особенно прославить их автора. Мне известно также, что авторы путешествий, подобно составителям словарей, погружаются в забвение благодаря тяжести и величине тех, кто приходит им на смену и, следовательно, ложится поверх. И весьма вероятно, что путешественники, которые посетят впоследствии страны, описанные в этом моем сочинении, обнаружив мои ошибки (если только я их совершил) и прибавив много новых открытий, оттеснят меня на второй план и сами займут мое место, так что мир позабудет, что был когда-то такой писатель. Это доставило бы мне большое огорчение, если бы я писал ради славы; но так как моей единственной заботой является *общественное благо*, то у меня нет никаких оснований испытывать разочарование. В самом деле, кто способен читать описанные мной добродетели славных *гуигнгнмов*, не испытывая стыда за свои пороки, особенно если он рассматривает себя как разумное, господствующее животное своей страны? Я ничего не скажу о тех далеких народах, где первенствуют *йэху*, среди которых наименее испорченными являются *бробдингнежцы*; соблюдать их

мудрые правила поведения было бы для нас большим счастьем. Но я не буду распространяться на эту тему и предоставляю рассудительному читателю самому делать заключения и выводы.

Немалое удовольствие доставляет мне уверенность, что это произведение не может быть подвергнуто критике. В самом деле, какие возражения можно сделать писателю, который излагает одни только голые факты, имевшие место в таких отдаленных странах, не представляющих для нас ни малейшего интереса ни в торговом, ни в политическом отношении? Я всячески старался избегать промахов, в которых так часто справедливо упрекают авторов путешествий. Кроме того, я не смотрю на вещи с точки зрения какой-либо партии, но пишу беспристрастно, без предубеждений, без зложелательства к какому-нибудь лицу или к какой-нибудь группе лиц. Я пишу с благороднейшей целью просветить и наставить человечество, над которым, не нарушая скромности, я вправе притязать на некоторое превосходство благодаря преимуществам, приобретенным мной от долгого пребывания среди таких нравственно совершенных существ, как *гуингнембы*. Я не рассчитываю ни на какие выгоды и ни на какие похвалы. Я не допускаю ни одного слова, которое могло бы быть сочтено за насмешку или причинить малейшее оскорбление даже самым обидчивым людям. Таким образом, я надеюсь, что с полным правом могу объявить себя писателем совершенно безупречным, у которого никогда не найдут материала для упражнения своих талантов племена обозревателей, наблюдателей, порицателей, ищек и соглядатаев.

Признаюсь, что мне нашептывали, будто мой долг английского подданного обязывает меня, сейчас же по возвращении на родину, представить одному из министров докладную записку, так как все земли, открытые подданным, принадлежат его королю. Но я сомневаюсь, чтобы завоевание стран, о которых я говорю, далось нам так легко, как завоевание Фердинандом Кортесом американских дикарей *. *Лиллипуты*, по моему мнению, едва ли стоят того, чтобы для покорения их снаряжать армию и флот, и я не думаю, чтобы было благоразумно или безопасно произвести нападение на *бробдинггезцев*, или чтобы английская армия хорошо себя чувствовала, когда

пад нею покажется *Летучий Остров*. Правда, *гуигнгнмы* как будто не так хорошо подготовлены к войне, искусству, которое совершенно для них чуждо, особенно что касается обращения с огнестрельным оружием. Однако, будь я министром, я никогда не посоветовал бы нападать на них. Их благоразумие, единодушие, бесстрашие и любовь к отечеству с избытком возместили бы все их невежество в военном искусстве. Представьте себе двадцать тысяч *гуигнгнмов*, врезавшихся в середину европейской армии, смешавших строй, опрокинувших обозы, превращающих в котлету лица солдат страшными ударами своих задних копыт. Ибо они вполне заслуживают характеристику, данную Августу *recalcitrat undique tutus**.

Но вместо предложения планов завоевания этой великодушной нации я предпочел бы, чтобы *гуигнгнмы* нашли возможность и согласились послать достаточное количество своих сограждан для цивилизования Европы путем научения нас первоосновам чести, справедливости, правдивости, воздержности, солидарности, мужества, целомудрия, дружбы, доброжелательства и верности. Названия этих добродетелей удержались еще в большинстве европейских языков, и их можно встретить как у современных, так и у прежних писателей. Я могу это утверждать на основании скромных своих чтений.

Но существует еще и другая причина, удерживающая меня от содействия расширению владений его величества открытыми мной странами. Правду говоря, меня берет некоторое сомнение насчет справедливости, проявляемой государями в таких случаях. Например, буря несет шайку пиратов в неизвестном им направлении; наконец юнга открывает с верхушки мачты землю; пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбойничеством; они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием; дают стране новое название; именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве образца, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретенная по *божественному праву*. При первой возможности туда посылают корабли; туземцы либо изгоняются, либо истребляются, вожди их подвергаются пыткам, что-

бы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для совершения любых бесчеловечных поступков, для любого распутства, земля обгащается кровью своих сынов. И эта гнусная шайка мясников, занимающаяся столь благочестивыми делами, образует *современную колонию*, предназначенную для обращения в христианство и насаждения цивилизации среди дикарей-идолопоклонников.

Но это описание, разумеется, не имеет никакого касательства к британской нации, которая может служить примером для всего мира благодаря своей мудрости, заботливости и справедливости в насаждении колоний, своим высоким духовным качествам, содействующим преуспеванию религии и просвещения; подбору набожных и способных священников для распространения христианства; осмотрительности в заселении своих провинций добропорядочными и воздержными на язык жителями метрополии; строжайшему уважению справедливости при замещении административных должностей во всех своих колониях чиновниками величайших дарований; совершенно чуждых всякой порочности и продажности; и в увещание всего — благодаря назначению бдительных и добродетельных губернаторов, горячо пещущихся о благоденствии вверенного их управлению населения и блюдущих честь короля, своего государя.

Но так как население описанных мной стран, по-видимому, не имеет никакого желания быть завоеванным, обращенным в рабство, истребленным или изгнанным колонистами и так как сами эти страны не изобилуют ни золотом, ни серебром, ни сахаром, ни табаком, то, по скромному моему мнению, они являются весьма мало подходящими объектами для нашего рвения, нашей доблести и наших интересов. Однако если те, кого это ближе касается, считают нужным держаться другого мнения, то я готов засвидетельствовать под присягой, когда я буду призван к тому законом, что ни один европеец не посещал этих стран до меня, поскольку, по крайней мере, можно доверять показаниям туземцев; спор может возникнуть лишь по отношению к двум *йэху*, которых, по преданию, видели много веков тому назад на одной горе в *Гуигнгмши* и от которых, по тому же преданию, произошел весь род этих гнусных скотов; эти двое *йэху* бы-

ли, должно быть, англичане, как я очень склонен подозревать на основании черт лица их потомства, хотя и очень обезображенных. Но насколько факт этот может быть доказательным, предоставляю судить знатокам колониальных законов.

Что же касается формального завладения открытыми

странами именем моего государя, то такая мысль никогда не приходила мне в голову; да если бы и пришла, то, принимая во внимание мое тогдашнее положение, я, пожалуй, поступил бы благоразумно и предусмотрительно, отложив осуществление этой формальности до более благоприятного случая.

Ответив таким образом на единственный упрек, который можно было бы сделать мне как путешественнику, я окончательно прощаюсь со всеми моими любезными читателями и удаляюсь в свой садик в Редриффе наслаждаться размышлениями, осуществлять на практике превосходные уроки добродетели, преподанные мне *гуигнгнмами*, просвещать *йэху* моей семьи, насколько эти животные вообще поддаются воспитанию, почаще смотреть на свое отражение в зеркале и таким образом, если возможно, постепенно приучить себя выносить вид человека; сокрушаться о дикости *гуигнгнмов* на моей родине, но всегда относиться к их личности с уважением, ра-

ди моего благородного хозяина, его семьи, друзей и всего рода *гуилгнмов*, на которых наши лошади имеют честь походить по своему строению, значительно уступая им по своим умственным способностям.

С прошлой недели я начал позволять жене садиться обедать вместе со мной на дальнем конце длинного стола

и отвечать (как можно короче) на немногие задаваемые мной вопросы. Все же запах *йэху* по-прежнему очень противен мне, так что я всегда плотно затыкаю нос руттой, лавандой или листовым табаком. И хотя для человека пожилого трудно отучиться от старых привычек, однако я совсем не теряю надежды, что через некоторое время способен буду переносить общество *йэху*-соседей и перестану страшиться их зубов и когтей.

Мне было бы гораздо легче примириться со всем родом *йэху*, если бы они довольствовались теми пороками и безрассудствами, которыми наделила их природа. Меня ничуть не раздражает вид судейского, карманного вора, полковника, шута, вельможи, игрока, политика, сводника, врача, лжесвидетеля, соблазнителя, стряпчего, предателя и им подобных; существование всех их в порядке вещей. Но когда я вижу кучу уродств и болезней, как физических, так и духовных, да в придачу к ним еще *гордость*, — терпение мое немедленно истощается; я ни-

когда не способен буду понять, как такое животное и такой порок могут сочетаться вместе. У мудрых и добродетельных *гуигнгнмов*, в изобилии одаренных всеми совершенствами, какие только могут украшать разумное существо, нет даже слова для обозначения этого порока; да и вообще язык их не содержит вовсе терминов, выражающих что-нибудь дурное, исключая тех, при помощи которых они описывают гнусные качества тамошних *йэху*, среди которых они, однако, не могли обнаружить гордости, вследствие недостаточного знания человеческой природы, как она проявляется в других странах, где это животное занимает господствующее положение. Но я благодаря своему большому опыту ясно различал некоторые зачатки этого порока среди диких *йэху*.

Однако *гуигнгнмы*, живущие под властью разума, так же мало гордятся своими хорошими качествами, как я горжусь тем, что у меня две ноги и две руки; ни один человек, находясь в здравом уме, не станет кичиться этим, хотя и будет очень несчастен, если лишится того или другого члена. Я так долго останавливаюсь на этом предмете из желания сделать, по мере моих сил, общество английских *йэху* более переносимым; поэтому я очень прошу лиц, в какой-нибудь степени запятнанных этим нелепым пороком, не отваживаться попадаться мне на глаза.

Конец

ДЖОНАТАН СВИФТ И ЕГО РОМАН «ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА»

У книг, как и у людей,—разная судьба. Одни, не оцененные современниками, приобретают популярность уже после смерти автора. Другие, сразу же встреченные с энтузиазмом читателем и критикой, оказываются забытыми на протяжении жизни одного поколения. Интерес дня, выраженный в них, уходит, намеки на конкретных людей и события становятся непопулярными, и книга, некогда знаменитая, разделяет участь газет и журналов своего времени: к ней обращается лишь пытливый историк литературы.

«Путешествия Гулливера», вышедшие анонимно в 1726 году, были с восторгом встречены современниками Свифта. Очень скоро книга была переведена на французский язык, а некоторое время спустя и на русский. Количество изданий и переводов этой книги в XIX веке трудно даже учесть. Она появлялась и в полном виде и в переделках для детей. Не уменьшилась популярность «Путешествий Гулливера» и в XX веке. Со Свифтом много спорили, но значения его труда не мог отрицать никто. Все крупнейшие английские сатирики, жившие после Свифта, в той или иной мере оказывались его учениками.

«Путешествиями Гулливера» зачитывались современники Свифта, ими восхищались и мы. Книга дала повод для глубоких размышлений многим выдающимся людям минувших двух столетий, и она составляет любимое чтение юношества. Поистине удивительная судьба у этого романа! Если позволено сравнивать книги с людьми, биографию этой книги можно назвать безоблачной.

Иной была жизнь ее автора.

Еще долгое время после того, как умер Джонатан Свифт, жители Дублина показывали приезжим невзрачный дом, затерявшийся на одной из улиц этого средневекового города. Дом этот принадлежал одному из многочисленных судебных учреждений ирландской столицы, и небольшая квартирка в нем была отведена для смотрителя судебных зданий. Здесь когда-то жил судейский чиновник Свифт, сын которого прославил родной город.

Свифта-судейского плохо помнили в городе. Восемнадцатилетним юношей он явился в Дублин из Англии, перебивался некоторое время случайными заработками, затем получил должность, женился на молодой девушке, такой же бедной, как он, и два года спустя умер.

Джонатан не знал своего отца. Он родился уже после его смерти. Мать осталась без всяких средств к существованию. Новый смотритель требовал, чтобы вдова его предшественника поскорее освободила казенную квартиру. Пришлось идти на поклон к родне. И у матери Свифта и у его отца были зажиточные родственники. Молодой вдове помогли. Заботу о Джонатане взял на себя дядя Годвин, дублинский коммерсант. Но по мере того, как затухали воспоминания о смерти отца Свифта, умершего таким молодым, все чаще приходилось напоминать родным об обещанной поддержке. И чем старше становился Джонатан, тем острее чувствовал он унижительное положение, в котором очутились они с матерью. Мальчик рос гордый, болезненно самолюбивый. Может быть, именно в эти годы зародилась в нем мечта, в которой он потом признался и которая определила собой значительную часть его жизни: добиться, чтобы лорды разговаривали с ним, как с равным.

Как ни случайны обстоятельства рождения и юности Свифта, они были по-своему типичны для того времени, а мечта его была мечтою тысяч талантливых бедняков, желавших отстоять свое достоинство. Человек без титула или без туго набитой кошельки мог понимать, что стоит на голову выше окружающих его знатных ничтожеств, но обычай предписывал ему раболепно сгибаться перед ними. Он мог создавать величайшие духовные богатства, но что это значило для тех, чье богатство было учтено в фунтах, шиллингах и пенсах? Добиться славы, почета, уважения лишь ценой собственных усилий, ума и таланта — такую цель ставил себе не один Свифт.

В юности, впрочем, Свифт мало что сделал, чтоб осуществить свою мечту. Он был зачислен в Дублинский университет — разумеется, за счет дяди — на предмет изучения богословия. Здесь он оказался одним из худших учеников: теологическая премудрость была противна Свифту. К тому же его угнетала необходимость жить подачками богатого родственника. Когда Джонатана выпустили из университета, он получил диплом бакалавра «по особой милости». На простом языке это означало, что выпускник не преуспел в науках и не имеет права занимать церковные должности.

Приходилось думать, как устроиться дальше. Жить по-прежнему на щедроты дяди Годвина Джонатан решительно отказался. Но существовать было не на что. К счастью, мать вспомнила, что приходится дальней родственницей жене лорда Темпля, крупного дипломата, ушедшего от дел, но сохранившего большое влияние в придворных сферах. Вскоре Свифт отправился в поместье престарелого вельможи, чтобы занять при нем место секретаря. Здесь ему предстояло провести, с небольшими перерывами, десять лет, до самой смерти Темпля.

К поместью Темпля многое привязывало Свифта. В доме была огромная библиотека, куда в послеобеденные часы надолго уда-

лся молодой секретарь, к Темплю съезжались интересные люди. Сам отставной дипломат занимался сочинительством, издавал книги о древних авторах. И, наконец, в небольшом флигельке, расположенном неподалеку от барского дома, жила домоправительница Темпля—миссис Джонсон, семилетняя дочка которой стала первой ученицей Свифта. Свифт любил учительствовать, и дети многих его знакомых вспоминали впоследствии, что первые уроки грамоты получили у великого сатирика. Но Эстер Джонсон, которой Свифт в своих дневниках дал поэтическое имя Стелла, была не только его ученицей. Десять лет спустя, когда Свифт навсегда покидал поместье Темпля, они уже любили друг друга.

И все же Свифт не чувствовал себя счастливым. Он не был ровней ни хозяину дома, ни его гостям, и ему не раз давали понять это. Свифт, гордый, независимый, презирающий сословные различия, мучительно переживал подобные случаи. Он помогал Темплю—очень честолюбивому, но не очень талантливому литератору—в его работе и не без основания считал, что не только он зависит от старого вельможи, но и тот зависит от него. Со временем Свифт заставил Темпля оценить себя и как человека и как писателя.

Свифт не переставал мечтать о самостоятельном положении в обществе. Пересилив себя, он сдал в 1692 году экзамен на степень магистра богословия и не оставлял надежды получить, пользуясь связями Темпля, какое-нибудь место, которое обеспечило бы ему безбедное существование. Однажды такая возможность, казалось, была близка. Темплъ отправил Свифта с важным политическим поручением к королю Вильгельму III, и Свифт не упустил случая изложить королю и свою просьбу. Королю Свифт поправился. Он долго беседовал с ним и под конец предложил ему место капитана в драгунском полку. Свифт, поблагодарив, отказался.

После смерти Темпля Свифт, прослужив два года секретарем губернатора Ирландии, с его помощью получил приход в местечке Ларакор. Ирландскому церковному начальству были известны связи Свифта в английских политических кругах, приобретенные им в период службы у Темпля, и у Свифта появилась возможность значительную часть своего времени проводить в Лондоне, где ему было поручено отстаивать права ирландского духовенства. Свифт добросовестно выполнял свою миссию, но этим не ограничивался. Он все чаще публикует памфлеты, посвященные событиям дня, и скоро становится одним из виднейших политических журналистов Англии. Особенно большое впечатление на общественное мнение произвел его памфлет «Поведение союзников» (1711), в котором Свифт самым решительным образом выступил против участия Англии в войне за испанское наследство.

Руководители партии ториев, боровшейся за заключение мира, сразу оценили, какую большую услугу оказал им Свифт. Скоро Свифт стал личным другом руководителей торийской партии Оксфорда и Болингброка, а с приходом к власти правительства, возглавляемого этими двумя деятелями, приобрел большой вес в политических сферах. Формально Свифт занимал не очень значительный пост: он был редактором правительственной газеты, но фактически от него зависело решение большого количества вопросов. Свифт мог гордиться собой. Он достиг такого положения, не лстя,

не заниская, а только благодаря силе своего таланта и обаянию своей личности. Чем более высокое место занимал человек, тем более гордо и независимо держался с ним Свифт. Он всегда подчеркивал, что не обращает никакого внимания ни на титулы, ни на богатство и ценит в людях только их душевные качества. Свифта уважали — и боялись.

Когда в начале 1732 года Свифт написал сатирические «Стихи на смерть доктора Свифта», он таким образом рассказал об этом периоде своей жизни:

Не почитал декан за честь
Вельможных меценатов лесть,
И, гордо презирая ласки
Болванов с орденом Подвязки,
Он znalся с умным бедняком,
Но не с богатым дураком.
Пред высшим чином или званьем
Не пресмыкался с обожаньем
И, не страшась владык земных,
Он милостей не ждал от них.
Хоть близок был к делам державным,
Не стал надменным иль тщеславным
И, свой престиж употребя
Для ближних, а не для себя,
Достойным он помочь стремился
И в том немалого добился....

(Перевод Ю. Д. Левина)

Свифт был опасен. Его лучше было держать подальше от не слишком опрятной политической кухни. Да и самому Свифту опротивели придворные козни. Он страшился оставить Лондон и в то же время не мог больше оставаться в нем. В 1714 году наступила развязка. Дела торийского правительства шли все хуже. Было ясно, что скоро оно подаст в отставку. Свифт понял, что ему нечего больше делать в Лондоне, и принял назначение на должность настоятеля (декана) Дублинского кафедрального собора. Отныне Свифт был вторым человеком в ирландской церкви, он получал огромное жалование, но его должность требовала постоянного присутствия в Дублине. С грустью, как в ссылку, уезжал туда Свифт, ему казалось, что теперь пришел конец и его политическому влиянию и литературной деятельности. Он ошибался. Именно в Ирландии суждено было Свифту достичь вершин своей славы.

Дни шли за днями. Свифт исполнял церковную службу, произносил проповеди и коротал вечера в обществе Стеллы, переехавшей в Ирландию и поселившейся неподалеку от Свифта. Вести из Лондона доходили с большим опозданием, и Свифт все меньше знал о политической и литературной жизни английской столицы. Но темперамент бойца в нем не угасал. Он проникался постепенно интересами страны, из которой в юности мечтал вырваться и куда, как ему казалось, его забросила злая судьба.

В 1720 году Свифт выступает в защиту Ирландии, превращенной англичанами в колонию. Он публикует памфлет «Предложение

о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры», в котором предлагает ирландцам бойкотировать английские товары и развивать собственную промышленность. Pamфлет был опубликован анонимно, и английские власти назначили высокую награду за выдачу его автора. Но хотя весь Дублин знал, кто написал памфлет, ни один человек не явился с доносом. Когда английское правительство продало подряд на чеканку монеты для Ирландии английскому предпринимателю Вуду, Свифт выступил с серией памфлетов «Письма суконщика» (1724), отстаивая суверенные права Ирландии. «Письма суконщика» произвели огромный политический эффект и стали одним из важных документов истории ирландского национально-освободительного движения. Многие историки Ирландии с появления «Писем суконщика» датируют начало организованной парламентской оппозиции в Ирландии. Свифт стал героем ирландского народа. Популярность его была настолько велика, что, когда однажды он вернулся в Дублин после продолжительной отлучки, город встретил его колокольным звоном. Премьер-министр Англии Роберт Уолпол предложил арестовать Свифта. Местные власти в ответ донесли, что для этого потребуется по меньшей мере десяти тысячная армия. Едва слухи о возможных репрессиях против Свифта распространились в Дублине, население немедленно организовало охрану его дома. Внушительный отряд вооруженных дублинцев сопровождал Свифта во время его поездок по стране. Свифта в эти годы называли некоронованным королем Ирландии. Когда английского губернатора в Ирландии спросили впоследствии, как он правил Ирландией, он ответил: «Я старался нравиться Свифту».

А Свифт продолжал борьбу. Он организовал ссудную кассу, поощрявшую развитие ирландской промышленности, употребив на это дело большую часть своих сбережений. Он выпускал памфлет за памфлетом, разоблачаящие английских поработителей. Особым негодованием был проникнут памфлет «Скромное предложение о детях ирландских бедняков» (1729). Англия довела Ирландию до такой степени обнищания, заявлял Свифт, что помещикам, если они хотят быть последовательными, остается теперь только пожирать детей бедняков. «Я согласен, — провозглашает Свифт, — что эта пища будет до некоторой степени дорога, но именно поэтому она приличествует помещикам, которые уже поглотили большую часть родителей и теперь, по-видимому, имеют наибольшие права на детей.. Этого рода товар непригоден для экспорта, так как мясо детей — слишком нежного свойства и не может долго сохраняться в соли, хотя я и мог бы, пожалуй, назвать страну, которая рада бы сожрать всю нашу нацию и без соли».

В 1728 году Свифта постиг жестокий удар: умерла Стелла, самая крепкая его привязанность в жизни, женщина, которая выросла на его глазах, стала его верным другом и женой. Шестидесятилетний Свифт тяжело пережил эту потерю. Стали учащаться головные кружения, мучившие его с детских лет. Над ним учредили опеку. Последние семь лет своей жизни он часто находился в невменяемом состоянии, но едва только сознание возвращалось к нему, сразу тянулся к перу и бумаге. Тяжело больной, глухой, немощный, он продолжал писать.

Умер Свифт в 1745 году, семидесяти восьми лет. День его смерти был днем траура во всей Ирландии, для которой он так много сделал и которая так много сделала для него. Здесь он сблизился с народом, проникся жгучим негодованием против гнета и несправедливости. Здесь он написал свою знаменитую сатирическую книгу «Путешествия Гулливера».

Романы о путешествиях, воспоминания бывалых моряков — подлиннее и вымышленнее — были, пожалуй, самыми распространенными книгами в Англии начала XVIII века. В этом жанре было написано несколько хороших книг, среди них такой шедевр, как «Приключения Робинзона Крузо» (1719) Даниэля Дефо, но чаще всего романы путешествий фабриковались бездарными литераторами для весьма невзыскательного читателя.

Свифт решил написать пародию на роман путешествий. Он был опытным пародистом и еще в пору своего пребывания в Лондоне организовал кружок литераторов, выпускавший различные пародии под именем Мартина Писаки. Свифт и сейчас думал развлечься пародией. Большей цели он перед собой не ставил. Но по мере того, как созревал замысел произведения, Свифт все больше убеждался в том, какие сатирические возможности таит в себе роман о вымышленных путешествиях вымышленного Лемюэля Гулливера. От намерения писать пародийный роман Свифт не отказался, но он знал теперь, что его произведение будет одновременно политической сатирой.

«Путешествия Гулливера» не были первым сатирическим произведением Свифта. Еще раньше, в 1704 году, он опубликовал «Сказку бочки» — злую антиклерикальную сатиру, в которой доказывал, что церковь — политическое учреждение, целью которого является держать в повиновении народ. Новоиспеченный магистр богословия немало поиздевался здесь и над церковными обрядами и над служителями церкви. Святую воду он именует не иначе, как «универсальный рассол», исповедальню — «шептальной», а церковную кафедру — «ораторской машиной», сравнивая ее при этом с помостом, устроенным около виселицы.

Сатира Свифта касалась не только церкви, но и самой религии. Великий французский просветитель Вольтер писал, что «Свифт высмеял в своей «Сказке бочки» католичество, лютеранство и кальвинизм. Он ссылается на то, что был исполнен почтения к отцу, хотя попотчевал его трех сыновей сотней розог. Но недоверчивые люди нашли, что розги были настолько длинные, что задевали и отца».

«Сказка бочки», однако, была произведением значительно меньшего масштаба, чем «Путешествия Гулливера». В первой сатирической повести Свифт позволил себе огромное количество отступлений, но тем не менее «Сказка бочки» не идет ни в какое сравнение с «Путешествиями Гулливера» по количеству и значению поставленных проблем. К тому же она была написана в первую очередь для образованного читателя и местами напоминала скорее сатирический трактат, нежели художественное произведение.

Иначе были написаны «Путешествия Гулливера». Подобно тому, как Сервантес, задавшись целью написать пародию на рыцарский роман, обнаружил вскоре, что избранная им популярная фор-

ма обеспечивает его книге доступ к самым широким кругам читателей, так и Свифт, задумав писать пародию на роман путешествий, нашел способ сообщить свои просветительские идеи тем, кто был весьма далек от книжной учености. Книга Свифта писалась в период, когда он ближе всего был народу, и она оказалась книгой для народа.

За два с лишним столетия, прошедших со дня публикации книги, она обросла многочисленными комментариями. Над комментированием «Путешествий Гулливера» трудились уже современники Свифта, и мы знаем, что, когда Свифт рассказывал о спорах «тупоконечников» и «остроконечников» — тех, кто предпочитает разбивать яйцо с тупого конца, и тех, кто предпочитает разбивать его с острого, — он имел в виду споры между католиками и протестантами, а повествуя о борьбе «высококаблучников» и «низкокаблучников», говорил о партийной борьбе своего времени. Мы знаем даже, что, когда Гулливер попал к лиллипутам, он не случайно оказался привязанным девяносто одной веревкой q тридцатию шестью замками. Свифт говорил, что в период, когда он занимался политической деятельностью, он написал девяносто один памфлет к услугам тридцати шести фракций. И так по всей книге. Почти каждое мелкое обстоятельство, упомянутое автором, легко находит себе параллель в фактах реальной жизни того времени или личной биографии Свифта. Но для нас интерес книги не в этом. Книга Свифта прожила так долго потому, что автор ее сумел глубоко проникнуть в суть изображаемого. Он прекрасно видел комическую поверхность вещей и не забывал о ней. Но он хорошо знал, что комическая поверхность — только проявление внутренней нелепости современного ему общества. Можно забыть о мелких подробностях политической и общественной жизни, на которые намекал Свифт, и все равно увидеть то главное, что разглядел за этими подробностями автор. Книга Свифта всегда оставалась высоким образцом сатиры. И каждое поколение умело находить в ней свое: хоть ушли люди, которых высмеивал Свифт, изменилась внешность явлений, ему ненавистных, автор увидел в этих людях и в этих явлениях то, что надолго оказалось непреходящим и многократно было повторено историей.

Так начал свое пескончаемое путешествие Лемюзль Гулливер, сначала хирург, а потом капитан нескольких кораблей.

Вначале он попал к лиллипутам. Тысячи крошечных человечков копошатся у него под ногами. Он съедает за один присест столько припасов, что ими можно было бы накормить целый город. На его носовом платке гарцуют всадники, и он спит сразу на шестистах матрацах.

Новое путешествие — и Гулливер у великанов. Он более не «Человек-гора». Он никого не боится раздавить — его бы самого не раздавили! Его держат при дворе для развлечения дам. Он здесь такой же пигмей, какими были по сравнению с ним лиллипуты.

Орел подхватил сундук, в котором жил Гулливер, и он уносится из страны великанов. Но его снова тянет в путь, и он, до того, как кончатся его путешествия, успевает еще побывать в Лапуте и в стране лошадей. Здесь все нормальных размеров, но поставлено

с ног на голову. То, что считается обычным в нормальном человеческом обществе, не принято у лапудян, и лошади ездят на людях в Гуинггнии.

Нетрудно заметить, по какому строгому плану построил книгу Свифт, как последовательно проводит он в ней основную свою мысль. Он делает своего героя то пигмеем, то великаном по сравнению с окружающим и таким образом показывает: когда человек попадает в необычные условия, его зрение обостряется, многое, что примелькалось в повседневной жизни и стало уже незаметным, снова бросается ему в глаза. Он думал до сих пор, что то или иное явление объясняется законами жизни, а оно, оказывается, объясняется только условиями среды, в которой он живет; законы жизни иные, и то, к чему привык герой, нередко им противоречит. Значит, надо отменить все предрассудки и попытаться понять, что же представляет собой жизнь. Эта попытка разобраться в самых основах жизни не была случайна. К этому толкало время, в которое жил Свифт.

Свифту было двадцать один год, когда произошел государственный переворот 1688 года, завершивший почти полувековой период английской буржуазной революции XVII века. У Стюартов слишком сильны были воспоминания о временах абсолютной монархии, они пытались править старыми, феодальными методами, пренебрегая интересами укрепившейся буржуазии. Этому пришел конец. Английские войска отказались защищать прогнивший режим Стюартов, и принц Вильгельм Оранский, ставленник крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, без боя вступил в Лондон во главе армии, набранной в Нидерландах. Король Яков Стюарт бежал во Францию, и Вильгельм Оранский был коронован на царство. Но прежде чем вручить новому королю скипетр и корону, его заставили подписать декларацию, в которой он обещал править, сообразуясь с интересами тех, кто привел его на престол. Англия была отныне конституционной монархией.

Было ясно, что в истории Англии наступает новый период. Что он сулит? Будет ли наступающее царство буржуазии «царством разума», как мечтали передовые люди века — просветители? Принесет ли оно избавление от всех социальных зол? Этим вопросом задавались многие современники Свифта, и в большинстве своем они давали на него положительный ответ. Иную позицию занял Свифт. Он подверг критике все, что мешало утверждению новых, буржуазных порядков. В то же время он зло критикует и сугубо буржуазные стороны общественной жизни новой Англии. В Лилипутин, для того чтоб занять важный пост, не требуется знатное происхождение, для этого надо только уметь хорошо плясать на канате. Но не все ли равно, за что получил человек свой пост — за «голубую кровь» или за акробатические способности? И в том и в другом случае он получил его не за свою способность и готовность служить общему делу. Но, может быть, буржуа представляют собой противоположность аристократам? Да, они от них отличаются, но это не значит, что они чем-нибудь лучше. Когда Гулливер фантазирует, какой образ жизни он вел бы, став бессмертным, он первым делом решает разбогатеть, разумеется, честным путем. Ведь если верить богачам, они приобрели свое богат-

ство умеренностью, бережливостью, трудолюбием. Но короткого подсчета, оказывается, достаточно, чтобы установить, сколько на это потребуется времени — приблизительно лет двести. Нет, богатство приобретается иным путем: «...богатые пожинают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача». В результате «громодное большинство нашего народа вынуждено владеть жалкое существование».

Свифт не раз в своих произведениях обрушивается на «безбожников»-аристократов. В одном из своих памфлетов — «Серьезный и полезный проект устройства приюта для неизлечимых» — он предлагает даже заключить их в сумасшедший дом вместе с дураками, лжецами, завистниками и хвастунами. Правда, казне придется тратить на их содержание около пятисот фунтов в день, но это все же выгоднее, чем оставлять их на воле. Почему же Свифт, автор «Сказки бочки», вдруг заговорил о том, что неверие в бога представляет опасность для общества? Объяснить это не так трудно, как может показаться с первого взгляда. Свифт стоял за твердые нравственные правила, и ему казалось, что религия как-никак накладывает на человека определенные моральные ограничения. Он видел, что для аристократов вольнодумство — лишь способ прикрыть свою полнейшую распущенность и моральную беспринципность. Из двух зол он, как ему казалось, выбирал меньшее.

Впрочем, сам же Свифт показал, что религия — далеко не всегда «меньшее из двух зол». Ханжеская религиозность буржуа ему не менее противна, чем аристократическое вольнодумство. Пуританин Джек из «Сказки бочки», «когда затевал какую-нибудь гнусность, то становился на колени, иногда прямо в канаву, и начинал молиться».

У Свифта нет никаких иллюзий в отношении современного порядка вещей, и потому так последовательно на протяжении четырех частей романа разоблачаются иллюзии Гулливера о том, что собой представляет государственное устройство Англии того времени.

Гулливер, каким он предстает перед читателем в первой части романа, — обычный средний англичанин, искренне убежденный, что он представитель страны с самыми совершенными порядками, самыми умными правителями и образцовыми государственными учреждениями. Однако постепенно ему, а еще прежде читателю, открывается глубина его заблуждения. Лиллипутские порядки поразительно напоминают порядки, установившиеся в Англии после переворота 1688 года. Но Гулливер больше лиллипутов, он сверху вниз смотрит на их мышиную возню, он не замешан в ней, и ему все виднее. Лиллипуты уверены в том, что их король — это ограда и ужас вселенной. Его владения, занимая около двенадцати миль в окружности, распространяются до крайних пределов земного шара. Он монарх над монархами, величайший из всех сынов человеческих; своею стопой он упирается в центр земли, а главою касается солнца... Гулливер никогда не испытывал сомнения в том, что получить орден из королевских рук — действительно высочайшая честь, но он не может без иронии смотреть на то, как крошечные человечки лезут из кожи вон, чтобы получить дветную нитку на пояс.

Впрочем, так ли независим в своих суждениях о нравах обывающих лиллипутов Гулливер, действительно ли он стоит в стороне от их мышиной возни? Нет, законопослушный англичанин Гулливер принимает как должное многое из того, что творится в Лиллипутии. Он безоговорочно подчиняется самым нелепым установлениям лиллипутского двора, он послушно именует императора Лиллипутии «отрадой и ужасом вселенной», он произносит дурацкий текст присяги, сам сажает себе в карманы чиновников, производящих у него обыск, и даже тогда, когда жизнь его подвергается опасности из-за придворных интриг, у него нет чувства внутреннего протеста. И поэтому в следующей части сам Гулливер оказывается в положении лиллипута.

Постепенно, Впрочем, Гулливер избавляется от своей ограниченности. Опыт, приобретенный в путешествиях, не пропал даром, и в третьей части романа мы видим Гулливера внимательным и проницательным наблюдателем жизни—человеком без предрассудков и с немалой долей здравого смысла.

И, наконец, в последней части романа герой проникается сознанием человеческих пороков. Ему отвратителен самый вид человека, и лишь с большим трудом удается вернуть его на родину.

Такой путь проходит рядовой англичанин Лемюэль Гулливер, которому удалось открытыми глазами взглянуть на окружающий мир. Страшное зрелище пороков, лжи, преступлений открылось ему. И Гулливер, сын своего века, лучшие люди которого так верили в силу моральной проповеди, пишет свою книгу с целью «усовершенствования человечества». Но, с горечью резюмирует он в своем письме издателю: «Вот уже шесть месяцев прошло со времени появления моей книги, а я не только не вижу конца всевозможным злоупотреблениям и порокам... но и не слыхал, чтобы моя книга произвела хоть одно действие, соответствующее моим намерениям».

Свифт, разумеется, не был так наивен, как его герой. Подобно другим просветителям, он считал своим долгом бичевать человеческие предрассудки, но он знал, что не только на предрассудках зиждется современный мир лжи и порока.

Короля великанов особенно поразило, что Англия и в мирное время имеет наемную армию. «...Если у нас есть самоуправление, осуществляемое wybranными нами депутатами, то,—недоумевал король,—кого же нам бояться и с кем воевать?» Во время третьего своего путешествия Гулливер попадает на летающий остров, который помогает королю сохранить свою власть над страной. Стоит в какой-нибудь части страны вспыхнуть возмущению, как остров опускают на головы мятежников. Не одними предрассудками, но и насилием держится буржуазный мир.

В «Путешествиях Гулливера» немало противоречий. Автор сам не раз опровергает себя. Но с одним утверждением он никогда не спорит на протяжении всей своей книги: «Всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политички, взятые вместе». Именно в созидательном труде на благо родины и всего человечества видит надежду

на будущее Свифт. Бесперспективность «Путешествий Гулливера» отражала не обреченность человечества на страдания и пороки, а бесперспективность для народа буржуазного пути развития.

Свифт жил в период, когда произошла уже буржуазная революция, обманувшая надежды, которые на нее возлагались лучшими людьми, принеся множество горьких разочарований. Люди его времени не видели и не могли еще видеть возможности иного общественного строя. Не видел ее и Свифт. Но он понял, насколько нелеп современный ему порядок, и тем самым показал, что порядок этот не вечен.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 34. ...синюю, красную и зеленую — цвета английских орденов Подвязки, Бани и св. Андрея.

Стр. 38. *Колосс Родосский* — исполинская медная статуя бога солнца Гелиоса, сооруженная древними греками в гавани острова Родос. Колосс Родосский считался в древнем мире одним из семи чудес света, и его название стало употребляться для обозначения огромных, величественных предметов.

Стр. 47. *Разбивать яйца с острого конца* — намек на религиозные споры между католиками и протестантами.

Один император потерял жизнь, а другой корону — намек на события английской революции XVII века. Король Карл I Стюарт был казнен в 1649 году во время гражданской войны между парламентом и королем; король Яков II, правивший во время реставрации Стюартов, был в результате переворота 1688 года лишен престола и бежал во Францию.

Стр. 67. *Альпари* — экономический термин, означающий — «по номинальной стоимости». Этот термин употребляется в капиталистических странах, где номинальная (обозначенная на документе) стоимость иностранной валюты, ценных бумаг, векселей и т. п. часто не совпадает с действительной ценой, по которой они продаются на бирже.

Стр. 90. *Двадцать дней подряд* — ошибка в расчетах у автора.

Видя, что ветер сильно крепчает... — здесь Свифт пародирует авторов книг о путешествиях, злоупотреблявших морской терминологией.

Стр. 102. ...латинское *homunculus*, итальянское *homunculetino* и английское *tapnikin*. — Речь идет о так называемом гомункуле (буквально: «человечек») — крошечном существе, которое средневековые алхимики считали возможным искусственно вырастить

в колбе. В научной литературе XVII—XVIII веков гомункулум называли человеческий зародыш.

Стр. 108. *Атлас Сансона* — атлас, изданный знаменитым французским географом Николо Сансоном (1600—1667) и переиздававшийся, с некоторыми изменениями, в течение всего XVIII века. Издание, с которым мог быть знаком Свифт, имело по 20 дюймов (около 51 сантиметра) в длину и ширину.

Стр. 110. *Мойдор* — старинная золотая португальская монета, достоинством, в переводе на тогдашние английские деньги, приблизительно в гинею с четвертью (27 шиллингов).

Стр. 126. *Колокольня в Сольсбери* — колокольня высотой в 404 фута (около 123 метров).

Стр. 140. *Шпинет* — старинный музыкальный клавишно-струнный инструмент. Подобно клавесину и клавикордам — предшественник современного фортепьяно.

Стр. 142. *Цицерон и Демосфен*. — Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.) — древнеримский писатель и политический деятель. Цицерон был крупнейшим оратором древнего Рима. Демосфен (384—322 до н. э.) — знаменитый афинский оратор и политический деятель.

Стр. 149. *Дионисий Галикарнасский* (I век до н. э. — I век н. э.) — древнегреческий историк, автор «Римской археологии». Свифт ссылается здесь на предисловие Дионисия Галикарнасского к «Римской археологии».

Стр. 152. *...относительно идей, сущностей, абстракций и трансценденталий...* — иными словами, относительно философии. Упоминаемые здесь Свифтом термины поныне приняты в философии.

Стр. 169. *Фазтон* (греч. миф.) — сын бога солнца Гелиоса, который попросил у отца разрешение править его колесницей, но не сумел справиться с конями. Колесница приблизилась к земле и чуть не сожгла все живое. Зевс, чтобы спасти землю, убил Фазтона молнией и низверг его в реку.

Стр. 174. *Форт С.-Жорж* — порт и крепость на побережье Бенгальского залива. Ныне — город Мадрас (Индия).

Стр. 187. *...комета в своем перигелии...* — Перигелием называется точка в орбите планеты или кометы, наиболее близкая к Солнцу.

Стр. 194. *Кроме того, они открыли две маленьких звезды или спутника, обращающихся около Марса...* — Правильность этой догадки Свифта в недавнем времени подтверждена астрономией.

Стр. 212. *in folio* — то есть форматом в пол-листа.

Стр. 221. *Претендент* — так называли в Англии представителей свергнутой династии Стюартов, не оставлявших надежды вернуться на английский престол. После смерти (1701) свергнутого с английского престола Якова II католические державы, находившиеся с Англией в состоянии войны, признали английским коро-

зем его сына Якова III, а последний отрекся в 1744 году в пользу своего сына Карла Эдуарда. Яков III в 1716 году и Карл Эдуард в 1746 пытались с помощью шотландских горцев овладеть английским престолом, но оба были разбиты и бежали обратно во Францию. В данном случае речь идет о Якове III.

Стр. 225. *Акростихов и анаграмм.* — Акростих — стихотворение, в котором начальные буквы строк образуют слово или целое предложение. Анаграмма — перестановка букв в одном или нескольких словах с целью образовать новое слово или предложение.

Стр. 231. *Александр Великий* — Александр Македонский (356—323 до н. э.) — крупнейший полководец и государственный деятель древности.

Битва под Арбелой. — Арбела — город в древней Ассирии, неподалеку от которого произошло 2 октября 331 года до н. э. сражение между войсками Александра Македонского и персидского царя Дария III, решившее вопрос о господстве над Азией. Сражение окончилось победой Александра Македонского.

Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.) — выдающийся карфагенский полководец, нанесший римлянам ряд поражений во время второй Пунической войны.

Не было ни капли уксуса... — Свифт здесь намекает на римского историка Тита Ливия, который писал, будто Ганнибал во время перехода через Альпы (218 до н. э.) приказал солдатам скрыть скалу, преграждавшую путь его армии. Чтобы сделать это возможным, Ганнибал, согласно Титу Ливию, велел раскалить скалу, а затем полить ее уксусом, после чего она стала мягкой, как глина.

Цезарь — Гай Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — выдающийся римский полководец, политический деятель и писатель.

Помпей Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Боролся с Цезарем за единоличную власть. В 48 г. до н. э. был разбит Цезарем при Фарсале и бежал в Египет, где был убит.

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, республиканец. Один из убийц Юлия Цезаря.

Стр. 232. *Сообщил мне, что его предки: Юний, Сократ, Эпаминонд, Катон Младший, сэр Томас Мур и он сам всегда находятся вместе...*

Юний — Луций Юний Брут — полулегендарный герой древнего Рима, свергший последнего римского царя Тарквиния Гордого и ставший одним из римских консулов. *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. Для английских писателей XVIII века, в том числе и для Свифта, Сократ был символом исключительного личного мужества и верности своим идеям. О Сократе сохранилось следующее предание: когда Сократ за враждебное отношение к афинской демократии был приговорен к смертной казни, друзья подготовили его побег, но Сократ отказался выйти из тюрьмы, поскольку он учил, что законам следует подчиняться, и в назначенный судьями день он сам выпил кубок

с ядом. *Эпаминонд* (ок. 418—362 до н. э.) — древнегреческий полководец и политический деятель, способствовавший освобождению Беотии от спартанского ига. В результате походов Эпаминонда против Спарты в Греции создано третье сильное государство (остальные два — Афины и Спарта), со столицей в Фивах (область Беотия). *Катон Младший* — Марк Порций Катон Утический (95—46 до н. э.) — римский политический деятель, республиканец, активный противник Юлия Цезаря. Убедившись в неизбежности поражения республиканской (сенатской) партии, покончил самоубийством. *Мор Томас* (1478—1535) — выдающийся английский мыслитель-гуманист, автор книги «Утопия» (1516), которая явилась одним из первых документов утопического социализма. Томас Мор был противником Реформации и отказался присягнуть королю Генриху VIII, как главе церкви, за что был казнен.

Стр. 233. *Гомер* — легендарный древнегреческий поэт. Гомеру приписывается авторство двух величайших эпических поэм древности — «Илиады» и «Одиссеи».

Аристотель (384—322 до н. э.) — великий древнегреческий философ.

Дидим и Евстафий. — Дидим (род. 63 до н. э.) — римский комментатор Гомера. Из его трактата о Гомере до нас дошли только отрывки. Евстафий (конец XII века) — архиепископ салоникский, составивший ценный комментарий к гомеровским поэмам.

Скот и Рамус. — Скот, Дунс (ум. в 1308 г.) — средневековый философ-схоласт, комментатор Аристотеля. Рамус, Петр — автор сочинения о философии Аристотеля, опубликованного в 1543 году.

Декарт и Гассенди. — Декарт, Рене (1596—1650) — знаменитый французский философ и ученый. «Теория вихрей», о которой далее говорит Свифт, это учение Декарта о природе материального мира, носившее материалистический характер. Согласно этой теории, движение материи сводится к перемещению атомов. Гассенди, Пьер (1592—1655) — французский философ-материалист, физик и астроном. Выступил с резкой критикой учения Аристотеля и опиравшихся на него средневековых схоластов. Критиковал также идеалистические стороны философии Декарта.

Стр. 234. *Эпикур* (341—270 до н. э.) — выдающийся греческий философ-материалист.

Он предсказал ту же участь теории тяготения... — Речь идет о теории всемирного тяготения, открытой великим английским физиком, астрономом и математиком Исааком Ньютоном (1642—1727).

Гелиогабал — римский император (III в. н. э.).

Илот. — Илотами называли в Спарте земледельцев, находившихся на положении рабов. Илоты считались собственностью государства, но были прикреплены к отдельным семьям крупных землевладельцев.

Агесилай (IV в. до н. э.) — спартанский царь и полководец.

Стр. 235. *Полидор Виргиллий* (1470—1555) — итальянский историк. Большую часть жизни прожил в Англии и написал «Историю Англии» на латинском языке.

Nec vir fortis, nec foemina casta (лат.) — И не доблестный муж, и не целомудренная женщина.

Стр. 237. *Антоний* — Марк Антоний (83—30 до н. э.) — римский политический деятель. Опираясь на поддержку Египта, входившего в состав восточных провинций Рима, начал борьбу за власть в Риме. В 31 году до н. э. римский флот нанес ему поражение у Акция, после чего Антоний покончил самоубийством.

Август (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император с 27 года до н. э. до 14 года н. э.

Сыну либертины — то есть сыну вольноотпущенницы.

Стр. 238. *Агриппа* (ок. 63—12 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель.

Стр. 240. *...в Японию, куда из всех европейцев открыт доступ только голландцам.* — После подавления в 1637 году восстания христиан в Японию был запрещен въезд всех иностранцев, кроме голландцев и китайцев. Запрет этот был отменен только в 1854 году.

Стр. 254. *Обряд попания ногами распятия.* — Согласно японскому закону 1638 года, принадлежность к христианам каралась смертной казнью. Чтобы выяснить, исповедует ли человек христианскую веру, его заставляли топтать ногами распятие и, если он отказывался, казнили. Свифт, по-видимому, ошибался, полагая, что топтать ногами распятие заставляли и голландцев. Их вероисповедание и без того было известно; к тому же закон 1638 года распространялся только на японских подданных.

Стр. 274. *Император Карл V сделал почти аналогичное наблюдение...* — Имеются в виду слова германского императора Карла V (1500—1558), который, по преданию, заявил, что охотнее всего обращался бы к богу по-испански, к возлюбленной по-итальянски, а к лошади по-немецки.

Стр. 288. *...я рассказал про последнюю английскую революцию, произведенную принцем Оранским, многолетнюю войну с Францией, начатую этим принцем и возобновленную его преемницей, ныне царствующей королевой Анной, войну, в которой приняли участие все великие христианские державы и которая продолжается и до сих пор.* — Речь идет о перевороте 1688 года, в результате которого к власти пришел Вильгельм Оранский, высадившийся в Англии с армией, набранной в Нидерландах, и о войне Англии против Франции, которая велась с 1689 до 1697 года, а затем с 1701 по 1713 год (война за испанское наследство). Свифт не совсем точен, говоря, что война была возобновлена королевой Анной, поскольку война была объявлена еще при жизни Вильгельма Оранского, в 1701 году, и тогда же были начаты приготовления к военным действиям, развернувшимся уже после вступления на престол королевы Анны.

Стр. 289. *Различие мнений стоило многих миллионов жизней.* — Намек на религиозные войны. Перечисляя далее «различные мнения» по вопросу о том, «является ли тело хлебом или хлеб те-

лом» и т. п., Свифт имеет в виду действительные разногласия, возникшие, особенно со времени Реформации, между христианскими вероучениями по вопросам обрядовости, церковных таинств и т. п.

Стр. 292. *Кулеврина* — тип артиллерийского орудия, состоявшего на вооружении европейских армий в начале XVIII века. Появилась впервые в XV веке.

Стр. 317. ...согласовались с изречениями Сократа, как они переданы Платоном. — Сократ (см. примечание к стр. 232) не оставил письменных трудов. Свое учение он излагал устно кружку учеников, в число которых входил и знаменитый древнегреческий философ Платон (427—347 до н. э.), который впоследствии в своих произведениях изложил высказывания Сократа.

Стр. 338. ...достиг юго-восточного берега Новой Голландии. — Новой Голландией во времена Свифта называли Австралию. Судя по предыдущему изложению, Свифт здесь указывает юго-восточный берег по ошибке. Следовало бы сказать «юго-западного».

Молль Герман (умер в 1732 г.) — английский географ, голландец по происхождению.

Стр. 348. *Nec si miserum Fortuna Sinonem Finxit, vanum etiam, mendacemque improba finget.* — «Хотя судьба сделала Синона несчастным, она никогда не сделает его лжецом и бесчестным» (лат.). Цитата из поэмы римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.) «Энеида».

Стр. 349. ...завоевание Фердинандом Кортесом американских дикарей. — Кортес, Фернандо (1485—1547) — испанский военачальник в Америке. В 1519—1521 годах завоевал Мексику, жестоко расправляясь с местным индейским населением.

Стр. 350. *Rē alsitrat indique tutus* — «Лягается, сам отовсюду надежно защищенный» (лат.). Цитата из второй сатиры римского поэта Горация (65—8 до н. э.).

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛИЛЛИПУТИЮ

Глава I. Автор дает сведения о себе и о своем семействе. Что побудило автора отправиться в путешествие. Он претерпевает кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лиллипутов. Его берут в плен и увозят в глубь страны	7
Глава II. Император Лиллипутии в сопровождении многочисленных вельмож приходит навестить автора в его заключении. Описание наружности и одежды императора. Автору назначают учителей для обучения языку лиллипутов. Своим кротким поведением автор добивается благосклонности императора. Обыскивают карманы автора и отбирают у него саблю и пистолеты	22
Глава III. Автор весьма оригинально забавляет императора, придворных дам и кавалеров. Описание придворных развлечений у лиллипутов. Автору на известных условиях даруется свобода	33
Глава IV. Описание Мильдендо, столицы Лиллипутии, и императорского дворца. Беседа автора с первым секретарем о государственных делах. Автор предлагает свои услуги императору в его войнах	43
Глава V. Автор благодаря чрезвычайно остроумной выдумке предупреждает нашествие неприятеля. Его жалуют высоким титулом. Являются послы императора Блефуску и просят мира. Пожар в покоях императрицы благодаря несчастному случаю. Энергичные усилия автора спасают остальные части дворца	50

Глава VI. О жителях Лиллипутин: их наука, законы и обычаи; система воспитания детей. Образ жизни автора в этой стране. Автор восстанавливает репутацию одной знатной дамы	59
Глава VII. Автор, будучи осведомлен о намерении обвинить его в государственной измене, предпринимает побег в Блефуску. Прием, оказанный ему там	70
Глава VIII. Автор благодаря счастливому случаю находит возможность оставить империю Блефуску и после некоторых затруднений возвращается благополучно в свое отечество	80

Часть вторая

ПУТЕШЕСТВИЕ В БРОБДИНГНЕГ

Глава I. Описание сильной бури. Посылка баркаса за пресной водой. Автор отправляется на нем для исследования страны. Он оставлен на берегу, его подбирает один туземец и относит к фермеру. Прием автора на ферме и различные происшествия, случившиеся там. Описание жителей	89
Глава II. Портрет дочери фермера. Автора отвозят в соседний город и потом в столицу. Подробности его путешествия	102
Глава III. Автора требуют ко двору. Королева покупает его у фермера и представляет королю. Автор вступает в диспут с великими учеными его величества. Ему устраивают помещение во дворце. Он в большой милости у королевы. Он защищает честь своей родины. Его ссоры с карликом королевы	109
Глава IV. Описание страны. Предлагаемая автором поправка географических карт. Королевский дворец и несколько слов о столице. Способ путешествия автора. Описание главного храма	122
Глава V. Различные приключения автора. Казнь преступника. Автор показывает свое искусство в мореплавании	127
Глава VI. Различные выдумки автора для развлечения короля и королевы. Он показывает свои музыкальные таланты. Король интересуется государственным строем Англии, который автор излагает ему. Замечания короля по этому поводу	139

Глава VII. Любовь автора к отечеству. Он делает выгодное предложение королю, но король отвергает это предложение. Невежество короля в делах политики. Несовершенство и ограниченность знаний этого народа. Законы, военное дело и партии в государстве 149

Глава VIII. Король и королева предпринимают путешествие к границам государства. Автор сопровождает их. Подробный рассказ о том, каким образом автор оставляет страну. Он возвращается в Англию 157

Часть третья

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛАПУТУ, БАЛЬНИБАРБИ, ЛАГГНЕГГ, ГЛАБДОБДРИБ И ЯПОНИЮ

Глава I. Автор отправляется в третье путешествие. Он взят в плен пиратами. Злоба одного голландца. Прибытие автора на некий остров. Его поднимают на Лапуту 173

Глава II. Описание характера и нравов лапутян. Представление об их науке. О короле и его дворе. Прием, оказанный при дворе автору. Страхи и тревоги лапутян. Жены лапутян 180

Глава III. Описание одного замечательного прибора, устроенного благодаря успехам современной философии и астрономии. Обширное развитие астрономических знаний у лапутян. Королевский метод подавления восстаний 190

Глава IV. Автор оставляет Лапуту. Его спускают в Бальнибарби. Прибытие автора в столицу. Описание столицы и прилегающей местности. Один сановник гостеприимно принимает у себя автора. Его беседы с этим сановником 199

Глава V. Автору дозволяют осмотреть Великую Академию в Лагадо. Подробное описание Академии. Искусства, изучением которых занимаются профессора 206

Глава VI. Продолжение описания Академии. Автор предлагает некоторые усовершенствования, которые с благодарностью принимаются 215

Глава VII. Автор оставляет Лагадо и прибывает в Мальдонадо. Он не попадает на корабль. Совершает короткое путешествие в Глабдобдриб. Прием, оказанный автору правителем этого острова 227

Глава VIII. Продолжение описания Глабдобдриба. Поправки к древней и новой истории 233

Глава IX. Автор возвращается в Мальдонадо и оттуда едет в королевство Лаггнегг. Его арестовывают и отправляют во дворец. Прием, оказанный автору во дворце. Милостивое отношение короля к своим подданным 239

Глава X. Похвальное слово лаггнежцам. Подробное описание струльдбругов со включением многочисленных бесед автора по этому поводу со многими выдающимися людьми	244
--	-----

Глава XI. Автор оставляет Лаггнегг и отправляется в Японию. Отсюда он возвращается на голландском корабле в Амстердам, а из Амстердама в Англию	253
---	-----

Часть четвертая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ГУИГНГНМОВ

Глава I. Автор отправляется в путешествие капитаном корабля. Его экипаж составляет против него заговор; его содержат долгое время под стражей в каюте и высаживают на берег в неизвестной стране. Он направляется в глубь этой страны. Описание особенной породы животных йэху. Автор встречает двух гуигнгнмов	259
---	-----

Глава II. Гуигнгим приводит автора к своему жилищу. Описание этого жилища. Прием, оказанный автору. Пища гуигнгнмов. Затруднения автора вследствие отсутствия подходящей для него пищи и устранение этого затруднения. Чем питался автор в этой стране	268
--	-----

Глава III. Автор обучается туземному языку. Гуигнгим, его хозяин, помогает ему в занятиях. Язык гуигнгнмов. Много знатных гуигнгнмов приходит взглянуть из любопытства на автора. Он вкратце рассказывает хозяину о своем путешествии	274
---	-----

Глава IV. Понятие гуигнгнмов об истине и лжи. Речь автора вызывает негодование у его хозяина. Более подробный рассказ автора о себе и о своих путешествиях	280
--	-----

Глава V. По повелению своего хозяина автор знакомит его с положением Англии. Причины войн между европейскими государями. Автор приступает к изложению английской конституции	288
--	-----

Глава VI. Продолжение описания Англии. Характеристика первого или главного министра при европейских дворах	298
--	-----

Глава VII. Глубокий патриотизм автора. Замечания хозяина относительно описанных автором английской конституции и английского правления с проведением параллелей и сравнений. Наблюдения хозяина над человеческой природой	306
---	-----

Глава VIII. Автор описывает некоторые особенности йэху. Великие добродетели гуигнгнмов. Воспитание и упражнения их молодого поколения. Национальное собрание	315
--	-----

Глава IX. Большие прения в генеральном собрании гуигнгнмов и как они окончились. Знания гуигнгнмов. Их постройки. Обряды погребения. Недостатки их языка	321
--	-----

Глава X. Домашнее хозяйство автора и его счастливая жизнь среди гуингнмов. Он совершенствуется в добродетели благодаря общению с ними. Беседы автора с гуингнмами. Хозяин объявляет автору, что он должен покинуть страну. От горя он лишается чувств, но подчиняется. С помощью приятеля-слуги ему удается смастерить лодку; он пускается в море наудачу	328
Глава XI. Опасное путешествие автора. Он прибывает в Новую Голландию, рассчитывая поселиться там. Один из туземцев ранит его стрелой из лука. Его схватывают и насильно сажают на португальский корабль. Очень любезное обращение с ним капитана. Автор возвращается в Англию	337
Глава XII. Правдивость автора. С каким намерением опубликовал он этот труд. Он порицает путешественников, отклоняющихся от истины. Автор отвергает какой-либо злой умысел при писании этой книги. Ответ на одно возражение. Метод насаждения колоний. Похвалы родине. Бесспорное право короны на страны, описанные автором. Трудность завоевать их. Автор окончательно расстается с читателем; он излагает планы своего образа жизни в будущем, дает добрые советы и заканчивает книгу	347
Джонатан Свифт и его роман «Путешествия Гулливера» — послесловие Ю. Кагарлицкого	355
Примечания Ю. Кагарлицкого	366

Редактор А. Миropова.
Технич. редактор И. Егорова.

Изд-во «Московский рабочий», Москва, пр. Владимирова, д. 6.

Подписано к печати 12/III 1958 г. Формат бумаги 84×108¹/₂ мм. Бум. л. 5.876.
Печ. л. 19,27. Уч.-изд. л. 18,73. Тираж 200 000. Цена 7 р. 15 к. Зак. 1304.

Типография изд-ва «Московский рабочий», Москва, Петровка, 17.

7 р. 15 к.

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ